

Вестник НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ Московского Основан в ноябре 1946 г. университета

Серия 25 МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

ТОМ 12 • № 3 • 2020 • ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ

У ИСТОКОВ БИПОЛЯРНОГО ПОРЯДКА: УРОКИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вступительное слово президента ФМП Л.Э. Слуцкого</i>	3
<i>От редакции</i>	4
Борисов А.Ю. Антигитлеровская коалиция: от вражды к военному союзу — формула успеха	7
Магадеев И.Э. «Уроки войны» и стратегическое планирование держав «большой тройки» (1945–1949)	45
Веселов В.А. Длинная тень Второй мировой войны: становление концепции «национальной безопасности» в США	85
Сидоров А.А. Формирование американских планов послевоенного обустройства Японии в годы Второй мировой войны	131
Фалалеев П.И. «План Маршалла» и западноевропейская интеграция: эволюция позиций Великобритании и Франции (1947–1948)	165
Фомин А.М. Британская политика и стратегия на Ближнем Востоке в 1941 г.: три войны «к востоку от Суэца»	191
Корунова Е.В. Нейтралитет или участие? Вторая мировая война и эволюция внешнеполитических концепций скандинавских стран	222

Moscow University Bulletin of World Politics

ISSN 2076-7404

Vol. 12 • No. 3 • SUMMER • 2020

THE ORIGINS OF THE BIPOLAR WORLD ORDER: LESSONS OF WORLD WAR II

CONTENTS

<i>An Introductory Message by the President of the School of World Politics L.E. Slutskii</i>	3
<i>Editorial Note</i>	4
BorISOV A.Yu. The Anti-Hitler Coalition: From Enmity to Military Alliance — A Formula for Success	7
Magadeev I.E. Lessons of World War II and Strategic Planning of the Big Three (1945–1949)	45
Veselov V.A. A Long Shadow of World War II: Development of the National Security Concept in the United States	85
Sidorov A.A. Development of the US Plans for Post-War Japan during World War II	131
Falaleev P.I. The Marshall Plan and the European Integration: The Stance of Great Britain and France (1947–1948)	165
Fomin A.M. British Policy and Strategy in the Middle East in 1941: Three Wars ‘East of Suez’	191
Korunova E.V. Neutrality or Involvement? World War II and Evolution of Foreign Policy Concepts of the Nordic Countries	222

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРЕЗИДЕНТА ФМП Л.Э. СЛУЦКОГО

Предлагаемый вашему вниманию выпуск журнала «Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика» выходит в свет очень своевременно. И дело даже не в том, что он приурочен к 75-летию окончания Второй мировой войны — самой страшной войны в истории человечества, которое мы отмечаем в этом году. К сожалению, сейчас приходится признать, что подписание 2 сентября 1945 г. акта о безоговорочной капитуляции Японии не поставило точку в истории этого конфликта. В условиях нарастания напряженности в международных отношениях, обострения противостояния ведущих мировых держав сама память о Второй мировой войне превратилась в настоящее время в своеобразное поле боя. Теперь это война исторических мифов, оружием в которой выступают официальные заявления политиков, монографии и журнальные публикации, целью — пересмотр содержания и значения тех трагических событий в угоду сиюминутным конъюнктурным интересам, а главным объектом нападков — наша страна, коллективная память нашего народа. В глобальном информационном пространстве снова начинают усиленно муссироваться уже, казалось бы, давно развенчанные мифы о якобы равной ответственности Советского Союза и нацистской Германии в развязывании Второй мировой войны, при этом замалчивается откровенно неблагоприятная политика, которую проводили в межвоенный период как западные демократии, так и малые европейские государства вроде той же Польши.

Противостоять этой пропагандистской кампании необходимо, но делать это нужно не с помощью конструирования собственных мифов, а посредством последовательного, взвешенного и непредвзятого анализа причин и предпосылок, хода и итогов той войны. Именно такой, серьезный и научно обоснованный подход является лучшей защитой от всякого рода попыток ревизии нашей истории. Именно такой подход демонстрируют авторы данного выпуска. И именно этим обуславливаются его особая актуальность и своевременность.

Хочется надеяться, что представленные в номере статьи не только будут интересны для профессиональных исследователей, историков и политологов, но и послужат хорошим подспорьем для студентов факультета мировой политики Московского государственного университета, откроют для них новые грани такого сложного и многоаспектного предмета, как история международных отношений.

*Президент факультета мировой политики, доктор экономических наук
Л.Э. Слуцкий*

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается новый тематический выпуск нашего журнала, приуроченный к 75-й годовщине окончания Второй мировой войны. В центре внимания находится проблема чрезвычайно сложного, неоднозначного наследия самого масштабного и кровопролитного конфликта в истории человечества, оценки его роли в формировании нового порядка международных отношений, на осколках которого мы во многом живем до сих пор. Неслучайно своеобразным лейтмотивом этого номера, красной нитью проходящим практически через все представленные в нем статьи, является тема уроков этой войны для будущих поколений и современных политиков — уроков выученных, невыученных или давно забытых.

Открывает выпуск яркая статья Чрезвычайного и Полномочного Посланника, доктора исторических наук, профессора А.Ю. Борисова (МГИМО МИД России), в которой отмечается необходимость противостоять активизировавшимся попыткам ревизии истории Второй мировой войны, направленным на пересмотр роли Советского Союза в победе над державами-агрессорами. Для того чтобы, с одной стороны, разобраться в подлинных причинах провала попыток создания системы коллективной безопасности в Европе в 1930-е годы, а с другой — лучше понять феномен антигитлеровской коалиции, автор предлагает еще раз взглянуть на перипетии международных отношений межвоенного периода, последовательно проанализировать эволюцию внешней политики великих держав, которым суждено было возглавить борьбу с нацизмом.

Противостояние общему врагу сплотило на время государства, представлявшие разные модели социально-экономического и политического развития, но не ликвидировало глубокие объективные антагонизмы между ними. Более того, опыт Второй мировой войны лег в основу стратегического планирования держав «большой тройки», которое было обращено теперь своим острием против недавних союзников. В статье кандидата исторических наук И.Э. Магадеева (МГИМО МИД России) проводится сравнительный анализ оценок уроков войны политическим и военным руководством СССР, США и Великобритании в первые послевоенные годы. Автор подчеркивает, что в тот период именно тень Второй мировой войны оказывала определяющее влияние на представления политиков и военных стратегов о возможном облике, характере и целях эвентуального нового мирового конфликта. Автор отмечает, что это воздействие поначалу было преобладающим, несмотря даже на появление ядерного оружия.

Образ длинной тени Второй мировой войны развивает в своей статье кандидат исторических наук В.А. Веселов (ФМП МГУ имени М.В. Ломоносова). Он подробно анализирует историю возникновения и развития концепции «национальной безопасности» в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX в. По мнению автора, ее сложный, многоаспектный характер напрямую обусловлен тем обстоятельством, что она возникла как реакция на многомерные вызовы, с которыми США столкнулись в годы Второй мировой войны. Этим же объясняется ее непреходящее значение при изучении современных проблем мировой политики. В.А. Веселов подчеркивает ярко выраженный проактивный, наступательный и экспансионистский характер этой концепции, которая отразила стремление американских элит не просто встроиться в существующую систему международных отношений, а создать новую, полностью подчиненную интересам США.

Яркой иллюстрацией, наглядно подтверждающей эти выводы, может служить процесс выработки американскими внешнеполитическими стратегами планов послевоенного устройства Японии, который подробно разбирается в статье декана факультета мировой политики МГУ доцента А.А. Сидорова. Показано, что обсуждение судьбы Японии, ее возможной роли в новом мировом порядке выявило достаточно глубокие расхождения в среде американских элит. В то же время эти противоречия не касались фундаментальных основ внешнеполитического планирования, которое, как отмечает автор, отличалось планомерностью, тщательностью и вместе с тем гибкостью, благодаря чему США удалось добиться, казалось, невозможного: из ярого противника Япония превратилась в одного из самых надежных их союзников, каковым остается по сей день.

С точки зрения формирования нового послевоенного порядка международных отношений не меньшее значение имели инициативы США, направленные на страны Западной Европы. В статье кандидата исторических наук П.И. Фалалеева (РНИМУ имени Н.И. Пирогова) изучена реакция лидеров Великобритании и Франции на «план Маршалла» и показана его роль в контексте развития процессов европейской интеграции. В частности, автор отмечает, что хотя эти процессы были обусловлены прежде всего совокупностью внутриевропейских политических и экономических факторов, необходимость отстаивания собственных интересов в ходе трудных переговоров с американскими представителями способствовала быстрому сближению позиций Лондона и Парижа как по проблемам двусторонних отношений, так и по вопросам послевоенного восстановления и развития Европы в целом.

Сложный характер взаимодействия стран «коллективного Запада», проявившийся в первые послевоенные годы, также был во многом обусловлен наследием Второй мировой войны. В частности, логика и динамика отноше-

ний Великобритании, Франции и США на Ближнем Востоке в 1940–1950-е годы была связана в том числе с успехами и неудачами британской политики в этом регионе в начале войны. В статье кандидата исторических наук А.М. Фомина (исторический факультет МГУ) рассмотрены три эпизода борьбы Великобритании за Ближний Восток в 1941 г.: военные операции в Ираке и Сирии, а также оккупация Ирана, проведенная совместно с Советским Союзом. Все эти шаги, продиктованные стремлением не допустить утверждения в регионе германской гегемонии, привели к тому, что на Ближнем Востоке был создан своеобразный «временный режим» британского доминирования. Однако никуда не исчезло англо-французское и англо-советское соперничество, к которому добавилось растущее присутствие в регионе Соединенных Штатов. Всё это закладывало основу для новых конфликтов уже в послевоенный период.

Развернувшиеся процессы кристаллизации биполярного порядка, начало «холодной войны», казалось, не оставляли малым государствам надежды на сохранение в полном объеме их суверенитета, обрекая их на роль более или менее независимых сателлитов и клиентов сверхдержав. Однако парадоксальным образом эти же процессы открыли для ряда таких стран совершенно новые возможности для отстаивания своего места на международной арене. В этом контексте особого внимания заслуживает политика скандинавских стран, направленная на защиту своего нейтралитета в условиях обострения противостояния великих держав. В статье кандидата исторических наук Е.В. Коруновой (исторический факультет МГУ) прослежена эволюция подходов Дании, Норвегии, Швеции и Финляндии к проблеме поддержания своего нейтрального статуса с середины 1930-х до конца 1940-х годов. Показано, как постепенно на севере Европы сформировалась особая архитектура безопасности. В ее основе было условное распределение ролей для каждого из государств региона, а на нейтральную Швецию ложились функции уравнивающей силы в этой уникальной системе эквилибриума.

Именно в указании на необходимость выявления объективных закономерностей в сложном, противоречивом, на первый взгляд, парадоксальном процессе развития международных отношений и заключается, наверное, один из главных уроков, которому может научить нас обращение к трагической истории Второй мировой войны. Остается лишь надеяться, что этот урок окажется востребованным в наши дни.

Приятного чтения!

А.Ю. Борисов*

**АНТИГИТЛЕРОВСКАЯ КОАЛИЦИЯ:
ОТ ВРАЖДЫ К ВОЕННОМУ СОЮЗУ —
ФОРМУЛА УСПЕХА**

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный институт международных отношений
(университет)*

*Министерства иностранных дел Российской Федерации»
119454, Москва, пр-т Вернадского, 76*

В последние годы вокруг событий, связанных с началом Второй мировой войны, развернулась новая война — война памяти. Политики и исследователи, являющиеся идейными наследниками коллаборационистов, предпринимают активные попытки переписать историю тех трагичных дней, принизить роль Советского Союза в победе над нацизмом, воскресить уже давно развенчанные мифы о якобы равной ответственности СССР и нацистской Германии в начале войны, об «оккупации», а не освобождении Красной Армией стран Восточной Европы. Для того чтобы противостоять этой ревизионистской кампании, представляется целесообразным еще раз обратиться к перипетиям международных отношений межвоенного периода, в частности рассмотреть вопросы, почему провалились попытки формирования единого фронта антифашистских сил в 1930-е годы и почему складывание антигитлеровской коалиции стало все-таки возможным.

В центре проблематики статьи — сложное переплетение соображений соперничества и сотрудничества, взаимного недоверия и желания найти союзника в условиях нараставшего международного кризиса, которое обуславливало динамику отношений в треугольнике СССР–США–Великобритания на рубеже 1930–1940-х годов. В статье подробно разобраны причины, по которым все усилия по созданию системы коллективной безопасности в довоенный период оказались безрезультатными перед лицом политики «умиротворения», обернувшейся завоеванием А. Гитлером почти всей Европы. Только вступление в войну СССР изменило трагический ход событий и внесло решающий вклад в победу народов над агрессорами. Автор подчеркивает в этой

* *Борисов Александр Юрьевич* — доктор исторических наук, профессор Московского государственного института международных отношений МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посланник (e-mail: albor@rambler.ru).

связи, что особую роль сыграли реализм, здравый смысл и готовность к взаимодействию, проявленные в тот момент И.В. Сталиным, Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем. И хотя в отношениях между державами антигитлеровской коалиции оставалось много нерешенных проблем, не раз приводивших к острым разногласиям, их лидерам удалось в самый решающий момент подняться над застарелыми обидами, идеологическими расхождениями и конъюнктурными политическими интересами, осознать общность своих стратегических целей в борьбе с нацизмом. В этом, по мнению автора, скрыты формула успеха антигитлеровской коалиции и одновременно важный исторический урок для современных политиков. Само складывание этой коалиции стало крупнейшим водоразделом в истории XX столетия, определившим ход дальнейшего развития человечества и заложившим основы послевоенного миропорядка на следующие полвека.

Ключевые слова: антигитлеровская коалиция, коллективная безопасность, второй фронт, ленд-лиз, Вторая мировая война, политика «умиротворения», послевоенный мировой порядок.

Война памяти

В годы Великой Отечественной войны межсоюзнические конференции руководителей главных держав антигитлеровской коалиции — И.В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля — нередко с уважением называли в близком кругу «встречами умов». Это были действительно великие государственные умы того времени, сумевшие в ответственный момент подняться над острейшими противоречиями своей эпохи ради достижения исторической цели — разгрома нацизма и создания основ прочного послевоенного мира.

Пройдет совсем немного времени после капитуляции гитлеровской Германии, и находившийся в ореоле славы победителя британский премьер-министр Уинстон Черчилль неожиданно для себя проиграет парламентские выборы. Болезненно переживая поражение как незаслуженную обиду со стороны английских избирателей, он мрачно заметит: «После войны гигантов началась война пигмеев».

Сказанное, разумеется, относилось к его политическим противникам из лагеря лейбористов, но, как оказалось, спустя три четверти столетия эти слова вполне точно характеризуют тех недалеких политиков, кто сегодня в угоду политической конъюнктуре и собственным эгоистическим амбициям пытается переписать историю войны и победы, оплаченной миллионами человеческих жизней.

Прискорбно, что славная юбилейная дата, которую мы, современники, еще имели возможность отметить вместе с непосредственными

участниками и свидетелями тех героических событий, оказалась омрачена невиданной по своему масштабу попыткой ревизии исторического прошлого, принявшей характер настоящей «войны памяти».

Впрочем, можно было ожидать, что после распада СССР и окончания «холодной войны» политические силы, охваченные эйфорией триумфализма и враждебно встретившие появление новой России, предпримут попытку ревизионистского переосмысления в свою пользу истории Великой Отечественной и Второй мировой войны, с тем чтобы прежде всего принизить решающую роль Советского Союза в победе над нацизмом.

Именно в таком духе, несмотря на всю историческую абсурдность подобных попыток, проходили в прошлом году торжества по случаю юбилея высадки западных союзников в Нормандии в июне 1944 г. (всего лишь за 11 месяцев до капитуляции Третьего рейха, когда исход войны уже был предрешен неудержимым наступлением Советской армии), вошедшей в историю как открытие второго фронта.

Поистине, цинизму организаторов этих торжеств и их политизированному отношению к истории не было предела, когда зрители, к своему удивлению, увидели среди наследников победителей в войне канцлера Германии А. Меркель, которая в этой новой роли чувствовала себя явно неуютно, и не увидели президента России.

Власти Польши, следуя «нормандскому примеру» и ссылаясь на особенности современной европейской политики и место в ней России, предприняли вызывающий шаг, отказавшись пригласить российского президента к участию в памятных мероприятиях по случаю 80-летия начала Второй мировой войны 1 сентября 1939 г.¹ Не было российского лидера среди приглашенных и тогда, когда польские власти отмечали годовщину освобождения лагеря смерти «Освенцим» («Аушвиц-Биркенау»), хотя, как хорошо известно, его освободила Красная армия. Журнал «Der Spiegel», написавший, что «Аушвиц» якобы был освобожден американскими солдатами, вынужден был извиниться перед читателями за свое историческое невежество (случайное ли?), как, впрочем, и ряд американских посольств в Европе².

Ревизия истории Второй мировой войны, ее происхождения, причин возникновения, хода и итогов стала (видимо, в расчете на массовую амнезию общественного сознания) частью государственной политики большинства стран Восточной Европы, прежде всего

¹ Известия. 01.09.2019.

² Der Spiegel. 28.01.2020.

Польши, а также ориентирующихся на них Украины и «троицы» балтийских республик. Как известно, одни восточноевропейские государства были союзниками гитлеровской Германии в ее «походе на Восток», другие, подвергнувшись оккупации и утратив суверенитет, верой и правдой служили нацистам, а после распада СССР и своей очередной политической мутации сделали оправдание идеологии коллаборационизма стержнем своей исторической политики. В России «новый взгляд на историю» современных наследников коллаборационистов справедливо окрестили «мстостью побежденных»³.

Вообще то, что начиналось как провокационные упражнения в переписывании истории некоторыми скандальными западными авторами [Applebaum, 2012; Snyder, 2012; Рис, 2012], заявлявшими о якобы имевшей место «оккупации» Европы, а не ее освобождении Советским Союзом от нацистского порабощения, сегодня стало, по сути, официальной доктриной большинства стран Евросоюза и некоторых бывших республик СССР. По сути, после его распада произошел самый настоящий концептуальный раскол в прочтении истории Великой Отечественной и Второй мировой войны между Россией и коллективным Западом [см., например: Moorhouse, 2019].

Своим ревизионистским рвением наследникам коллаборационистов удалось заразить Европарламент, который 19 сентября 2019 г. в качестве своеобразного «вклада» к юбилею Победы над нацизмом принял (в основном по инициативе стран, воевавших на стороне А. Гитлера) специальную резолюцию «О важности европейской памяти для будущего Европы»⁴. Она снова поднимает на щит старый миф о «равной ответственности» СССР и нацистской Германии за начало Второй мировой войны, воплощением чего рисуются советско-германский Договор о ненападении от 23 августа 1939 г., больше известный как «пакт Молотова–Риббентропа», и секретные приложения к нему.

В свете этой недобросовестной пропагандистской кампании особый исследовательский интерес вызывает крупнейший водораздел истории XX столетия — поворот от довоенной вражды великих держав, открывшей дорогу завоеванию А. Гитлером почти всей

³ Шишкин И. Мсть побежденных. Что стоит за осквернением памятников в ЕС // ИА REGNUM. 15.04.2020. Доступ: <https://regnum.ru/news/polit/2917039.html> (дата обращения: 20.06.2020).

⁴ European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819(RSP)) // European Parliament. Available at: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (accessed: 11.06.2020).

Европы, к созданию объединенного фронта всех противников нацизма, который окончательно был закреплен на межсоюзнической конференции в Тегеране (28 ноября — 1 декабря 1943 г.).

Весьма вероятно, что в обозначившихся напряженных геополитических реалиях XXI в. правда о «той войне» может и дальше становиться жертвой политических манипуляций, включая историю создания и деятельности антигитлеровской коалиции⁵. Тема сотрудничества и взаимодействия государств, объединения ими своих усилий в противодействии современным вызовам, рискам и угрозам едва ли может восприниматься одобрительно теми, кто подчинил свою политику русофобии, оправданию нацизма и возвращению практики «холодной войны».

В данной статье предпринимается попытка выявить и проанализировать причины и природу судьбоносных перемен в международных отношениях в ту трагическую эпоху, когда в условиях сверхнапряжения противоборствующих сил сложился военный союз государств антигитлеровской коалиции, чья совместная борьба с общим врагом определила ход дальнейшего общественного развития и заложила основы нового мирового порядка.

Упущенные возможности

К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне коллектив российских историков подготовил труд, посвященный причинам неудачи довоенной политики коллективной безопасности и создания коалиции государств против держав-агрессоров, с красноречивым подзаголовком «формула провала» [Антигитлеровская коалиция — 1939, 2019]. Следуя этой аналогии, можно с полным основанием утверждать, что складывание антигитлеровской коалиции СССР, США и Великобритании в начале Великой Отечественной войны и ее последующая успешная деятельность стали примером реализации «формулы успеха» в межгосударственных отношениях, не потерявшей своего значения и сегодня.

К чести отечественных историков, в их работах никогда не ставилась цель умалить вклад союзников в войне, принизить роль антигитлеровской коалиции в целом и уж тем более представить СССР чуть ли не единственным победителем при всей несоизме-

⁵ О связи истории Второй мировой войны с сегодняшней действительностью подробно идет речь в статье президента России: Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Официальный сайт Президента России. 19.06.2020. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/63527> (дата обращения: 10.07.2020).

римости человеческих потерь, затраченных усилий и понесенного материального ущерба союзных государств, сражавшихся против блока агрессоров [см., например: Печатнов, 2006]. Тон задавала еще в годы войны сама кремлевская власть. Известно, как И.В. Сталин, например, публично высоко оценил, даже с известным пропагандистским пиететом, высадку союзников в Нормандии, великодушно умолчав о запоздалом характере этой операции⁶.

Важно как не идеализировать, так и не принижать значение антигитлеровской коалиции в качестве весьма сложного и противоречивого объединения государств с различным социальным устройством, ставшего важнейшим фактором победы над гитлеровской Германией и ее союзниками. Нет смысла искать ответ на гипотетический вопрос, вышел бы Советский Союз победителем из войны хотя бы при нейтралитете англосаксонских стран, ведя борьбу один на один с блоком государств «оси». Величайшая заслуга советской внешней политики и проявленного президентом США Ф. Рузвельтом и премьер-министром Великобритании У. Черчиллем реализма заключается в том, что этого не случилось: победил здравый смысл, великий инстинкт самосохранения свободолюбивых народов, преградивших дорогу агрессорам.

Гораздо более интересным и проблемным является другой вопрос: как могло случиться так, что все попытки объединения государств, которым объективно угрожал нацизм с его человеконенавистнической идеологией и претензией на мировое господство, не увенчались успехом тогда, когда это можно было сделать сравнительно легко и безболезненно, а главное — своевременно? Объединить усилия в конце концов удалось позднее, но уже в тяжелейших, экстремальных условиях после понесенных потерь и порабощения А. Гитлером почти всей континентальной Европы. Кто виноват в том, что за сотрудничество пришлось заплатить такую страшную цену, когда мир, по сути, уже оказался на грани вселенской катастрофы?

Объяснение этому может дать только анализ исключительно сложной и противоречивой политической ситуации в мире между двумя глобальными конфликтами, а точнее, между Версальской конференцией, подведшей черту под «Великой войной», и нападением нацистской Германии на Советский Союз, когда в тугой узел переплелись между собой самые различные факторы: идеологические, геополитические, экономические и другие, вызвавшие в конечном счете неуправляемый ход событий.

⁶Интервью И.В. Сталина газете «Правда» от 13 июня 1944 года // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: В 2 т. Т. 2. М., 1946. С. 37.

В результате Первой мировой войны, победы большевистской революции в России и распада ряда старых империй, а также обострения борьбы за мировое господство между молодым амбициозным претендентом — Соединенными Штатами и старым гегемоном — Великобританией, стремившейся сохранить свои позиции, прежде всего колониальные, в единой мировой системе произошел глубокий раскол. В водоворот этих драматичных событий все больше втягивалась Азия, где интересам европейских держав угрожал новый империалистический хищник — милитаристская Япония.

Слова французского маршала Ф. Фоша, сказанные при подписании Версальского договора в июне 1919 г., что это не мир, а всего лишь перемирие на 20 лет, быстро оказались пророческими в связи с ростом популярности в Европе ультрарадикальной идеологии фашизма и борьбы с «большевистской угрозой», но наполнились еще более зловещим смыслом с приходом к власти в Германии национал-социалистов с их реваншистской программой установления «нового европейского порядка».

Вопрос заключался в том, за счет кого будут разрешены быстро набиравшие силу мировые противоречия. Добровольных претендентов на роль «сакральной жертвы», как легко догадаться, не находилось, хотя новая война в дядюшкин век при всех жестокостях минувшей кровавой бойни не казалась политикам того времени чем-то абсолютно исключенным и неприемлемым.

При этом благодаря появлению Лиги Наций, объявлению войны вне закона («пакт Бриана–Келлога») и росту популярности идей пацифизма существовала и вполне реальная возможность добиться сохранения мира на коллективной основе. Так или иначе, вся деятельность международной дипломатии вращалась вокруг поиска путей разрешения основных противоречий, разумеется, за счет интересов партнеров и соблюдения собственных. В конечном счете национальный эгоизм по принципу «каждый за себя» перевесил разумные начала и привел человечество к трагической развязке.

Как считали тогда многие политически искушенные умы в Европе, воспитанные на уроках имперской политики XIX в., на роль тех, за счет кого будут разрешены мировые противоречия, наиболее подходили ослабленные после пережитых социальных потрясений и кровавых гражданских войн и приступившие к болезненной внутренней трансформации крупнейшие державы: Китай в Азии и созданное большевиками на обломках империи Романовых на антикапиталистических началах Советское государство, игравшее все более заметную роль в международных отношениях.

При этом, несмотря на всю демократическую риторику, вброшенную в послевоенную политику новым «мессией» — президентом США Вудро Вильсоном, никто из великих держав-победительниц не собирался принимать в расчет интересы малых стран. Даже таким не последним из них, как Польша, которая смогла при помощи Антанты возродить свою государственность, была уготована участь разменной монеты при разрешении мировых противоречий. Немцы, например, презрительно именовали «санационную» Польшу «сезонным государством» (*Saisonstaat*) [Хейстингс, 2015: 33].

Тон в европейской политике в межвоенный период задавала все еще сохранявшая имперское могущество Великобритания. Традиционно она стремилась создать после войны выгодный для себя новый баланс сил на континенте и не допустить появления сильного конкурента, на роль которого некоторое время претендовала Франция. В тот период Лондон еще всерьез не усматривал угрозы своему колониальному величию со стороны экономически бурно развивавшихся, но пока слабых в военном отношении Соединенных Штатов. Тем более что, склонив чашу весов в войне в последний момент в пользу Антанты и просчитавшись с мирным урегулированием на Версальской конференции при создании Лиги Наций, США ушли в самоизоляцию, отложив «до нового благоприятного момента» реализацию своих далеко идущих гегемонистских планов.

Между тем в Лондоне, торжествуя победу, добытую гораздо большей кровью в сравнении с опытом наполеоновских войн, не были готовы к появлению в европейской политике нового влиятельного игрока в лице Советской России, сочетавшей в себе вековые геополитические угрозы для «владычицы морей», особенно в Азии и на Ближнем Востоке, т.е. в зоне традиционных имперских интересов англичан, с новыми революционными, идеологическими вызовами, стимулировавшими антиколониальную борьбу народов за свое национальное освобождение. В результате переплетения этих — как старых, так и новых — вызовов и угроз формировалась та особая враждебность правящей элиты Великобритании к первому в мире социалистическому государству, которая в решающий момент европейской и мировой истории подтолкнула ее к принятию иррациональных и неадекватных решений, едва не стоивших стране потери национальной независимости.

На этот аспект межгосударственных отношений сегодня стоит обратить особенно пристальное внимание, потому что неудачный, если не сказать катастрофический, довоенный опыт англичан в современных условиях, вероятно, в силу общей англосаксонской

политической культуры явно повторяют их ближайшие кровные родственники — американцы, которые пытаются любой ценой сохранить свои доминирующие позиции в мире, даже если это чревато большими неприятностями для всех участников мировой политики и угрожает серьезной международной дестабилизацией [см. подробнее: Allison, 2020].

Все последующие события, даже еще до появления откровенно реваншистского государства в 1933 г. — униженной в Версале Германии во главе с Адольфом Гитлером, представляют собой цепь глубоко расчетливых и, как станет вскоре ясно, столь же глубоко ошибочных решений. Их общей целью было сплотить западную часть Европейского континента на идеологической, антибольшевистской основе, укрепить безопасность ее границ в духе пресловутого «Локарно» (1925) и в то же время не допустить создания системы коллективной безопасности на востоке («Восточный пакт», 1934), подталкивая потенциального агрессора в этом направлении.

Веймарская Германия, наследница постверсальского экономического и духовного упадка, на роль ударной силы Запада явно не годилась, хотя объективно и подготовила приход к власти нацистов, обеспечив им эффективную поддержку международного, прежде всего англо-американского, капитала и создав соответствующие условия для победы партии А. Гитлера на выборах, что усыпило европейскую общественность и породило миф о победе НСДАП «демократическим» путем. В Берлине искусно разыгрывали карту антикоммунизма, что в западных столицах высоко котирировалось и рассматривалось как надежная гарантия стратегических планов Германии в Европе, направленных своим острием против СССР.

В большинстве европейских стран считали, что А. Гитлер, пришедший к власти в Германии, — это всего лишь фанатик, обуреваемый жадой покончить с большевизмом в Европе и ненавидящий его государственное воплощение в Советском Союзе [см., например: Smith, Hessen, 1985: 48, 52–54, 60–61].

Однако если последовательно анализировать внешнюю политику фюрера после его прихода к власти, то напрашивается вывод, что в первую очередь он руководствовался скорее геополитикой, нежели идеологией, и тщательно учитывал уроки проигранной Германией предыдущей мировой войны, прежде всего роковые последствия забвения кайзером и его камарильей завета канцлера Отто фон Бисмарка избегать войны на два фронта («кошмар коалиций»). Неслучайно нацисты, придя к власти, возвысили известного немецкого геополитика генерала К. Хаусхофера (друга и наставника Р. Гесса,

заместителя А. Гитлера в НСДАП) и взяли на вооружение выдвинутую им идею завоевания «жизненного пространства» (*lebensraum*) в Европе за счет соседних стран. Но в Лондоне и Париже слышали то, что хотели слышать, к вящему удовлетворению Берлина.

Вообще преступный прагматизм нацистов во внешней и внутренней политике во многом недооценен, свидетельством чего является вышедшая на передний план в последнее время и тесно встроенная в военный дискурс тема антисемитизма и Холокоста, причины которых долгое время объяснялись и объясняются скорее расовыми, идеологическими, человеконенавистническими, физиологическими и другими иррациональными мотивами, чем, если так можно сказать, криминально-деловыми соображениями [см., например: Rees, 2013].

Между тем политика, которая воплотилась в конфискации еврейской собственности, имущества и капитала под предлогом их «неарийского происхождения», в действительности преследовала цель захвата активов, личного обогащения верхушки нацистов и пополнения военного бюджета рейха. Продолжением этой политики и одновременно попыткой замести преступные следы своей деятельности стали «окончательное решение» еврейского вопроса и газовые камеры Освенцима.

Свою роль в утаивании награбленных нацистами еврейских капиталов сыграла нейтральная Швейцария, превратившаяся к концу войны на фоне всеобщей разрухи из второразрядного в процветающее европейское государство. Как стало известно уже в наши дни в результате обнаружения в Аргентине секретных финансовых документов, в швейцарских банках, прежде всего *Credit Suisse*, до сих пор имеются счета 12 тысяч высокопоставленных нацистов, имена которых потребовал раскрыть известный Центр Симона Вейзенталя, отслеживающий нацистские преступления. «Мы полагаем, — заявили в Центре, — что на этих давно не использующихся счетах находятся деньги, награбленные у еврейских жертв»⁷.

Комментируя сказанное, английская служба ВВС признавала: «Нацистская Германия начала захват еврейской собственности после принятия расистских законов в 1935 г., и колоссальные средства были награблены во время Холокоста в 1940-е годы. Большая часть этого богатства [указывается сумма порядка 30 млрд долл. — *А.Б.*] была размещена на секретных счетах в швейцарских банках»⁸. Интересно,

⁷ *Nazi name lists in Argentina reveal loot in Swiss bank* // BBC News. 05.03.2020. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-europe-51751272> (accessed: 20.06.2020).

⁸ *Ibidem*. Об этом также см. подробнее: Чижик В. О тайнах банковских тайн // Заметки по еврейской истории. 2018. № 1 (205). Доступ: <http://z.berkovich-zametki.com/2018-znomer1-chizhik/> (дата обращения: 20.06.2020).

что в конце войны Москва и Вашингтон, судя по материалам советских архивов, как и полагается союзникам, в совместном заявлении осудили власти Швейцарии за соучастие в сокрытии награбленных нацистами еврейских капиталов и потребовали их возвращения наследникам погибших в газовых камерах, правда, без особого успеха⁹.

С высоты времени деятельность всех основных участников европейской и мировой политики рассматриваемого периода, может быть, за исключением выжидательно дистанцировавшихся Соединенных Штатов, выглядит как длинная череда ошибок и просчетов, с той лишь разницей, что последствия одних проявились раньше, а других — несколько позже. Общий баланс довоенной политики, однако, выглядит абсолютно неудовлетворительным для всех ее европейских участников, что во многом обуславливает остроту и непримиримость сегодняшней полемики на предвоенные и военные темы.

Разумеется, в первую очередь это касается тех, кто в результате авантюристических действий своих правителей оказался в лагере побежденных, или, как стало модно говорить уже в наши дни, «на неправильной стороне истории», со всеми вытекающими драматическими последствиями, национальными травмами и фобиями, болезненными переживаниями и подмоченной репутацией старых элит, а самое главное — желанием во что бы то ни стало оправдаться перед историей и потомками.

В противоречивой и во многом хаотичной политике межвоенного периода советская дипломатия, оказавшись в ситуации «исторического одиночества» и разуверившись в близости мировой революции, усиленно маневрировала, всячески стремясь избежать создания единого фронта империалистических держав и тем самым нейтрализовать враждебность внешнего мира. Речь шла о тактическом примирении и ослаблении объективных противоречий с отдельными странами или их группировками на основе, как считали в Кремле, возможного временного совпадения стратегических интересов вплоть до создания тех или иных ситуативных союзов и комбинаций.

На практике это проявилось уже в 1930-е годы, когда Народный комиссариат иностранных дел (НКИД) возглавил опытный политический деятель со знанием заграничных реалий М.М. Литвинов и была выдвинута концепция коллективной безопасности. Она предусматривала объединение на внеклассовой, пацифистской основе и с опорой на Лигу Наций СССР с государствами — сторонниками

⁹ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 129. Оп. 30. П. 47. Д. 16. Л. 333.

сохранения послевоенного статус-кво против лагеря «ревизионистских» держав, стремившихся к пересмотру версальского миропорядка и очередному переделу мира.

Вероятно, в той конкретной исторической ситуации это была наиболее рациональная и реалистичная концепция, но ее авторы в Москве, включая самого И.В. Сталина, который в то время формально держался в стороне от повседневной дипломатической практики, явно переоценивали степень миролюбия потенциальных партнеров, в том числе Соединенных Штатов, и их заинтересованность в сдерживании агрессоров как в Европе, так и на Дальнем Востоке. На самом деле, как показали все дальнейшие события, со стороны так называемых западных демократий речь шла не о стремлении сохранить мир, а о проектировании «полезной войны» для себя, а по сути — против СССР.

Большой энтузиаст идеи коллективной безопасности и англофил М.М. Литвинов, видимо, верил, вопреки имевшейся информации, что в Лондоне и Париже трезво оценят исходившую от нацистской Германии угрозу для их национальных интересов и пойдут на сотрудничество с СССР. Однако дальнейшие агрессивные шаги А. Гитлера, предпринятые им для ревизии политических, территориальных и военных статей Версальского договора, показали, что в Москве имели дело не с заблуждением, а с сознательной политической тактикой «умиротворения» агрессора, равнозначной его активной поддержке, тон в которой задавали Великобритания и лично ее премьер Н. Чемберлен [Read, Fisher, 1988: 30].

Одновременно менялась и вся система союзов в Европе. Малые и средние страны, долгое время поддерживавшие главных победителей в мировой войне и исторически (что вчера, что сегодня) действующие согласно принципу служить наиболее сильному, постепенно переориентировались на новый центр силы — быстро наращивавшую свою мощь Германию Адольфа Гитлера. Во внешней политике Кремля продолжалось движение по инерции, когда старая игра в коллективную безопасность себя исчерпала, а для перехода к новой тактике пока не хватало политической решимости, да и не созрели, видимо, еще необходимые условия. В политике так часто бывает, когда старое уже не работает, а для перехода к новому нет политической воли и окончательной уверенности.

«Момент истины» наступил в памятный 1938 год в связи с аншлюсом Австрии и выдачей рейху Судетской области Чехословакии в результате Мюнхенского сговора Н. Чемберлена, Э. Даладье, А. Гитлера и Б. Муссолини 29–30 сентября с последующей, менее

чем через полгода, окончательной ликвидацией независимого государства чехов и словаков. Зловещую роль сыграли переметнувшиеся в лагерь нацистов и имевшие свои корыстные интересы Венгрия и Польша. Последняя, пользуясь европейской смутой, при дипломатической поддержке Германии захватила, вопреки решению Версальской конференции, так называемое Заользье — Тешинскую область Чехословакии с большим промышленным потенциалом, за что получила от У. Черчилля нелестное сравнение с «гиеной Европы» [Taylor, 1983: 158].

От Мюнхенского сговора, положившего конец политике коллективной безопасности, пролегла прямая дорога к заключению советско-германского договора о ненападении. Этот тезис прекрасно иллюстрирует любопытный факт, не сохранившийся в советских архивах, но фигурирующий в одной из записей бесед тет-а-тет между И.В. Сталиным и Ф. Рузвельтом на Ялтинской конференции в феврале 1945 г., сделанной американской стороной, когда предвоенные события стали уже историей. Коснувшись того времени, глава советского правительства лаконично заметил, согласно американской записи: «Если бы не было Мюнхена и германо-польского соглашения 1934 г., не было бы и Пакта о ненападении»¹⁰.

В тумане войны

Вероятно, в разгар этих драматических событий высшее кремлевское руководство почувствовало всю свою беспомощность и неспособность управлять ситуацией. Казалось, что инициатива прочно перешла к другой стороне, и возникала опасность, что СССР из влиятельного субъекта мировой политики превратится в объект чужих геополитических интриг и комбинаций. Над страной нависла реальная угроза международной изоляции. Необходимо было искать выход из создавшегося положения путем радикальной смены внешнеполитического курса и принятия чрезвычайных решений.

Коллективная безопасность, с которой долгое время в Москве связывали большие надежды на укрепление европейского мира, сплочение миролюбивых сил и изоляцию агрессоров, оборачивалась противостоянием страны объединенному фронту главных европейских держав, т.е. тем, чего в Москве всячески стремились избежать, начиная с подписания во время Генуэзской конференции Рапалльского договора с Германией (1922).

¹⁰ Tripartite dinner meeting, February 10, 1945, 9 p.m., Vorontsov Villa // Foreign Relations of the United States (FRUS). Diplomatic Papers. Conferences at Malta and Yalta, 1945. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1955. P. 925.

Отстранение М.М. Литвинова с поста наркома иностранных дел в начале мая 1939 г. стало сигналом о назревавшей смене курса. До последнего момента бывший нарком, как вскоре оказалось, не без оснований, хотя и несколько преждевременно продолжал верить в возможность договориться с западными демократиями на антигерманской основе. Но в политике, как учит мировой опыт, мало чувствовать историческую перспективу, важно еще уметь просчитать ее реализацию во времени. Если бы не старые добрые отношения со Сталиным еще дореволюционного периода, когда Макс Валлах отвечал за закупки оружия боевым отрядам партии, а позднее, уже у власти, — за вывоз золота за рубеж, кто знает, как сложилась бы судьба бывшего наркома в обстановке репрессий конца 1930-х годов.

Тем не менее на основе анализа и сопоставления многочисленных архивных документов, как советских, так и зарубежных, складывается впечатление, что весной и летом 1939 г. Кремль и с новым наркомом (и по совместительству главой советского правительства) В.М. Молотовым де-факто продолжал следовать прежнему курсу, лишь несколько ужесточив его, словно давая Лондону и Парижу еще один, последний шанс. Трудно сказать, было ли это отражением старой истины, что «надежда умирает последней», или все еще теплившейся веры в Кремле, что на Западе вдруг образумятся в последний момент и трезво оценят исходившую от А. Гитлера смертельную опасность. Да и для советских руководителей и лично для И.В. Сталина окончательный выбор курса был еще неясен и во многом зависел от политики англичан и французов.

Во всяком случае, что бы ни писали некоторые западные авторы, как бы ни обвиняли советское правительство в «двурушничестве» [см., например: Taylor, 1983: 215–237], оно со всей серьезностью отнеслось к начавшимся летом 1939 г. тройственным англо-франко-советским политическим переговорам с выходом на подписание военной конвенции. Все-таки союз с западными демократиями по идеологическим соображениям для марксистско-ленинского государства и его многочисленных единомышленников за рубежом был предпочтительнее, чем вынужденная договоренность с нацистским рейхом. По сути, этот союз вполне мог стать уже тогда, а не через два года зародышем полноценной антигитлеровской коалиции. Мог, но не стал. И тому были свои веские причины, которые российские авторы оригинально и окрестили «формулой провала».

Оставляя в стороне хорошо известные факты, свидетельствующие о несерьезности намерений правительства Н. Чемберлена и слепо и самоубийственно его поддерживавших французов (затягивание

переговоров, неторопливость с прибытием делегаций в Москву, низкий уровень представительства, отсутствие полномочий, уход от конкретных обязательств, нежелание оказать давление на Польшу и др.), обратим внимание лишь на закулисную сторону дела, о чем в Кремле были хорошо осведомлены из донесений своей политической и военной разведки.

Англичане параллельно с переговорами в СССР вели не показательные, а реальные переговоры с эмиссарами А. Гитлера в расчете на достижение далеко идущих англо-германских договоренностей в геополитической и финансово-экономической областях, равнозначных, по существу, переделу Европы и мира и определению новых сфер интересов [Антигитлеровская коалиция — 1939, 2019: 224–229]. Это вызывало большую тревогу не только в Москве, но и в Вашингтоне, так как непосредственно затрагивало американские долговременные интересы. При этом английская делегация, следуя указаниям Лондона, всячески затягивала переговоры с советской стороной и в то же время противилась их срыву, чтобы не допустить возможного сближения Кремля с Берлином, что тогда уже не было большим секретом.

В этих хитросплетениях европейской политики, достигших своего апогея к лету 1939 г. и приближавшихся к закономерной развязке, особое место занимала Польша, обреченная на национальную катастрофу наследниками Ю. Пилсудского и их союзниками. Уготованная полякам А. Гитлером роль вассала, как, впрочем, и другим менее самонадеянным и более покладистым восточноевропейцам, не устраивала амбициозную Варшаву, которая стремилась на анти-советской основе «дружить на равных» и участвовать с рейхом в разделе добычи на востоке, в частности на Украине¹¹. Но эти планы уже на том этапе не устраивали Берлин. Подогреваемые обещаниями оказания военной и дипломатической помощи со стороны Лондона, поляки заняли непримиримую позицию в отношении требования А. Гитлера о передаче Германии Данцига (Гданьска) и были уверены, что в случае войны их гусары с саблями наголо пройдут победным маршем по Берлину (это в эпоху танковых прорывов!) [см. подробнее: Антигитлеровская коалиция — 1939, 2019: 43–52, 68–82].

Англичане после посещения Варшавы в июле начальником имперского штаба Великобритании генералом Э. Айронсайдом хорошо знали [Read, Fisher, 1988: 107, 216], что поляки не продержатся против вермахта и 10 дней, но продолжали разжигать их самоуверенность

¹¹ Розенберг А. Политический дневник 1934–1944. М.: Русская книга, Фонд «Историческая память», 2015. С. 164–196.

обещаниями поддержки. В Лондоне понимали, что после разгрома Польши возникнет прямое противостояние рейха с Советским Союзом и тем самым круг политики «умиротворения» замкнется. Как это было уже не раз в истории, «коварный Альбион» готовился отметить свою очередную, может быть, самую большую победу. Но его стратегические оппоненты оказались не столь наивны. Их интересы на какой-то момент сошлись.

А. Гитлер, следуя своей стратегии «бить противников поодиночке» (особенно в связи с предстоявшей первой настоящей пробой сил в Европе) и будучи уверенным, что ради Польши западные демократии «не полезут в драку», начиная с июля, сосредоточил все свои дипломатические усилия на нейтрализации СССР. Действительно, инициатива к сближению принадлежала Германии при достаточно настороженной в первое время ответной реакции Кремля. Но политика англичан и шедших у них на поводу французов при откровенно враждебном поведении Польши, наотрез отказавшейся пропустить Красную армию в случае военных действий («с немцами мы потеряем свободу, а с русскими — душу», — высокопарно изъяснялся маршал Э. Рыдз-Смиглы [Beevor, 2014: 21]), поставила Москву перед необходимостью сделать решительный выбор и ответить согласием на обхаживания немцев. Как говорил в таких случаях великий флорентиец Никколо Макиавелли, главный труд которого «Государь» был хорошо знаком И.В. Сталину, «нельзя быть праведником в мире грешников» [Stewart, 2013].

В Москве знали, что нападение А. Гитлера на Польшу было делом решенным, и это создавало для Советского Союза качественно новую реальность на его западной границе. Отказавшись от помощи СССР, Варшава во многом сама вынесла себе смертный приговор. Прав был Роман Дмовский, крупнейший польский мыслитель и вечный оппонент Ю. Пилсудского, не доживший лишь несколько месяцев до сентябрьской катастрофы 1939 г., когда говорил, что «у поляков ненависть к России была сильнее, чем любовь к Польше»¹². История потом еще не раз подтвердит его слова.

23 августа, после личного обращения А. Гитлера к И.В. Сталину, был подписан советско-германский Договор о ненападении с секретным приложением, разграничивший, по сути, сферы влияния между двумя странами в соответствии с «линией Керзона». Можно сказать, что в тот момент еще виртуальная линия определила границы терри-

¹² Дмовский Р. Германия, Россия и польский вопрос. СПб.: Изд-во Н.П. Карбасников, 1909. С. 137.

ториального размежевания между Третьим рейхом и СССР в Европе. Ни о каком военном альянсе или, тем более, совместных действиях против кого-либо речь в документе не шла. Опасная игра, затеянная «умиротворителями», была ими проиграна. Советско-германская война откладывалась на неопределенный срок.

Это резко повысило градус враждебности к СССР в западных столицах. В Лондоне, Париже и Вашингтоне крайне болезненно восприняли подписание советско-германского договора. Англичанам, французам и стоявшим за ними американцам было крайне обидно, что в той коварной игре, в которой они считали себя непревзойденными мастерами, И.В. Сталин их переиграл. Именно этим объясняются все последующие обвинения в адрес Москвы в «сговоре двух тоталитаризмов», «союзе диктаторов», «разделе Польши», «содействии началу мировой войны» и т.д.

Вопреки очевидной логике, проигравшие в дипломатическом противоборстве продолжали «плыть по течению» и верить, что А. Гитлер «повернет на восток». Эта иррациональная политика приобретала всё более провокационную и самоубийственную направленность. Идея перевода начавшейся мировой войны в антисоветское русло из закулисного дипломатического маневрирования переходила в откровенно агрессивную, военно-политическую стадию.

Показательно, что, объявив войну Германии 3 сентября, после ее вторжения в Польшу, Лондон и Париж воздержались от подобного шага в отношении СССР после вступления Красной армии 17 сентября на территории Западной Украины и Белоруссии, входившие в состав распавшегося польского государства. Логика была проста: не нужно мешать двум антагонистам столкнуться между собой. Всё изменилось после 30 ноября 1939 г. в связи с провалом попытки Москвы найти территориальный компромисс с Финляндией.

История о том, как СССР попробовал мирным, дипломатическим путем в интересах укрепления своей безопасности в связи с надвигавшейся угрозой войны уговорить финнов отодвинуть границу от Ленинграда, проходившую чуть ли не на расстоянии артиллерийского выстрела, предложив более чем щедрую территориальную компенсацию, хорошо известна. Причиной финской несговорчивости, если не сказать упрямства, было гипертрофированное самонимение элиты бывшей части царской империи, сумевшей, впрочем, как и Польша, воспользоваться революционной смутой в России и культивировавшей исторический антироссийский синдром. Самонимение, которое активно подогревалось, как и в Варшаве, западными державами в целях борьбы с СССР.

С началом советско-финской войны, вошедшей в историю как «зимняя война» 1939–1940 гг., вчерашние кандидаты в союзники Москвы добились исключения страны из Лиги Наций и всерьез строили планы нападения на нее на севере и на юге, надеясь переиграть стратегическую ситуацию и воссоздать единый антисоветский фронт. Как часто бывает в периоды кризисов, политика всё больше отдалялась от реальности, пока наконец не наступил драматический «момент истины». Москва после ряда неудач на фронте сумела, мобилизовав крупные силы, одержать военную победу и заключить с Финляндией 12 марта 1940 г. мирный договор. При этом пока англичане и французы готовились бросить свои экспедиционные войска на советско-финский фронт и начать на юге бомбардировки нефтепромыслов Баку, эпицентр мировых событий, повинувшись планам А. Гитлера, переместился на запад Европы.

Жертвой гитлеровской агрессии стала великая европейская держава — Франция, капитулировавшая меньше чем через 40 дней. Это был крупнейший водораздел в ходе начавшейся мировой войны, ошеломивший западные столицы и объединивший почти всю континентальную Европу под знаком свастики. В Кремле также не предвидели столь стремительного развития событий и испытали подлинный шок. Вместо ожидаемой затяжной европейской войны по типу позиционной Первой мировой, в которой, как считалось, должна была надолго увязнуть и истощить себя Германия, СССР оказывался один на один против всей покоренной нацистами Европы¹³. Роли сторон Договора о ненападении вмиг поменялись. Из зависимого от воли СССР участника А. Гитлер становился хозяином положения. Для Москвы начинался сложный и опасный период отчаянного дипломатического балансирования с целью «не спровоцировать» фюрера, что в Берлине рассматривали как проявление слабости со стороны русских.

Между прочим, в свете всех дальнейших событий далеко не очевидной выглядит широко распространенная в нашей литературе версия о якобы имевшейся у И.В. Сталина уверенности в неизбежности войны и необходимости ее лишь отсрочить. С этой точки зрения вполне объясним и его просчет с конкретным сроком нападения вермахта, которого, по его собственным словам, как вспоминал У. Черчилль, посетивший Москву в августе 1942 г., советский лидер ожидал на год позже¹⁴.

¹³ Центр хранения историко-документальных коллекций (бывший Особый архив СССР). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1223.

¹⁴ Черчилль У. Вторая мировая война: В 3 кн. Кн. 1. Т. 2. М.: Воениздат, 1991. С. 522.

Случившееся воспринималось вождем не только как величайшая трагедия в жизни страны и народа, но и как колоссальный удар по его собственному престижу и самолюбию и как личное поражение в противостоянии с А. Гитлером после успешного дипломатического дебюта с подписанием пакта. И.В. Сталин переживал это особенно долго и болезненно, хотя и в тайне от глаз окружавших его «товарищей по партии».

Этим, кстати, скорее всего, объясняется его недолгое затворничество на «ближней» кунцевской даче, которое Н.С. Хрущев, А.И. Микоян и некоторые другие соратники в рамках кампании по «десталинизации» попытались раздуть чуть ли не до размеров душевной «прострации» вождя и потери им самообладания в самый критический момент [Медведев, 2002]. Проявлением психологического состояния И.В. Сталина после проигранной им политической дуэли с нацистским фюрером было его страстное желание, которого он не скрывал, взять реванш, «отыграться» и закончить войну победой чуть ли не в 1942 г., особенно после провала наступления вермахта под Москвой. Это желание, как гипноз, передавалось некоторым высокопоставленным военным, стремившимся угодить начальству, хотя это и стоило большой крови Красной армии (достаточно вспомнить роль С. Тимошенко и Н. Хрущева в Харьковской операции 1942 г.).

На самом деле, если не поддаваться магии «неоспоримых истин», то следовало бы исходить из того, что каждый здравомыслящий государственный руководитель стремится оградить свой народ от тягот и страданий кровопролитной войны. Большой прагматик и реалист в политике, И.В. Сталин, разумеется, не был исключением. Хотя публично, особенно в военной аудитории, он призывал «не расслабляться» и быть готовыми к войне. Как представляется, судя по предпринимаемым им лихорадочным дипломатическим маневрам в то критическое время, он надеялся, что войну удастся не только отдалить, но и избежать или, на худой конец, вступить в нее «под занавес», когда победу можно будет добыть меньшей ценой, — в принципе, осуществить то, что удалось сделать позднее Соединенным Штатам.

Темной стороной политики накануне трагедии 22 июня 1941 г. остается вопрос, как далеко Кремль был готов зайти в уступках гитлеровской Германии или в установлении новых «сфер влияния» с державами «оси» вслед за территориальным размежеванием с Третьим рейхом в Европе. Судя по итогам визита В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г., провокационные усилия А. Гитлера и

И. Риббентропа подтолкнуть СССР в сторону имперских интересов Великобритании на юге не выходили за уже согласованные пределы. В этой связи более правильным представляется говорить о том, что И.В. Сталин в тот период стремился прежде всего сохранить свое выигрышное положение «над схваткой», хотя сделать это становилось всё труднее, так как выбор между войной и миром всё более сужался.

«Туманом войны» называл немецкий военный стратег Карл Клаузевиц¹⁵, труд которого «О войне» И.В. Сталин также хорошо знал, скрытые намерения противостоящих сторон. В Кремле до конца не смогли понять стратегические замыслы А. Гитлера после «выхода из игры» Франции и предполагали, что условием его дальнейших действий было непременно поражение Великобритании или заключение с ней унизительного мира. Тем более что планы А. Гитлера были окутаны густым покровом дезинформации, отличались большой оперативной подвижностью и ситуативностью, корректировались под влиянием военных действий и в итоге не раз приводили к переносу даты нападения на СССР.

Впервые тему возможной войны против Советского Союза А. Гитлер затронул в узком кругу в беседе с генералами В. Кейтелем и А. Йодлем в конце июня 1940 г., находясь в своей полевой штаб-квартире во Франции в деревеньке Брули де Пеш¹⁶, но это едва ли можно было считать окончательным политическим решением. Вполне вероятно, что фюрер, опьяненный победами в Европе, мог до определенного момента рассчитывать на превращение СССР, напуганного мощью вермахта, в зависимое вассальное государство по типу восточноевропейских стран, пока окончательно не убедился, что противоречия с ним были непримиримыми и ни о каком «новом издании» Брест-Литовского договора нечего было и думать.

Вместе с тем хорошо известно, что нарком В.М. Молотов по мере приближения «часа X» и обострения ситуации на западной границе СССР все чаще явно в примирительном тоне запрашивал германского посла в Москве В. фон Шуленбурга о причинах недовольства Берлина и конкретных претензиях с его стороны к Кремлю, надеясь тем самым втянуть немцев в переговоры. «С типичным для себя постоянством, — вспоминали работавшие тогда в Москве немецкие дипломаты, — советское руководство до последнего момента придерживалось своей политики умиротворения Германии» [Хильгер, Мейер, 2008: 405]. Делалось ли это, как принято считать, всего лишь

¹⁵ Клаузевиц К. О войне. М.: Эксмо; Мидгард, 2007. С. 59.

¹⁶ Speer A. Inside the Third Reich. New York: Macmillan, 1970. P. 123.

в тактических целях или имелись в виду какие-то более серьезные предложения, чтобы оттянуть начало конфликта или даже вовсе его избежать?

После «молниеносной» победы вермахта над историческим врагом германцев — Францией оценка А. Гитлером своих военных талантов и возможностей выросла в разы. Советско-германский пакт всё больше тяготил Берлин и вызывал там лишь раздражение неуступчивостью Москвы. Нацисты явно предназначали теперь СССР подчиненную роль в Европе, особенно на Балканах — в зоне традиционных имперских интересов Германии. Их крайне беспокоили не согласованное в секретном протоколе советское продвижение в Северную Буковину, в сторону румынских нефтепромыслов в Плоешти — главного источника горючего для рейха в «войне моторов», а также рост влияния советского флота на Балтике после вступления трех прибалтийских республик в состав СССР осенью 1940 г. и поражения Финляндии в «зимней войне».

Остается загадкой, как в Кремле надеялись разрешить или хотя бы смягчить эти противоречия. И.В. Сталин явно переоценивал «здравый смысл» А. Гитлера, в частности не только его поглощенность Великобританией, но и зависимость Германии от советских поставок стратегического сырья в условиях организованной англичанами морской блокады. С точки зрения рациональной логики советского лидера, едва ли укладывались в голове и маниакальный авантюризм нацистского вождя, поставленные им цели европейского и мирового господства, достижение которых было невозможно без завоевания Советского Союза и его колоссальной ресурсной базы. Сами немецкие авторы и участники событий писали: «Однако это была бесполезная надежда, потому что Сталин переоценил как политический кругозор Гитлера, так и его чувство реализма» [Хильгер, Мейер, 2008: 398].

Кроме того, в Кремле и Наркомате обороны не могли не учитывать при ближайшем оперативном планировании и развитие военных действий в Европе, центр которых всё больше смещался на юг, в сторону Балкан, Югославии, Греции, Крита и даже Северной Африки, т.е. в стратегическом направлении, прямо противоположном западной границе СССР. Видимо, трудно было представить, что в считанные недели руководство вермахта сумеет осуществить столь стремительный стратегический разворот.

Вообще, продлись мирная передышка для СССР еще на один год — и события развивались бы по более благоприятному для нашей страны сценарию. Вопрос, на наш взгляд, заключался не столь

ко в подготовке и качестве советских вооруженных сил, которые уже тогда при адекватной политической устремленности Кремля представляли собой достаточно мощную силу, чтобы выдержать и отразить натиск вермахта, сколько в наличии политической воли у руководства страны, его готовности принять трудное решение и не потеряться в «тумане войны». В итоге политические преимущества, полученные в связи с подписанием Договора о ненападении, не были в ответственный момент подкреплены соответствующими военными решениями.

Если на западном направлении просчеты политического руководства обернулись тяжелыми последствиями для СССР, то на востоке советская дипломатия добилась внушительных успехов, которые помогли стране выстоять в первый, самый напряженный период Великой Отечественной войны и избежать в дальнейшем войны на два фронта. Заключенный с японцами 13 апреля 1941 г. Договор о нейтралитете, ставший в известном смысле дальневосточным аналогом пакта Молотова–Риббентропа с той лишь разницей, что японцы не решились его нарушить в течение всей войны, был огромным вкладом в победу над агрессором в Европе.

Английский историк Э. Бивор отмечал: «Советская победа на Халхин-Голе в августе 1939 г. не только способствовала японскому решению нанести удар в южном направлении и подтолкнула США к вступлению в войну, но также означала, что Сталин смог перебросить сибирские дивизии на запад, чтобы пресечь попытку Гитлера захватить Москву» [Beevor, 2014: 338].

Прозрение

Что касается англосаксов — будущих союзников СССР, то они испытывали большую тревогу, если не сказать панику, после капитуляции Франции и лихорадочной эвакуации английских войск «налегке» из Дюнкерка. Сменившие вчерашних «умиротворителей» новые государственные деятели, в частности пришедший на место Н. Чемберлена У. Черчилль, не питали иллюзий в отношении планов А. Гитлера и осознали, что произошло кардинальное изменение мирового баланса сил в пользу блока держав «оси», угрожавшее самому существованию западных демократий. Одно дело — малые государства Восточной Европы, сравнительно легко принявшие власть нового сюзерена, и другое — великие державы, которые всегда дорожили своим суверенитетом и готовы были постоять за него.

Советский полпред в Лондоне И.М. Майский в своей телеграмме в НКВД сообщал о беседе с премьер-министром У. Черчиллем, состо-

явшейся вскоре после разгрома Франции в мае 1940 г.: «...Черчилль ответил на мой вопрос о его генеральной стратегии очень кратко и красочно: “Моя генеральная стратегия, — сказал он, — состоит сейчас в том, чтобы выжить в течение ближайших трех месяцев”»¹⁷. Начиналась «Битва за Англию» — воздушная война, проигранная люфтваффе, которая отодвинула на неопределенный срок немецкое вторжение через Ла-Манш (план «Морской лев») и в то же время создавала ложное впечатление в Кремле, что силы вермахта еще долго будут скованы боевыми действиями на западе.

Вне мировой войны оставались лишь две великие державы — США и СССР. Между ними словно шло негласное дипломатическое соревнование в искусстве уклонения от участия в глобальном конфликте. Вполне вероятно, что судьба Советского Союза сложилась бы иначе, если бы первыми в войну вступили Соединенные Штаты. Отважился бы тогда А. Гитлер напасть на СССР, зная, что он столкнется с мощной коалицией? Его военная стратегия во многом строилась на американском изоляционизме. Однако объявленная Вашингтоном политика нейтралитета и невмешательства в мировой конфликт не означала, что США собирались отсидеться за океаном и не отдавали себе отчета в серьезности нависшей над ними угрозы.

В ноябре 1940 г., одержав вопреки американской политической традиции в третий раз подряд победу на выборах, президент Ф. Рузвельт принял в Белом доме своего посла при Сент-Джеймском дворе Дж. Кеннеди — крупного спонсора Демократической партии и отца будущего президента США. Посол, известный изоляционист, тайно симпатизировавший А. Гитлеру, убеждал Ф. Рузвельта продолжать политику «умиротворения» Германии. «Вы или войдете в историю как величайший президент, или останетесь в дураках», — на правах старого приятеля говорил он. Ф. Рузвельт, слушая, мрачно молчал. «Существует и третья возможность, — наконец ответил он. — Я могу к концу моего срока оказаться президентом незначительной страны» [Beschloss, 1980: 223].

Прошедший политическую школу в правительстве президента Вудро Вильсона во время Первой мировой войны и принадлежавший по своим взглядам к интернационалистской, космополитической элите Новой Англии на северо-востоке США, Ф. Рузвельт был прирожденным геополитиком. Он хорошо понимал, что стране впервые в ее истории угрожали державы-агрессоры со стороны сразу «двух

¹⁷ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945: В 2 т. Т. 1. 1941–1943. М.: Политиздат, 1983. С. 107.

океанов». В век начавшихся трансконтинентальных перелетов географическая неуязвимость территории Соединенных Штатов уходила в прошлое. Все попытки американской дипломатии уладить противоречия с «ревизионистскими» государствами, как показало ее опасное заигрывание с Японией по образцу европейского «умиротворения», лишь разжигали аппетиты агрессоров. По большому счету, схватка между старыми и новыми претендентами на мировое господство была неизбежной.

Именно в критическом нарастании глобальных вызовов следует искать ответ на ключевой вопрос, как столь стремительно произошел позитивный поворот в отношениях между Советским Союзом и англосаксонскими державами — от довоенной враждебности к военному союзу после нападения А. Гитлера на СССР. Несомненно, в Вашингтоне и особенно в Лондоне этого нападения не только ждали — его всячески стремились приблизить, видя в нем единственный шанс отвести угрозу от себя и выиграть время для мобилизации сил. В Кремле также, тщательно скрывая это от немцев, держали в резерве вариант «Б», предполагавший сближение с главными противниками «гитлеризма» в случае советско-германской войны.

При этом важно отметить принципиальное обстоятельство: несмотря на всю враждебность, недоверие и подозрительность в отношениях между западными демократиями и СССР накануне Великой Отечественной войны, разногласия между ними не стали непримиримыми, мосты не были сожжены, наоборот, росло понимание неотвратимости объединения усилий в борьбе с агрессорами, угрожавшими их национальным интересам. Нужен был лишь мощный катаклизм, чтобы произошла трансформация картины глобальных противоречий и мировая война вступила в качественно новую фазу.

Инициативу к сближению в последние мирные для советского народа месяцы проявляли западные политики, особенно У. Черчилль, который спасение Великобритании видел во вступлении в войну скорее даже США, чем СССР. Однако Ф. Рузвельт лишь на словах сочувствовал оказавшимся в беде англичанам, а подозрительный (и не без оснований) И.В. Сталин проявлял понятную бдительность, считая, что за этим стоит, как и раньше, коварное стремление Лондона втянуть СССР в конфликт с Германией. Именно поэтому в Кремле в накаленной обстановке кануна войны столь настороженно восприняли «миссию Рудольфа Гесса» — сенсационный перелет заместителя А. Гитлера по партии в Великобританию в мае 1941 г. — и подозревали, что это новая попытка англо-германского сговора за спиной Советского Союза [см., например: Padfield, 1991].

Вокруг этой истории до сих пор идут споры между исследователями, лишенными доступа к английским архивам под официальным предлогом необходимости соблюдения «государственной тайны». Имеются лишь косвенные свидетельства, что «миссия Гесса» на фоне тайных англо-германских контактов, доставшихся правительству У. Черчилля в наследство от его предшественника, была последней попыткой нацистской верхушки перед началом войны на востоке обезопасить свой западный фланг. Всё остальное, включая стремление Берлина представить действия Р. Гесса как самостоятельность психически неуравновешенного человека, когда миссия провалилась из-за непримиримости англо-германских противоречий, — лишь неуклюжая операция дипломатического прикрытия.

Один из самых близких к А. Гитлеру людей, пользовавшийся его неограниченным доверием, министр вооружений А. Шпеер, уже после войны, дожидаясь вместе с другими нацистскими главарями приговора международного трибунала в Нюрнберге, поведал об откровениях Р. Гесса, сменившего комфортабельное заточение в Великобритании на одиночную камеру тюрьмы Дворца правосудия. Р. Гесс «с лукавым видом рассказывал мне, — вспоминал А. Шпеер, — о своем полете в Англию. “Я еще не говорил Вам, что сказал мне Гитлер на прощание за два дня до отлета? Летите осторожно, Гесс!” Потом Гесс стал хвастливо рассказывать, как к нему относились в Англии, — продолжал А. Шпеер. — По его словам, у него были две комнаты с ванной и собственный сад. Каждый день за ним приезжали на машине, чтобы вывезти на прогулку. Комендант играл ему Моцарта и Генделя. Кормили хорошо. Было много баранины и пудингов, а на рождество подавали жареного гуся. В его распоряжении был специальный винный погреб»¹⁸. Правда, этим гостеприимством на фоне скудной военной диеты англичан всё и ограничилось. Пощекотать нервы И.В. Сталину удалось, но после краха Франции и устрашающих бомбардировок английских городов какое-либо примирение Лондона с нацизмом было невозможно. Не понимали этого только нацистские бонзы.

Всё круто изменилось в ночь на воскресенье 22 июня 1941 г. Вероломно нарушив советско-германский договор, А. Гитлер напал на СССР. Сложившись объективные условия для формирования коалиции, чтобы разрушить гитлеровские планы покорения всей Европы и предотвратить мировое нацистское господство. Вражда

¹⁸ Шпеер А. Шпандау: тайный дневник. М.: Захаров, 2010. С. 73–74; см. также: Розенберг А. Указ. соч.

с обеих сторон отступила перед политической целесообразностью. Естественными союзниками СССР были Великобритания и США, хотя последние оставались невоюющей стороной вплоть до декабря 1941 г. (японского нападения на Перл-Харбор) и старались вести себя крайне осторожно, выступая, как говорил президент Ф. Рузвельт, в роли «запасного игрока» и «великого арсенала демократии». Более прямолинейные политики, такие как сенатор от штата Миссури Г. Трумэн, выражая затаенные мысли влиятельной части американской элиты, вообще были не против взаимного истощения «двух тоталитарных режимов» и предлагали Вашингтону оставаться в стороне от советско-германской войны и вести себя по принципу «третьего радующегося».

Однако ставки были слишком высоки, а угрозы существованию западных демократий, исходившие от нацизма, — более чем реальны, чтобы вести себя столь цинично и близоруко. Война становилась с обеих сторон коалиционной — это хорошо понимали в Кремле. В беседе с новым английским послом в Москве С. Криппсом 8 июля 1941 г. И.В. Сталин прямо заявил: «Коалиции надо противопоставить коалицию, а не изоляцию»¹⁹. Конечно, решающее слово было за сражавшимися армиями и борьбой на фронте, но очень многое зависело и от дипломатического взаимодействия союзников по складывавшейся «великой коалиции», как ей суждено было войти в историю.

Отношения между ними охватывали три основные группы вопросов. Во-первых, речь шла об оказании военной помощи СССР по ленд-лизу (займу — аренде), закон о котором был принят в Вашингтоне еще 11 марта 1941 г. (поставки в основном шли из США и в меньшей степени — из Великобритании). Во-вторых, это был вопрос об открытии второго фронта, как для краткости называли высадку англо-американских войск в Северной Франции, на чем энергично настаивала советская сторона. И в-третьих, по мере приближения победы на первый план выходило решение проблем послевоенного мироустройства. Но до этого советским солдатам еще надо было пройти много верст огненными дорогами войны.

Между тем главное, что определяло отношения между вновь явленными союзниками в начальный период конфликта, — это отступление Красной армии по всему фронту и страх в Лондоне и Вашингтоне, что СССР не устоит перед натиском вермахта, а начавшаяся война на востоке — всего лишь краткая передышка, которой надо воспользоваться для укрепления собственной обороноспособ-

¹⁹ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. С. 70.

ности. Пессимистов в тот период было куда больше, чем оптимистов, которые верили гитлеровской пропаганде, что СССР — «колосс на глиняных ногах» и борьба с ним займет от трех до четырех недель. Был ли смысл оказывать ему серьезную помощь, особенно материальную, военную, чтобы она потом попала в руки гитлеровцев?

В этой связи крайне негативную роль играли американское посольство в Москве и лично посол Лоуренс Штейнгардт, один из тех недалеких чиновников Госдепартамента, которым Ф. Рузвельт знал цену и насмешливо за глаза называл «ребятами в полосатых штанах». В своем донесении в Вашингтон 26 июня посол панически сообщал: «Я предвижу, что советское правительство вскоре бросит Москву», а спустя несколько дней мрачно предрекал, что вермахт захватит советскую столицу «через пару месяцев, а может, немного раньше»²⁰.

В свете оглушительных побед нацистов в Европе пропаганда Й. Геббельса действовала как гипноз и на американских военных, которые советовали Белому дому «не спешить» с оказанием конкретной помощи Советскому Союзу, тем более за счет потребностей американской армии или сокращения заказов Великобритании, и дожидаться «прояснения ситуации». Президент оказался в непростом положении и вынужден был полагаться на свою политическую интуицию и мнения близких советников. Принципиально вопрос о поддержке СССР был согласован между ним и У. Черчиллем еще до начала гитлеровской агрессии. 15 июня Ф. Рузвельт сообщал в Лондон, что будет готов вместе с премьер-министром приветствовать «Россию в качестве союзника»²¹. Но когда ожидаемое наконец случилось, он, тем не менее, некоторое время колебался.

В этой связи большое значение имела поездка в Москву в июле 1941 г. Гарри Гопкинса — ближайшего друга и помощника Ф. Рузвельта. Он вынес убеждение из бесед с советским вождем, что русские выстоят и им следует оказать всемерную военную помощь. Немцы уже поняли, говорил ему И.В. Сталин, что «продвижение механизированных войск по России весьма отличается от продвижения их по бульварам Бельгии и Франции»²². Конкретно о военной помощи СССР шла речь и во время визита в Вашингтон начальника

²⁰ Memorandum of Conversation, by the Under Secretary of State (Welles). June 15, 1941 // FRUS. 1941. General. The Soviet Union. Vol. 1. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1959. P. 886.

²¹ Churchill W. The Second World War: In 6 vols. Vol. 3. The Grand Alliance. New York: Bantam Books, 1962. P. 312–313.

²² Memorandum by Mr. Harry L. Hopkins, Personal Representative of President Roosevelt. Moscow, July 31, 1941, 6:30 p.m. to 9:30 p.m. // FRUS. 1941. General. The

Разведуправления Генштаба Красной армии генерала Ф.И. Голикова. Проблему поставок в долгосрочной перспективе советское руководство обсуждало на конференции в Москве с американцами и англичанами в конце сентября — начале октября 1941 г., в результате чего был подписан первый соответствующий протокол.

Со стороны западных союзников ведущую роль на конференции играл сын крупного железнодорожного магната, сам — известный финансист и владелец значительных горнорудных активов в Польше, а вскоре и будущий посол США в Москве А. Гарриман, которого И.В. Сталин по-дружески называл «наш человек из Чиатура» в память о марганцевой концессии компании Гарримана в Грузии после революции. Сначала СССР расплачивался за военные материалы золотом, которое на сумму 10 млн долл. и весом 903 тыс. тройских унций 16 октября и 5 ноября было доставлено в США на советских судах «Днепрострой» и «Азербайджан» [Борисов, 1983: 59], но уже в начале ноября на Советский Союз был распространен ленд-лиз — закон об аренде, откладывавший расчеты за поставки на послевоенный период.

В Белом доме стало принято говорить, что, «помогая Советскому Союзу, Америка помогает самой себе». Это считалось, по словам А. Гарримана, проявлением «просвещенного эгоизма»²³. Хотя в масштабе общих военных усилий СССР ленд-лиз занимал сравнительно скромное место и в силу объективных организационных трудностей, можно сказать, отсутствовал в самый напряженный начальный период войны, он, тем не менее, позволил восполнить существенные пробелы в снабжении Красной армии и в целом сыграл значительную роль в приближении победы над врагом.

Интересно в этой связи свидетельство одного из ведущих американских исследователей этой темы Л. Мартеля: «Подписание первого протокола в Москве в октябре 1941 г. и заявление о распространении ленд-лиза на Россию не открыли шлюзы для широкого потока военных материалов сражавшейся Красной армии, — отмечал он. — Помощь России в конце концов действительно увеличилась с тоненького ручейка до существенного потока грузов, но в первые критические месяцы войны на ее пути постоянно возникали препятствия» [Martel, 1979: 36].

Soviet Union. Vol. 1. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1959. P. 814.

²³ Harriman A., Abei E. Special envoy to Churchill and Stalin. 1941–1946. New York: Random House, 1975. P. 83.

В то смертельно опасное для нашей страны время многие в СССР усматривали чуть ли не «козни» и «злой умысел» в невыполнении союзниками в полном объеме взятых обязательств, тем более что в возбужденной атмосфере поиска виновных в военных неудачах в начале войны подобные аргументы котиrowались в Кремле довольно высоко. Однако в действительности основная причина задержек была не в нежелании Лондона и Вашингтона сотрудничать с новым союзником (хотя задача его удержания в войне не ставилась под сомнение), а в тех невероятных трудностях перевода на военные рельсы и мобилизации капиталистической (не плановой) экономики, которые приходилось преодолевать в США, не говоря уже об организации невиданной в истории логистической операции по доставке колоссальных объемов военных грузов в СССР в условиях боевых действий и опаснейших маршрутов.

В Вашингтоне вопросы удавалось решать чаще всего после личного вмешательства президента, что стало еще одним примером государственного регулирования капиталистической экономики в экстремальных условиях, как и кейнсианский «новый курс» Ф. Рузвельта во внутренней политике во время Великой депрессии.

Эффект коалиции

И все-таки в Кремле главной задачей на дипломатическом фронте считали организацию высадки войск союзников на Европейском континенте в Северной Франции, чтобы, по примеру Первой мировой войны, зажать Германию в тиски двух фронтов и тем самым облегчить положение Красной армии. Как известно, впервые этот вопрос И.В. Сталин поднял в своем послании У. Черчиллю 18 июля 1941 г. — в разгар немецкого «блицкрига», предложив создать второй фронт «на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика)»²⁴.

Однако У. Черчилль, поддержанный британским Комитетом начальников штабов, был глух к предложению из Москвы, хотя положение на Восточном фронте становилось день ото дня всё более отчаянным и объективно угрожало и британским интересам. Сталинская дипломатическая переписка отразила возбужденное состояние умов в Кремле, еще до конца не оправившихся от шока вероломного нападения и лихорадочно искавших варианты спасения страны. Никогда ранее не вступавший в прямую переписку с послами, И.В. Сталин на этот раз решил доверить послу в Лондоне И.М. Майскому свои мысли.

²⁴ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. С. 85.

В своей телеграмме от 30 июля глава советского правительства, пренебрегая обычной субординацией, явно в раздраженном тоне откровенно писал, что Великобритания, по сути, «своей пассивной выжидательной политикой помогает гитлеровцам <...>. Понимают ли это англичане? Я думаю, что понимают. Чего же они хотят? Они хотят, кажется, нашего ослабления. Если это предположение правильно, нам надо быть осторожными в отношении англичан». Столь резкая оценка политики правительства У. Черчилля, близкая к обвинению его чуть ли не в сговоре с нацистами за счет интересов СССР, была, разумеется, данью переживаемому острому моменту и желанием чисто в сталинском стиле объяснить военные неудачи чужими интригами или недоброжелательством. Это достаточно ясно следовало из ранее не публиковавшейся части цитируемой телеграммы. «Если так будет продолжаться и англичане не расшевелиятся, — говорилось в ней, — наше положение станет угрожающим. Выиграют ли от этого англичане? Я думаю, что проиграют. Говоря между нами, должен сказать Вам откровенно, если не будет создан англичанами второй фронт в Европе в ближайшие три–четыре недели, мы и наши союзники можем проиграть дело. Это печально, но это может стать фактом»²⁵. Второй фронт в Европе не был создан ни «в ближайшие три–четыре недели», ни даже в ближайшие два года, и тем не менее Советский Союз не только выстоял, но и повернул вспять шквал нацистской агрессии, что ясно говорило о потенциальной мощи СССР, недооцененной даже его руководителями.

Действительно ли у потрясенного неудачами на фронте кремлевского вождя были такие мысли, о которых сегодня нам, наследникам государства-победителя, не в радость вспоминать, или он сознательно сгущал краски, чтобы настроить своего посла на решительное объяснение с коварными союзниками, — об этом мы уже никогда не узнаем. У англичан, расплачивавшихся за политику «умиротворения» и сражавшихся в одиночестве больше года, пока СССР оставался вне войны и чувствовал себя, как завистливо считали в Лондоне, вполне комфортно, была своя мстительная логика.

В ней переплетались как традиционные мотивы вековой игры Туманного Альбиона на балансе сил в европейской политике, так и недавно возникшие пораженческие комплексы в результате панического бегства экспедиционных сил с континента с потерей

²⁵ Путь к Великой Победе. СССР в войне глазами западных современников: Документы и материалы / Под ред. акад. А.В. Торкунова; авт.-сост.: В.О. Печатнов, М.М. Наринский, И.Э. Магадеев. М., 2015. С. 56–57.

всего тяжелого вооружения и последующего яростного немецкого воздушного «блица». Пресловутая дальновидность У. Черчилля, которой восхищаются некоторые западные историки, включая его биографа-любителя и подражателя премьер-министра Бориса Джонсона [Johnson, 2014], останавливалась ровно там, где верх брали британские имперские интересы, естественно, в том виде, как он их понимал.

Нельзя сказать, что так думали все в окружении У. Черчилля. С ним спорила даже его собственная любимая супруга Клементина, к мнению которой он обычно прислушивался, но однажды, когда она в очередной раз завела разговор на тему «помощи русским», он резко ее оборвал, дав понять, что государственные дела — не женское дело. Как сообщал в Москву вхожий в высшие английские кабинеты посол И.В. Майский, на одном из приемов г-жа Черчилль во всеуслышание заявила: «Если бы Россия потерпела поражение, что случилось бы с нами?» Правда, подобные опасения никак не мешали британскому правительству отклонять идею второго фронта, в чем, как считал посол, находили отражение «вековая традиция вести войну чужими руками», а также глубоко укоренившийся страх английских генералов перед германской военной машиной. Посол, будущий академик, привел даже презрительную характеристику английской армии как «стада львов, предводимых ослами», данную когда-то ей Наполеоном²⁶.

Надо сказать, что интуиция не подвела И.В. Сталина в отношении поведения англичан, явно сводивших счеты с Москвой за ее довоенную политику. В своей телеграмме от 28 октября 1941 г. С. Криппсу, который раздражал британского премьера своими призывами к скорейшему открытию фронта на западе, У. Черчилль не без ехидства выражал сочувствие «России в ее агонии». «Несомненно, они не вправе упрекать нас, — продолжал он. — Они сами решили свою судьбу, когда пактом с Риббентропом позволили Гитлеру напасть на Польшу и тем самым развязать войну. Они отрезали себя от эффективного второго фронта, когда позволили уничтожить французскую армию <...>. Однако до тех пор, пока Гитлер на них не напал, мы не знали, будут ли они воевать и на чьей стороне»²⁷.

Время было явно неподходящим, чтобы руководствоваться подобными соображениями, но У. Черчилль не был бы собой, если бы рассуждал иначе, хотя весь ход его мыслей выдавал в нем скорее

²⁶ Там же. С. 108–112.

²⁷ Там же. С. 101.

парламентского политика эпохи заката Британской империи, нежели дальновидного государственного деятеля, ведь А. Гитлер, разъяренный несговорчивостью англичан, говорил в кругу приближенных: первое, что он сделает после победы на востоке, — «разделается» с Великобританией [Beevor, 2014: 177]. Среди сражений Второй мировой войны было немало таких, которые многим историкам казались безальтернативными, в то время как на самом деле их судьба висела на волоске. К их числу, бесспорно, относилась героическая победа советского оружия в битве под Москвой, сорвавшая немецкие планы «молниеносной войны» и ставшая началом пути «тысячелетнего рейха» к своей гибели.

После разгрома немцев под Москвой зимой 1941–1942 гг., получив лишь моральную поддержку союзников, в Кремле всерьез взялись за решение задачи открытия второго фронта. На это были брошены все лучшие силы советской дипломатии. Речь шла о сокращении сроков войны и тем самым — о спасении миллионов человеческих жизней. В мае–июне 1942 г. в поездку по западным столицам инкогнито под псевдонимом «г-н Браун» отправился сам нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов с целью добиться от союзников — президента Ф. Рузвельта и премьера У. Черчилля — ясных обязательств о высадке союзных войск на побережье Франции в том же году.

После сильного дипломатического нажима с советской стороны такие обязательства были даны в подписанных в Лондоне и Париже совместных коммюнике. Как оказалось, только для того, чтобы спустя считанные дни быть цинично нарушенными союзниками под предлогом якобы практической невозможности их выполнения²⁸. Негодованию Москвы не было предела, и прибывшему для объяснений на встречу с И.В. Сталиным в августе 1942 г. У. Черчиллю в сопровождении А. Гарримана в качестве личного представителя Ф. Рузвельта пришлось выслушать немало резких, но справедливых слов. На следующий год история вновь повторилась. Взятые западными союзниками новые обязательства открыть второй фронт в 1943 г. в очередной раз не были выполнены.

Как вполне обоснованно считали в Кремле, тактика Лондона и Вашингтона заключалась в ведении «легкой войны» с вступлением в нее «в нужный момент», чтобы не опоздать к разделу плодов победы. Такой момент наступил благодаря героическим усилиям Красной армии, которая осуществила коренной перелом в войне в сражениях

²⁸ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. С. 276–277.

под Сталинградом и на Курской дуге. Несмотря на сопротивление упрямого У. Черчилля, который настаивал на открытии второго фронта на Балканах, И.В. Сталину и Ф. Рузвельту на конференции в Тегеране поздней осенью 1943 г. удалось согласовать вопрос о высадке союзных войск во Франции в мае 1944 г. У. Черчиллю, который вопреки логике войны слепо верил в военный переворот в Германии и капитуляцию немцев, пришлось уступить. Вопрос о втором фронте был наконец решен. Все тогда отлично понимали его второстепенное, подчиненное значение: три четверти войск вермахта нашли свой бесславный конец на советско-германском фронте.

* * *

Военный союз трех держав, несмотря на постоянно возникавшие между ними острые разногласия, выдержал и еще более трудные испытания, связанные с послевоенным мирным урегулированием. Как известно, испокон веков войны на земле велись не ради славы, а ради конкретных результатов, передела мира в интересах победителей и за счет побежденных. От предыдущих конфликтов, больших и малых, Вторая мировая война отличалась не только своими глобальными масштабами и качественно новым военно-техническим уровнем, но и обилием демократической риторики, тон которой задавал президент США Ф. Рузвельт, хорошо усвоивший мессианские уроки своего предшественника и учителя В. Вильсона.

Премьер-министра У. Черчилля, прагматика и имперского политика до мозга костей, эта риторика временами корбила, особенно тогда, когда американский президент касался любимой темы — освобождения народов колоний вслед за избавлением мира от угрозы нацизма, но в целом ему приходилось мириться с этим как с неизбежной данью новому времени. Стоит заметить, что как лидер союзного государства, уступавшего по своему весу и влиянию в коалиции двум другим ее членам, У. Черчилль не отличался масштабностью мысли и был консерватором в полном смысле этого слова. Все его помыслы были заняты тем, как сохранить британскую колониальную империю и восстановить в Европе довоенный статус-кво в духе нового «санитарного кордона», который был совершенно неприемлем для СССР, внесшего решающий вклад в разгром нацизма. При этом У. Черчилль хорошо понимал, что союзу военных лет не было альтернативы. Однажды, разочарованный переговорами с партнерами по «большой тройке», он иронично заметил: «Что может быть хуже ведения войны вместе с союзниками?» И сам же ответил: «Это война без союзников» [Johnson, 2014: 382].

В свете последовавших событий эпохи «холодной войны» и сменившего ее после распада СССР периода однополярного мира на Западе редко находили добрые слова в адрес антигитлеровской коалиции трех держав. Как только ее ни называли: и «неестественной», и «странной», и «случайной» и обреченной на неизбежный распад и возвращение ее участников к былой вражде [см. подробнее: Gaddis, 1997: 1–25]. Правда, сами участники, во всяком случае, пока был жив президент Ф. Рузвельт, так не считали и надеялись на сохранение сотрудничества и после войны. Эти цели закреплены в созданной союзниками Ялтинско-Потсдамской системе и ее главном детище и опоре — Организации Объединенных Наций, которая остается до сих пор важнейшим фактором стабильности международных отношений.

В Москве, во всяком случае, вплоть до Потсдамской конференции (июль–август 1945 г.) и появления у американцев монополии на ядерное оружие верили, что военный союз держав-победителей удастся преобразовать в послевоенное сотрудничество. Все попытки западных авторов представить СССР зачинщиком «холодной войны» лишены сколько-нибудь серьезных оснований. Страна, понесшая колоссальный ущерб в результате войны и заплатившая за победу миллионами человеческих жизней, нуждалась в послевоенных мирных условиях для своего восстановления. Как хорошо видно из переговоров с союзниками на высшем уровне, И.В. Сталин делал всё возможное, чтобы не обострять отношения с ними, и был готов идти на значительные уступки во многих вопросах, если они не затрагивали коренные интересы безопасности СССР, прежде всего в Восточной Европе, даже с таким трудным партнером, каким оказался президент Г. Трумэн.

Историки продолжают волновать вопрос, были ли распад «великой коалиции» и наступление «холодной войны» с вернувшимися враждой и недоверием великих держав закономерными и неизбежными? Военный стратег древнего Китая Сунь-Цзы еще два с половиной тысячелетия назад сделал обескураживающий вывод: «Союзники — это враги, у которых есть общий враг». Победа держав антигитлеровской коалиции над общим врагом — странами «оси» создала качественно новую геополитическую реальность. На поверхность вышли до поры отложенные антагонизмы, идеологические и геополитические противоречия, свойственные победителям амбиции в связи с переделом мира. А главное — было утеряно видение общей цели, что неизбежно привело к расколу лагеря победителей. Всё это сегодня служит уроком современным политикам, которым

приходится выбирать между опасной разобщенностью, конфронтацией, национальным эгоизмом и обретением нового видения единства цели.

В истории Второй мировой войны символом боевого союза держав-победителей стала историческая встреча советских и американских солдат на Эльбе в центре Германии 25 апреля 1945 г. Обнадёживает, что это памятное событие в связи с 75-летием Победы в войне было отмечено Москвой и Вашингтоном в совместном заявлении. «Дух Эльбы, — говорилось в нем, — является примером того, как наши страны могут, несмотря на различия, выстроить доверительные отношения и сотрудничать в общих целях. Действуя сегодня, чтобы противостоять самым критическим вызовам XXI в., мы отдаем должное мужеству и отваге всех тех, кто совместно сражался и сокрушил фашизм. Их героический подвиг никогда не будет забыт»²⁹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антигитлеровская коалиция — 1939. Формула провала. М.: Кучково поле, 2019.
2. Борисов А.Ю. СССР и США. Союзники в годы войны. 1941–1945. М.: Международные отношения, 1983.
3. Медведев Р.А. И.В. Сталин в первые дни Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 118–136.
4. Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М.: Терра, 2006.
5. Рис Л. Сталин, Гитлер и Запад. Тайная дипломатия великих держав. М.: Астрель, 2012.
6. Хейстингс М. Вторая мировая война. Ад на земле. М.: Альпина нон-фикшн, 2015.
7. Хильгер Г., Мейер А. Россия и Германия. Союзники или враги? М.: Центрполиграф, 2008.
8. Allison G. The new spheres of interest. Sharing the globe with other great powers // Foreign Affairs. 2020. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-02-10/new-spheres-influence> (accessed: 20.06.2020).
9. Applebaum A. Iron curtain. The crushing of Eastern Europe, 1944–1956. New York: Doubleday, 2012.
10. Beevor A. The Second World War. London: Weidenfeld & Nicolson, 2014.

²⁹ Joint Statement by President Donald J. Trump and President Vladimir Putin of Russia Commemorating the 75th Anniversary of the Meeting on the Elbe // The White House. 25.04.2020. Available at: <https://translations.state.gov/2020/04/25/joint-statement-by-president-donald-j-trump-and-president-vladimir-putin-of-russia-commemorating-the-75th-anniversary-of-the-meeting-on-the-elbe/> (accessed: 20.06.2020).

11. Beschloss M. Kennedy and Roosevelt. The uneasy alliance. New York: Norton, 1980.
12. Gaddis J.L. We now know. Rethinking Cold War history. New York: Oxford University Press, 1997.
13. Johnson B. The Churchill factor. How one man made history. London: Hodder & Stoughton, 2014.
14. Martel L. Lend-lease. Loans and the coming of the Cold War: A study of the implementation of the foreign policy. London, New York: Boulder, 1979.
15. Moorhouse R. First to fight. The Polish war. 1939. London: Random House, 2019.
16. Padfield P. Hess. The Fuhrer disciple. London: McClelland&Stewart, 1991.
17. Read A., Fisher D. The deadly embrace. Hitler, Stalin and the Nazi-Soviet pact. 1939–1941. London: M. Joseph, 1988.
18. Rees L. The dark charisma of Adolf Hitler. Leading millions into the abyss. London: BBC, 2013.
19. Smith T., Hessen R. Berlin alert: The memoirs and reports of Truman Smith. Stanford: Hoover Institution Press, 1985.
20. Snyder T. Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin. New York: Basic Books, 2012.
21. Stewart P. Machiavelli: Still shocking after five centuries // The National Interest. 25.09.2013. Available at: <https://nationalinterest.org/commentary/machiavelli-still-shocking-after-five-centuries-9126> (accessed: 20.06.2020).
22. Taylor A.J.P. The origins of the Second World War. New York: Simon & Schuster, 1983.

A.Yu. Borisov

**THE ANTI-HITLER COALITION:
FROM ENMITY TO MILITARY ALLIANCE —
A FORMULA FOR SUCCESS**

*Moscow State Institute of International Relations (University)
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454*

It is unfortunate to note again today that World War II did not end, it continues in the form of the war of memory. Politicians and scholars who stand as ideological successors of collaborators are trying to rewrite the history of those tragic days, to downplay the role of the Soviet Union in the victory over fascism. They try to revive certain political myths, which have been debunked long ago, that the Soviet Union and the Nazi Germany bear equal responsibility for the outbreak of World War II, that the Red Army did not liberate Eastern Europe but 'occupied' it. In order to combat these attempts it is necessary to examine once again a turbulent history of the inter-war period and, particularly, the reasons why all attempts to form a united anti-

fascist front had failed in the 1930s, but eventually led to the formation of the anti-Hitler coalition.

The paper focuses on a complex set of political considerations, including cooperation and confrontation, mutual suspicions and a fervent desire to find an ally in the face of growing international tensions, which all together determined the dynamics of relations within a strategic triangle of the Soviet Union — the United States — Great Britain in the late 1930s and early 1940s. The paper shows how all attempts to establish a collective security system during the prewar period had shattered faced with the policy of appeasement, which allowed the Nazi Germany to occupy much of Europe. Only the Soviet Union's entry into the war changed the course of the conflict and made a decisive contribution to the victory over fascist aggressors. The author emphasizes that at such crucial moment of history I.V. Stalin, F.D. Roosevelt and W. Churchill raised to that challenge, demonstrating realism, common sense and willingness to cooperate. Although within the anti-Hitler coalition there was a number of pending issues, which triggered tensions between the Allies, their leaders managed to move beyond old grievances, ideological differences and short-term political interests, to realize that they have a common strategic goal in the struggle against Nazism. According to the author, this is the foundation for success of the anti-Hitler coalition and, at the same time, the key lesson for contemporary politicians. The very emergence of the anti-Hitler coalition represented a watershed in the history of the 20th century, which has determined a way forward for the whole humanity and laid the foundations for the world order for the next fifty years.

Keywords: anti-Hitler coalition, collective security, the second front, Lend-Lease, World War II, appeasement, post-war world order.

About the author: *Aleksandr Yu. Borisov* — Doctor of Sciences (History), Professor at MGIMO University, Minister Extraordinary and Plenipotentiary (e-mail: albor@rambler.ru).

REFERENCES

1. *Antigitlerovskaya koalitsiya — 1939. Formula provala* [Anti-Hitler coalition — 1939. Formula for failure]. 2019. Moscow, Kuchkovo pole Publ. (In Russ.)
2. Borisov A.Yu. 1983. *SSSR i SShA. Soyuzniki v gody voyny. 1941–1945* [The Soviet Union and the United States. Allies during the war. 1941–1945]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)
3. Medvedev R.A. 2002. *I.V. Stalin v pervye dni Velikoi Otechestvennoi voyny* [Joseph Stalin in the early days of the Great Patriotic War]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 2, pp. 118–136. (In Russ.)
4. Pechatnov V.O. 2006. *Stalin, Ruzvel't, Trumen: SSSR i SShA v 1940-kh gg.* [Stalin, Roosevelt, Truman: The Soviet Union and the United States in 1940s]. Moscow, Terra Publ. (In Russ.)

5. Rees L. 2010. *World War II behind closed doors: Stalin, the Nazis and the West*. New York, Vintage Books [Russ. ed.: Ris L. 2012. *Stalin, Gitler i Zapad. Tainaya diplomatiya velikikh derzhav*. Moscow, Astrel' Publ.].
6. Hastings M. 2005. *Armageddon: The battle for Germany 1944–1945*. New York, Vintage Books [Russ. ed.: Kheistings M. 2015. *Vtoraya mirovaya voyna. Ad na zemle*. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ.].
7. Hilger G., Meyer A.G. 1953. *The incompatible allies*. New York, Macmillan [Russ. ed.: Khil'ger G., Meier A. 2008. *Rossiya i Germaniya. Soyuzniki ili vragi?* Moscow, Tsentrpoligraf Publ.].
8. Allison G. 2020. The new spheres of interest. Sharing the globe with other great powers. *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-02-10/new-spheres-influence> (accessed: 20.06.2020).
9. Applebaum A. 2012. *Iron curtain. The crushing of Eastern Europe, 1944–1956*. New York, Doubleday.
10. Beevor A. 2014. *The Second World War*. London, Weidenfeld & Nicolson.
11. Beschloss M. 1980. *Kennedy and Roosevelt. The uneasy alliance*. New York, Norton.
12. Gaddis J.L. 1997. *We now know. Rethinking Cold War history*. New York, Oxford University Press.
13. Johnson B. 2014. *The Churchill factor. How one man made history*. London, Hodder & Stoughton.
14. Martel L. 1979. *Lend-lease. Loans and the coming of the Cold War: A study of the implementation of the foreign policy*. London, New York, Boulder.
15. Moorhouse R. 2019. *First to fight. The Polish war. 1939*. London, Random House.
16. Padfield P. 1991. *Hess. The Fuhrer disciple*. London, McClelland&Stewart.
17. Read A., Fisher D. 1988. *The deadly embrace. Hitler, Stalin and the Nazi-Soviet pact. 1939–1941*. London, M. Joseph.
18. Rees L. 2013. *The dark charisma of Adolf Hitler. Leading millions into the abyss*. London, BBC.
19. Smith T., Hessen R. 1985. *Berlin alert: The memoirs and reports of Truman Smith*. Stanford, Hoover Institution Press.
20. Snyder T. 2012. *Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin*. New York, Basic Books.
21. Stewart P. 2013. Machiavelli: Still shocking after five centuries. *The National Interest*. Available at: <https://nationalinterest.org/commentary/machiavelli-still-shocking-after-five-centuries-9126> (accessed: 20.06.2020).
22. Taylor A.J.P. 1983. *The origins of the Second World War*. New York, Simon & Schuster.

И.Э. Магадеев*

**«УРОКИ ВОЙНЫ»
И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ
ДЕРЖАВ «БОЛЬШОЙ ТРОЙКИ» (1945–1949)**

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный институт международных отношений
(университет)*

*Министерства иностранных дел Российской Федерации»
119454, Москва, пр-т Вернадского, 76*

В статье представлен подробный анализ, как в условиях постепенной кристаллизации биполярного порядка военные и политики СССР, США и Великобритании оценивали итоги завершившегося глобального конфликта; на какие сценарии и прогнозы опирались в ходе своего стратегического планирования; считали ли уроки Второй мировой войны устаревшими ввиду появления атомной бомбы. Автор подчеркивает специфику периода 1945–1949 гг.: влияние еще очень свежего опыта беспрецедентных по масштабу и разрушительности боевых действий, наличие американской атомной монополии и отсутствие системы классического ядерного сдерживания. В статье проводится сравнительный анализ оценок «уроков войны» в Москве, Вашингтоне и Лондоне, направленный на демонстрацию их сходства и различий. Автор приходит к выводу о том, что прошедший конфликт, представший прообразом эвентуальной «большой войны» в будущем, рассматривался в трех столицах как образец «тотальной войны» практически глобального масштаба, как конфликт, требовавший тщательной подготовки еще в мирный период и милитаризации гражданской жизни. Реальное стратегическое планирование СССР, США и Великобритании находилось под серьезным влиянием сценариев Второй мировой войны. В Москве готовились отразить агрессию на западных рубежах или на Дальнем Востоке, желая не допустить ошибок периода «Барбароссы». В Вашингтоне признавали конвенциональное превосходство Советского Союза в Старом Свете, не исключая того, что Советская армия займет Западную Европу, которая лишь затем будет отвоевана американцами и их союзниками в духе операции «Оверлорд». В Лондоне шансы на оборону по Рейну рассматривали как слабые, а базовый сценарий

* Магадеев Искандэр Эдуардович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки факультета международных отношений МГИМО МИД России (e-mail: iskander2017@yandex.ru).

строили на эвакуации войск на Британские острова («тень Дюнкерка») и на масштабных стратегических бомбардировках национальной территории СССР и подконтрольных ему стран. Даже «ядерный фактор», вносивший очевидную новизну в стратегическую ситуацию послевоенного периода, играл пока меньшую роль, чем на дальнейших этапах «холодной войны». Тень Второй мировой войны и ее уроки давали о себе знать много позже 1945 г.

Ключевые слова: Вторая мировая война, СССР, США, Великобритания, стратегическое планирование, военная стратегия, тотальная война, ядерное сдерживание, уроки войны, «холодная война».

Выбор хронологических рамок при изучении того или иного исторического периода или события отнюдь не является простой формальностью, а непосредственно сказывается на результатах исследования. Место и роль Второй мировой войны во взаимодействии СССР, США и Великобритании предстают различными в зависимости от опорных точек и хронологического фокуса исследователя. Если в качестве такой опорной точки фигурирует 1939 год, то исторический нарратив нередко строится вокруг идеи об «упущенном шансе» [Мягков, Ржешевский, 2009] или о «фиаско» [Carley, 2019] в создании более прочной антигитлеровской коалиции в преддверии войны, что затруднило бы первоначальные успехи нацистской Германии. Исследователи, акцентирующие взаимодействие «большой тройки» в 1941–1945 гг., подчеркивают его противоречивые тенденции: с одной стороны — плотность и глубину союзных отношений СССР, США и Великобритании, которые, что не исключалось, могли остаться партнерами и после войны; с другой стороны — наличие признаков и проявлений будущей «холодной войны» уже в период существования «Великого альянса» [Печатнов, Магадеев, 2015; Roberts, 2006]. «Феномен холодной войны вызревал постепенно, беря истоки в нарастающих противоречиях внутри антигитлеровской коалиции», — отмечается на страницах новейшей истории Великой Отечественной войны, написанной коллективом российских авторов [Великая Отечественная война 1941–1945 годов, 2015: 589].

Последняя точка зрения характерна для тех историков, которые анализируют не столько период самой Второй мировой войны, сколько зарождение и первый этап собственно биполярного противостояния [см. об этом: Kimball, 2001]. В том случае, если они отталкиваются от 1947 г., исследователи подчас оставляют события 1939–1945 гг. в тени, акцентируя тенденции нараставшего противостояния сверхдержав, а не уроки прошедших событий. Более того,

в новейшей историографии присутствует стремление и вовсе дистанцироваться от традиционных реперных точек при оценке периода «холодной войны»: «Речь идет о том, чтобы рассматривать место и значение холодной войны в тесной взаимосвязи с кардинальными процессами всего XX в., прежде всего с начавшейся еще до Второй мировой войны политической, экономической и культурной глобализацией, которая продолжается в настоящее время» [Егорова, 2020: 25].

В центре проблематики данной статьи — противоречивый переход от союзных отношений «большой тройки» в 1945 г. через двухлетнюю интермедию «первых заморозков» [Батюк, Евстафьев, 1995; см. также: Печатнов, 2006а; Быстрова, 2007] к институционализации и формированию в 1949 г. классических структур и параметров «холодной войны». Среди последних: наличие разделенной Германии, НАТО, сфер влияния СССР и США в Европе, образование КНР и др. Историки, следуя за хронологическим развитием событий от начальной до конечной точки, нередко — и вполне справедливо — интерпретировали период с 1945 по 1949 г. в свете нарастания напряженности между Советским Союзом и Соединенными Штатами и постепенного «перехода Великобритании в разряд младшего партнера США» [Встречными курсами, 2014: 10]. В данном случае, однако, предпринимается попытка оглянуться назад, а не посмотреть вперед: выявить роль «тени прошлого» и наследия Второй мировой войны в нараставшем «конфликтном взаимодействии» сверхдержав [Манькин, 2018]. Автор стремится определить, как в условиях кристаллизации биполярного порядка военные и политики трех стран оценивали итоги завершившегося глобального конфликта, на какие сценарии опирались в ходе стратегического планирования, считали ли уроки Второй мировой войны устаревшими ввиду появления атомной бомбы. Еще одна особенность исследовательского ракурса в представленной статье — нацеленность на то, чтобы совместить и сопоставить точки зрения руководства трех стран бывшего «Великого альянса». Ранее в историографии преимущественно изучали рецепцию «уроков войны» лидерами каждого отдельного государства [Печатнов, 2006b; Магадеев, 2016; Sherry, 1977; Reynolds, 1993] либо сопоставляли оценки, циркулировавшие в Москве и Вашингтоне [Печатнов, 2009]. При всех различиях между тремя странами, как будет показано далее, в анализе их руководством опыта мировой войны были характерные общие черты. Вместе с тем неодинаковая доступность источников, необходимых для изучения стратегического планирования СССР, США и Великобритании (советские документы по данной проблематике остаются гораздо менее доступными, чем

англо-американские), неизбежно сказывается на степени детализации анализа в каждом из трех случаев.

Несмотря на активное формирование структур «холодной войны» и их постепенное распространение из Европы, где противостояние «по-настоящему началось» [Reynolds, 1990: 113], на другие континенты, выбранный хронологический отрезок не был просто одним из этапов в развитии конфликтного взаимодействия сверхдержав, но отличался выраженной спецификой. Тень и наследие Второй мировой войны были ощутимы в 1945–1949 гг. в большей степени, чем на более поздних этапах. В условиях атомной монополии США (и даже позднее) отсутствовала полноценная система взаимного гарантированного уничтожения, которая «с середины 1960-х годов сделала вооруженный конфликт между сверхдержавами иррациональным» [Copeland, 1996: 30; см. подробнее: Herken, 1980; Betts, 1987]. Специфика стратегических реалий 1945–1949 гг. усиливает интерес к изучению событий окончания Второй мировой войны и дальнейшего биполярного противостояния в единой цепке. Подобные попытки, уже предпринимавшиеся в отечественной и зарубежной историографии, дали ценные результаты и заслуживают дальнейшего развития [Печатнов, 2006b; Встречными курсами, 2014; Reynolds, 2006; Roberts, 2006]. Согласно одной из недавних оценок «основы миропорядка во второй половине XX в. были определены руководителями Советского Союза, Соединенных Штатов и Великобритании в годы Второй мировой войны» [Холодная война, 2014: 53].

В настоящей статье выявлены общие тенденции в восприятии уроков войны представителями военно-политического руководства и экспертного сообщества СССР, США и Великобритании; рассмотрены основные сценарии стратегического планирования, в значительной степени опиравшиеся на опыт прошедшей войны; наконец, представлен анализ степени новизны, привнесенной ядерным фактором.

Вторая мировая как «тотальная война».

Образ эвентуального конфликта

в советских, американских и британских оценках

Представление о Второй мировой как о «тотальной войне» стало почти общим местом в оценках политиков и экспертов стран «большой тройки». Сам термин «тотальная война» (в значении, приближенном к современному) возник еще во время первого мирового конфликта (в 1916 г. его использовал французский ультраправый политик Л. Додэ, а позднее популяризовал немецкий военачальник генерал Э. Людендорф [Segesser, 2014]) и не был чем-то абсолютно

новым. Восприятие войны как процесса, вовлекающего в себя не только фронт, но и тыл, как конфликта, требующего максимального напряжения всех сил государства и общества, отразилось в целом ряде оценок Ф. Рузвельта, У. Черчилля и И.В. Сталина.

Президент США, обращаясь 6 января 1943 г. к Конгрессу, отмечал: «Тотальная война — это суровая реальность»¹. Практический посыл его различных публичных речей нередко состоял в необходимости объединения тыла («в тотальной войне за демократию должен сражаться <...> весь [американский. — И.М.] народ»²) и отказа от лоббирования конгрессменами отдельных бизнес-интересов: «Мы только начинаем ощущать суровые результаты тотальной войны. Счастливые семьянины должны покидать свои хорошие и высокооплачиваемые должности и становиться солдатами <...>. Мы — те, кто остался в гражданской жизни, дабы обеспечивать им продовольствие и снабжение, а также необходимый минимум для себя, — не должны спорить друг с другом в тщетных усилиях улучшить или удержать свои позиции за счет других ребят»³. Вместе с тем, несмотря на заявления Ф. Рузвельта, де-факто США остались в стороне от основных проявлений «тотальной войны» и даже, напротив, укрепили свои экономические позиции в мире, окончательно преодолев Великую депрессию 1930-х годов.

Упоминание о «тотальной войне» неоднократно встречалось и в выступлениях У. Черчилля. Так, 19 мая 1943 г. в речи, произнесенной перед обеими палатами Конгресса США, премьер-министр Великобритании, как и Ф. Рузвельт ранее, стремился донести до американских политиков, отгороженных, как правило, от жестких проявлений мирового конфликта, мысль о том, что «современная война тотальна» [цит. по: Black, 2010: 10]. Аналогичные характеристики были широко распространены и среди британских дипломатов и военных. В августе 1941 г. посол Великобритании в СССР С. Криппс призывал Лондон оказать более активную помощь Красной армии, утверждая: «...установка на ведение тотальной войны выполняется не полным образом из-за непонимания того факта, что русский фронт является и нашим фронтом наравне с внутренним фронтом нашей страны и ближневосточным фронтом»⁴. Годом позже один из офи-

¹ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 12. New York, 1950. P. 6.

² Statement on the First Anniversary of the WAVES. July 30, 1943 // Ibid. P. 337.

³ Message to the Senate. April 2, 1943 // Ibid. P. 142.

⁴ Путь к Великой Победе. СССР в войне глазами западных современников: Документы и материалы / Под ред. акад. А.В. Торкунова; авт.-сост.: В.О. Печатнов, М.М. Наринский, И.Э. Магадеев. М., 2015. С. 64.

церов британских ВВС на страницах специализированной прессы акцентировал взаимосвязь между боеспособностью вооруженных сил, с одной стороны, и экономическими возможностями и сплоченностью тыла — с другой (второе он обозначал как «гражданскую силу»): «Именно прочность гражданской силы является настоящей основой государственной мощи. Когда военная сила не может более обеспечивать необходимые условия для сохранения гражданской силы, государство должно просить о мире»⁵.

В Советском Союзе, несмотря на то что термин «тотальная война» был почти табуирован еще в 1930-е годы ввиду его предполагаемых нацистских корней (дискурс «тотальной войны» в германской пропаганде военного периода лишь усилил подобные настроения в советских властных кругах), де-факто оценки не были далеки от тех, что бытовали на Западе. Для Москвы, где еще в 1920-е годы рассматривали потенциальный вооруженный конфликт с другими державами, по сути, как «тотальную войну» [Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации, 2014: 518–525], идеи о роли производственной базы и об особенно ожесточенном характере ведения войны в современных условиях были почти трюизмами. К подобным концепциям подталкивали также идеологические постулаты о роли экономического базиса в целом и о глубине противоречий между социалистическими и капиталистическими странами. Как писал в официальном труде 1948 г. глава Госплана СССР Н.А. Вознесенский, «в советской экономике активность народа мобилизуется на выполнение государственного плана, а труд каждого труженика в конечном счёте подчинён единой цели»⁶. Идея «тотальной мобилизации» тыла и восприятия практически каждого гражданина (будь то военнотруженика или рабочего) как элемента общегосударственной военной машины была одной из ключевых для дискурса и реального ведения «тотальной войны».

И.В. Сталин неоднократно отмечал идеологическое и производственное измерения «тотальной войны». Уже 22 июня 1941 г. в своем окружении он, по сути, описывал советско-германскую войну как «тотальную» по характеру ведения и степени ожесточенности, отмечая, что «только коммунисты могут победить фашистов»⁷. В выступлениях перед более широкой публикой председатель Совета народных

⁵ Kingston-McCloughry E.J. Total war power // RUSI Journal. 1942. Vol. 87. No. 548. P. 326–327.

⁶ Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 143.

⁷ The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949 / Ed. by I. Banac. New Haven, 2003. P. 166.

комиссаров (СНК) акцентировал значение экономики страны для боеспособности вооруженных сил и необходимость единства тыла. Так, в речи от 6 ноября 1943 г. И.В. Сталин, ссылаясь на В.И. Ленина, отметил, что «война есть всестороннее испытание всех материальных и духовных сил каждого народа <...> лишь те государства выдерживали это испытание, которые оказывались сильнее своего противника по развитию и организации хозяйства, по опыту, мастерству и боевому духу своих войск, по выдержке и единству народа ...»⁸.

Представление о «тотальной войне» влияло не только на анализ текущего конфликта, но и на образ будущего. Фактически руководители всех трех стран исходили из того, что эвентуальная «большая война» будет иметь тотальный и максимально ожесточенный характер, а победа в ней в значительной степени будет зависеть от объема контролируемых ресурсов и территорий — основы военного потенциала государств и коалиций. В июле 1945 г. американский Комитет начальников штабов (КНШ) в одной из ранних разработок послевоенной стратегии подчеркивал, что «еще одна большая война в худшем случае разрушит Соединенные Штаты, а в лучшем — может быть выиграна лишь ценой уступающих людских и материальных потерь. Любой будущий конфликт между ведущими державами практически наверняка выльется в третью мировую войну, участия в которой нам ни в коем случае не избежать» [цит. по: Печатнов, Маныкин, 2016: 290]. Британский Штаб объединенного планирования еще в мае 1945 г. в плане операции «Немыслимое» на случай вооруженного противостояния с СССР призывал готовиться «к тотальной войне, длительной и дорогостоящей одновременно»⁹. Схожие установки сохранились в Лондоне и позже. В апреле 1946 г. начальник Штаба ВВС маршал авиации А. Теддер подчеркивал на заседании Комитета обороны британского правительства, что «в любой будущей войне с Россией мы должны выиграть время в самом начале конфликта, которое бы позволило нам мобилизовать наши ресурсы»¹⁰.

Для советского руководства пережитая «тотальная война» была худшим потенциальным вариантом развития событий в дальнейшем. Ее тень в рассматриваемый период скорее отражалась в стремлении к определенной осторожности в отношениях с США и

⁸ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. Т. 1. М., 1944. С. 99.

⁹ Опубл. в: Ржешевский О.А. Секретные военные планы У. Черчилля против СССР в мае 1945 г. // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 104.

¹⁰ DO (46) 10th Meeting. April 5, 1946 // The National Archives of Great Britain (TNA), Cabinet Office (CAB) 131/1. F. 92.

Великобританией, в рамках которых допускалась напряженность в разных ее формах, но не «большая война». Подробная разработка о послевоенном устройстве, составленная 11 января 1944 г. советским дипломатом И.М. Майским, была проникнута идеей о необходимости длительного периода мира для восстановления Советского Союза «сроком на 30–50 лет»¹¹. Ряд советских деятелей отмечали и другую сторону медали: опыт ожесточенной советско-германской войны должен был послужить уроком и для потенциальных противников СССР в будущем. В мае 1946 г. в характерном для того времени духе начальник Совинформбюро и бывший заместитель наркома иностранных дел С.А. Лозовский выражал схожую идею: «...битие определяет сознание — и то, что мы набили морду, это усвоено многими...»¹².

Милитаризация экономики и гражданской жизни. «Идеология постоянной боеготовности»

Тень «тотальной войны» проявлялась и в другой важной тенденции, связанной с последствиями глобального конфликта и их осмыслением в Москве, Вашингтоне и Лондоне. Если «тотальная война» в будущем грозила колоссальными разрушениями и необходимостью мобилизации максимального количества ресурсов, то подготовка к ней требовала милитаризации гражданских сфер жизни и закрепления идеи о перманентности военного фактора и в условиях мира. Этот процесс, как правило, шел параллельно с увеличением государственных функций и возможностей государственного аппарата, развитием инструментов и институтов «военного государства» — оборотной стороны послевоенного «государства благоденствия» [Edgerton, 2005]. Если в советском случае речь скорее шла о преемственности с прошлыми тенденциями, то для западных стран (особенно для США) эти процессы отличались большей новизной.

Так, американский историк М. Шерри писал о формировании в США по итогам Второй мировой войны «идеологии постоянной боеготовности», размывании «линии между миром и войной», растущей роли военно-промышленного сектора [Sherry, 1995: 44, 142]. «Постоянная боеготовность», согласно идеям, набиравшим вес в Вашингтоне, «поспособствует развитию научной инфраструктуры, необходимой для экономической экспансии, усилит связи между

¹¹ СССР и германский вопрос. 1941–1949. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Т. 1 / Сост. Г.П. Кынин, Й. Лауфер. М., 1996. С. 352.

¹² Путь к Великой Победе. С. 886.

корпорациями и политическими элитами, защитит доступ к рынкам и сырью, необходимому для дальнейшего экономического роста. Она может стимулировать крупные инвестиции в тот период, когда иные формы государственных расходов будут анафемой в глазах влиятельных групп интересов» [Sherry, 1977: 236].

Конкретные проявления милитаризации социальной и внутри-политической жизни в странах «большой тройки» по итогам Второй мировой войны были различными: расширение репрессивных возможностей государственного аппарата и наращивание военно-промышленных комплексов, новая роль науки в развитии военных технологий, укрепление и институционализация специальных и разведывательных служб, растущий вес военной составляющей в планировании различных сфер социальной жизни. В докладе подкомитета КНШ Великобритании по вопросам противовоздушной обороны (ПВО) от 15 июня 1945 г. нашли отражение многие из указанных тенденций. Британские военные, обеспокоенные возможными налетами вражеской авиации на Соединенное Королевство в будущем, не только предлагали создать интегрированную систему ПВО Великобритании и стран Северо-Западной Европы, но отмечали необходимость сохранить лидерство в сфере радаров и радиотехнологий, обеспечить поступление качественных разведанных, а также учесть запросы ПВО в городском планировании, развитии сельского хозяйства и строительстве зданий¹³.

О все более тесных связях мира науки, промышленности, военных и разведывательных структур говорили как «Манхэттенский проект» по созданию американской атомной бомбы, в котором свою роль сыграли британцы [Мальков, 1995], так и советский атомный проект, осуществлявшийся под прямым руководством Народного комиссариата внутренних дел (с августа 1945 г.). Весомую роль в развитии советского проекта сыграла к тому же информация о западных разработках, полученная по каналам разведки. В целом, как отмечал в сентябре 1945 г. президент Академии наук СССР академик С.И. Вавилов, «опыт войны с полной наглядностью показывает колоссальную действенность научно-технической работы при должной ее мобилизации и концентрации»¹⁴.

Надежд на принципиальное сокращение роли военной силы, присутствовавших в общественно-политических дискуссиях после

¹³ COS (45) 390 (O), Report by the Sub-Committee on the Allocation of Active Air Defence. June 15, 1945 // TNA, CAB 80/94. Ff. 353–354.

¹⁴ Вавилов С. Наука и новый пятилетний план // Известия. 08.09.1945.

1918 г., у современников Второй мировой практически не было: необходимость в той или иной мере милитаризировать гражданскую жизнь признавали, хотя и в разной степени, все участники «большой тройки». Вторая мировая война представляла своеобразным образцом, на который опирались государства при планировании и прогнозировании будущих военно-политических реалий. Показательными в этом смысле были британские дискуссии о судьбе «импровизации военного времени»¹⁵ — Управления специальных операций (COE) (Special operations executive, SOE), созданного в июле 1940 г. в первую очередь для подрывной и разведывательной работы в оккупированной Европе. При обсуждении вопроса о будущем COE весной–летом 1945 г. протагонисты независимо от того, поддерживали ли они сохранение самостоятельности организации или передачу ее функций Секретной разведывательной службе (СИС) (Secret intelligence service, SIS), подчеркивали возросшую роль подрывных операций, проведение которых прогнозировалось и в дальнейшем. Министерство экономической войны, которому подчинялось COE, отмечало: «...современные тренды научного и технического развития во всех сферах промышленности и государственной жизни, очевидно, демонстрируют, что роль подрывных операций в будущей войне будет еще более значительной, чем в войне нынешней»¹⁶.

В случае США Вторая мировая война стала важнейшим этапом в институционализации и расширении возможностей американских спецслужб [Дундуков, 2014]. Печальный опыт неожиданного нападения на Пёрл-Харбор стал одним из наиболее убедительных стимулов к созданию сильных разведывательных органов. Как говорилось на страницах специализированного «Дайджеста военно-воздушной разведки» (сентябрь 1948 г.), использование новейших разведывательных технологий должно позволить США избежать «Пёрл-Харбора атомного века» [цит. по: Aronsen, 2001: 107]. Создание Центрального разведывательного управления (ЦРУ) в 1947 г. было в этом смысле одним из наиболее серьезных последствий осмысления подобного опыта войны.

Уроки прошлого и представление о глобальном масштабе потенциальной «большой войны» в будущем

Наконец, еще одним выводом из уроков Второй мировой войны, который делали в свете подготовки к будущему противостоянию

¹⁵ COS (45) 360 (O), Memo by Selborne. May 27, 1945 // TNA, CAB 80/94. F. 251B.

¹⁶ Ibid. F. 251C.

ее участники, стало представление о глобальном масштабе эвентуального конфликта. Если Первая мировая была «преимущественно европейской войной» [Marks, 2003: 1], то после 1941 г. боевые действия приобрели глобальный характер: сухопутные сражения на советско-германском, а затем и на Западном фронте сопровождались невиданными ранее англо-американскими стратегическими бомбардировками Германии, борьбой за контроль над ключевыми океанскими коммуникациями (прежде всего в Атлантике), военноморскими и военно-воздушными батальями в Тихом океане, менее интенсивными конфликтами в Северной Африке, Италии, Юго-Восточной Азии. Пусть Западное полушарие и большая часть Африканского континента остались незатронутыми непосредственными боевыми действиями [Chickering, Förster, 2005: 7], влияние войны было очевидным и там. Как отмечал в 1944 г. один из британских офицеров, «в мире нет ни одной стороны жизни или места, не затронутого текущей схваткой, хотя сами сражения и могут происходить в тысяче миль от них»¹⁷.

Образ Второй мировой как глобальной войны в американских и британских оценках накладывался на глобальный масштаб собственного стратегического планирования на послевоенный период. В случае США, нового гегемона западного мира, речь шла об очевидной новизне, обусловленной опытом завершившегося конфликта. По словам одного из исследователей, «Вторая мировая война ускорила переход от концепции “крепости Америка” к концепции “американского века” <...>. Когда-то имевшая континентальный характер и замкнутая в рамках полушария, теперь американская концепция по обеспечению обороны внешних рубежей стала внерегиональной и глобальной» [Porter, 2011: 559–560]. Подобная трансформация, отражавшая возросшую мощь и внешнеполитические запросы американского руководства, одновременно была итогом определенного осмысления стратегического опыта войны.

В КНШ США еще в ноябре 1943 г. всерьез задумались о необходимости не только укрепить безопасность страны за счет военного базирования в Карибском бассейне, но и окружить Западное полушарие защитным кольцом военных баз (прежде всего для дислоцирования авиации). В качестве пунктов для их размещения в Тихом океане были намечены Алеутские, Филиппинские острова, Окинава и бывшие японские подмандатные острова в Микронезии, а в Атлантическом океане — Азорские и Канарские острова [Leffler, 2017:

¹⁷ Little R.S. Staff training for total war // RUSI Journal. 1944. Vol. 89. No. 555. P. 256.

124]. Очевидный интерес американских военных к базам в Северной Атлантике (в Исландии и Гренландии) проявился в желании осенью 1945 г. «заменить» британские войска, планировавшиеся к выводу с этих островных территорий¹⁸. В целом в «Обобщающем обзоре потребностей Соединенных Штатов в военных базах и правах на их размещение», подготовленном КНШ в конце сентября 1945 г., развивались идеи более ранних проектов в сторону еще большего размаха. Все активнее шла разработка проектов логистического обеспечения широкой сети намечаемых баз за счет получения прав на воздушный транзит и на посадку по стратегически важному маршруту от Манилы до Касабланки через Бангкок, Дели, Каир и целый ряд иных пунктов [Печатнов, Маныкин, 2016: 292].

Для военного руководства Британской империи, привыкшего к учету глобального измерения в военном планировании ввиду самого размаха имперских территорий, Вторая мировая скорее подтверждала уже имевшиеся стратагемы, чем радикально трансформировала их. Как и раньше, речь шла о поиске оптимального варианта распределения ограниченных военных ресурсов Великобритании и Содружества для решения двойной, хотя и нередко внутренне противоречивой задачи — обеспечения безопасности метрополии и империи. Во время дискуссии весной 1946 г. с лейбористским премьер-министром К. Эттли о важности Средиземноморья для британских интересов в послевоенном мире руководство КНШ Великобритании во главе с фельдмаршалом А. Бруком, прошедшее через войну, настаивало: «Наши стратегические потребности основаны прежде всего на факторах географического положения и распределения людской силы и природных ресурсов, которые не подверглись изменению»¹⁹.

Если в США Вторая мировая война вызвала очевидную трансформацию стратегических представлений, то советский случай скорее отчасти напоминал британский: элементы преемственности с довоенными концепциями были выражены намного очевиднее. Советская стратегия сохраняла континентальный уклон с акцентом на обеспечение прикрытия и безопасности сухопутных границ. В январе 1944 г. И.М. Майский заявлял, что «СССР должен выйти из нынешней войны с выгодными стратегическими границами [подчеркнуто рукой наркома иностранных дел В.М. Молотова. — *И.М.*], в основу которых должны лечь границы 1941 года. Сверх того, было

¹⁸ CM (45) 35, Cabinet Conclusions. September 25, 1945 // TNA, CAB 128/1. F. 69.

¹⁹ DO (46) 47, Report by the Chiefs of Staff. April 2, 1946 // TNA, CAB 131/2. F. 244.

бы очень важно, чтобы к СССР перешли Петсамо, Южный Сахалин и цепь Курильских островов. СССР и Чехословакия должны иметь общую границу»²⁰. В ноябре 1944 г. заместитель наркома М.М. Литвинов прогнозировал усиление позиций СССР, «который после поражения Германии, ослабления Франции и Италии окажется единственной могучей континентальной европейской державой». Дипломат полагал, что «своей максимальной сферой интересов Советский Союз может считать Финляндию, Швецию, Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию, славянские страны Балканского полуострова, а равно и Турцию»²¹.

Императив «глубины обороны»

Постепенное разделение Европы, а затем и других частей света на сферы влияния не только отражало процессы биполяризации и нарастания «холодной войны», но и коррелировало со стратегическими уроками завершившегося глобального конфликта. Так, в стратегических дискуссиях еще 1944–1945 гг. популярность набирало понятие «глубина обороны», фиксировавшее выводы о растущей разрушительной силе современных вооружений и войны в целом, о ее новых масштабах и тотальном характере. Свою роль сыграл и анализ конкретного опыта, полученного при проведении масштабных операций Второй мировой. Расчет базовых тактико-оперативных параметров (количество войск на километр фронта, масштаб превосходства над противником на участке прорыва т.д.) в конце 1940-х — начале 1950-х годов и на Западе, и в СССР осуществлялся на базе цифр Второй мировой войны [Hilsman, 1959: 149].

Для военного и политического руководства всех стран «большой тройки» «глубина обороны», по сути, означала необходимость отдалить на максимально возможное расстояние потенциальную агрессию в будущем, защитить жизненно важные промышленные и политические центры, а также выиграть время для «тотальной мобилизации» их ресурсов. Конкретные же черты толкования «глубины обороны» определялись стратегическим положением и расчетами каждой из стран.

Размышления военного руководства США о «глубине обороны» дополнялись глобализацией американской концепции безопасности,

²⁰ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 352.

²¹ Записка Литвинова «О перспективах и возможной базе советско-британского сотрудничества», 15 ноября 1944 г. // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 143. Л. 83.

и подобная глубина приобретала в разработках планировщиков почти всемирное измерение. Глава оперативного управления Штаба сухопутных сил генерал Дж. Линкольн на совещании с коллегами в августе 1945 г. подчеркивал: «...нам придется идти на военное вмешательство в Европе или Азии, поскольку мы не планируем оказаться в ситуации, когда военные действия будут разворачиваться в США» [цит. по: Печатнов, Маныкин, 2016: 292]. Британское командование размышляло в схожем ключе, особый акцент делая на нейтрализации военно-воздушной угрозы с Европейского континента. При обсуждении в 1944 г. потенциального военно-политического союза западноевропейских государств после войны и КНШ, и Форин Офис усматривали один из важных резонов подобной группировки именно в создании «глубины обороны» для самой Великобритании. «Немедленным преимуществом с военной точки зрения могут стать дополнительная глубина нашей обороны, расширение ресурсной базы, большая гибкость и наличие общего и заранее согласованного плана обороны вместе со странами Западной Европы», — подчеркивал британский МИД во внутренней переписке с военными в июне 1944 г.²² По мере нарастания «холодной войны» подобная логика лишь закреплялась в стратегии Великобритании. В программном меморандуме КНШ «Будущая политика обороны» (май 1947 г.) было отмечено, что на текущий момент отсутствовала «комбинация европейских держав, способная выстоять против России в сухопутной войне». Это не означало, однако, отказа военных от попыток создать искомую «глубину обороны»: «...любое время, которое мы можем выиграть для улучшения нашей оборонительной системы, настолько важно, что для формирования группы западноевропейских держав, способных как минимум замедлить продвижение врага через Европу, необходимо приложить все возможные усилия» [цит. по: Lewis, 2003: 374].

В рамках сталинской концепции, в которой стратегические факторы были неразрывно переплетены с политико-идеологическими, создание «пояса безопасности» из просоветских государств против потенциальной германской агрессии было важной долгосрочной задачей. Неоднократно упоминая вероятность новых реваншистских действий Германии, И.В. Сталин связывал их парирование с улучшением стратегического положения СССР за счет союзов с восточно- и центральноевропейскими государствами и важных территориальных изменений, таких как получение общей границы

²² COS (44) 113, Memo by Foreign Office, 23 June 1944 // TNA, CAB 80/44. F. 134.

с Чехословакией, расширение территории Польши на запад (что одновременно стало бы своего рода компенсацией за ее «усечение» на востоке), прикрытие юго-западного фланга с помощью болгаро-югославской федерации (хотя по поводу последней существовали некоторые сомнения)²³. Эту логику отчасти признавали и в Лондоне. Как отмечал Объединенный разведывательный комитет КНШ Великобритании в марте 1946 г., Советы «твердо нацелены на то, чтобы развитие возможностей России не было вновь потревожено враждебным нападением <...>. Они будут рассматривать в качестве важной задачи создание и консолидацию по границам России “пояса” государств-сателлитов во главе с правительствами, подчиняющимися их политике»²⁴.

Отмеченные тенденции в восприятии опыта Второй мировой войны как образца «тотального» и «глобального» вооруженного конфликта, требовавшего мобилизации ресурсов и милитаризации тыла, где-то более, где-то менее очевидно проявлялись в стратегическом планировании СССР, США и Великобритании. Эти процессы служили своего рода общими рамками при выстраивании стратегических прогнозов и оценок. При этом в стратегических сценариях нередко отражалась и специфика опыта каждой из держав, пережитого в ходе Второй мировой войны.

Американское военное планирование и «тень Оверлорда»

Англо-американское стратегическое и оперативное планирование оставалось приближено к сценариям Второй мировой. В оценках Вашингтона и Лондона как нацистская Германия, так и СССР представляли в качестве потенциальных континентальных гегемонов. Мобилизуя собственные и европейские ресурсы, обе страны могли в последующем «дотянуться» до отделенных морем американской и британской территорий и бросить глобальный вызов США и Великобритании. В условиях невозможности противостоять Советской армии на Европейском континенте (допущение, рассматривавшееся практически как аксиома до образования НАТО, а с некоторыми оговорками и позже) планирование развивалось по сценариям, напоминавшим стратегические дискуссии о путях освобождения Европы, оккупированной Германией.

²³ The Diary of Georgi Dimitrov. P. 358; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. Документы / Отв. ред. Т.А. Волокитина. М., 1999. С. 87.

²⁴ JIC (46) 1 (O) Final, Report by the Joint Intelligence Sub-Committee. March 1, 1946 // TNA, CAB 81/132.

Над американским планированием, образно говоря, нависала «тень Оверлорда». Начиная с плана «Пинчер» (июнь 1946 г.) — первого из широкомасштабных планов на случай войны с Советским Союзом, согласованного Объединенным комитетом военного планирования (ОКВП), — американские военные исходили из допущения, что Советская армия займет территорию Западной Европы и, вероятно, Ближнего Востока (хотя по поводу последнего существовали небольшие колебания). В разработке «Колдрон» (ноябрь 1946 г.) ОКВП предполагал, что СССР в силах организовать наступление сразу в западную Турцию (через Балканы силой 45 дивизий) и в ее восточную часть (через Кавказ силами 30 дивизий) с последующим выходом в Иран, Ирак, Палестину и в зону Суэцкого канала [Cohen, 2015: 20; Ross, 2013: ch. 2]. Американский комитет *ad hoc*, сформированный в 1948 г. (состоял из представителей ЦРУ, разведывательных подразделений Госдепартамента и видов вооруженных сил), должен был оценить, прибегнет ли Москва в течение текущего года к прямым военным действиям. В марте комитет пришел к выводу о том, что СССР способен завоевать Западную Европу и Ближний Восток до Каира «в короткий период времени» [цит. по: Cohen, 2015: 7]. В важной директиве Совета национальной безопасности (СНБ) 20/4 (ноябрь 1948 г.), составленной отделом планирования Госдепартамента во главе с Дж. Кеннаном и одобренной президентом Г. Трумэнном, было отмечено, что серьезная угроза со стороны СССР самим США и Западному полушарию в целом отсутствует. Сразу, однако, оговаривалась возможность Советского Союза занять за шесть месяцев «всю континентальную Европу и Ближний Восток до Каира, оккупировав одновременно важные сухопутные пункты на Дальнем Востоке», что грозило в дальнейшем серьезными проблемами и самим Соединенным Штатам²⁵.

На переговорах с британцами и канадцами в марте 1948 г., на которых обсуждался вопрос о возможном преобразовании недавно сформированного Западного союза (Великобритания, Франция, страны Бенилюкса) в Североатлантический договор, американская сторона демонстрировала готовность пересмотреть варианты эвакуации из Европы и участвовать в обороне по Рейну. Однако американские военные планировщики на деле продолжали строить свои

²⁵ Report by the National Security Council on U.S. Objectives with respect to the USSR to Counter Soviet Threats to U.S. Security [Enclosure to N[ational]S[ecurity]C[ouncil] 20/4. November 23, 1948] // Foreign Relations of the United States (FRUS). 1948. Vol. 1. General; The United Nations. Pt. 2. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1976. P. 665.

разработки на базе пессимистичного реализма и руководствовались стремлением сохранить «свободу рук». Американский военный план «Оффтэкл» (декабрь 1949 г.) предполагал использование против врага 292 атомных бомб (а также 17 610 тонн обычных) в первые 90 дней войны. В этой разработке, составленной уже после создания НАТО, более очевидно, чем ранее, акцентировались идея обороны по Рейну и намерение удержать Западную Европу, однако отсутствие в нем четко выделенных для подобных операций самолетов и атомных бомб говорило о подспудных сомнениях американских планировщиков в реалистичности подобной задачи. Десантные операции в Западной Европе в духе «Оверлорда» намечались лишь на первый или второй год после начала войны, но и тогда рассматривались как маловероятные. Схожий настрой, при котором идея обороны по Рейну скорее постулировалась, чем рассматривалась как нечто реальное, отразился и в натовском «Оборонительном плане на среднесрочный период» весны 1950 г. [Johnston, 2001: 96].

Суждения, высказывавшиеся во внутренних дискуссиях в 1949 г. председателем КНШ США генералом армии О. Брэдли (в 1944 г. командовал 1-й американской армией, участвовавшей в высадке в Нормандии, а затем 12-й армейской группой), хорошо фиксировали двойственность тогдашней американской стратегии. В июле О. Брэдли обрисовывал картину войны, напоминавшую сценарий Второй мировой. Не говоря напрямую о том, чтобы оставить территорию Западной Европы, он отмечал, что «основное ядро наличных наземных сил будет поставлено Европой», при этом США возьмут на себя главенствующую роль в стратегических бомбардировках противника и военно-морской блокаде. Однако в октябре во время переговоров с А. Теддером О. Брэдли уже был откровеннее и заявлял, что планировать новый «Оверлорд» с территории Британских островов против противника, вооруженного атомной бомбой, слишком рискованно. Американский военачальник полагал, что предпочтительнее вариант действий, основанный на бомбардировках с военно-воздушных баз в Северной Африке, а также на удержании линии обороны в континентальной Европе не по Рейну, а по Пиренеям [Орлов, 2000: 196]. В североафриканских планах О. Брэдли очевидно сказывалось влияние опыта англо-американской стратегии образца 1942–1943 гг. Оценки боеспособности самих западноевропейских стран, циркулировавшие в Пентагоне, оставались низкими. На слушаниях в Конгрессе в июле 1949 г. по вопросу ратификации Североатлантического договора О. Брэдли и министр обороны Л. Джонсон акцентировали необходимость скорейшей

военно-технической помощи европейским странам: ждать полного восстановления европейских производственных возможностей, по словам последнего, значило «снова пойти на риск “сделать слишком мало и слишком поздно”»²⁶.

Британское военное планирование и «тень Дюнкерка»

Развивая приведенную метафору, можно отметить, что над британским стратегическим планированием в свою очередь нависала «тень Дюнкерка». В начале 1947 г. на заседаниях КНШ начальник Генштаба британской армии фельдмаршал Б. Монтгомери соглашался с идеей о том, что в случае войны Великобритания должна полагаться прежде всего на «подавляющую военно-воздушную мощь». Однако он призывал не забывать, что для авиации нужны и наземные базы, и чем ближе они расположены к целям на территории противника или его союзников, тем лучше. По расчетам Б. Монтгомери, на Рейне, который предполагалось сделать линией обороны западных стран, на 14-й день после начала войны будут насчитываться 33 советские дивизии, через месяц — 73. Для их удержания на водном рубеже Б. Монтгомери считал необходимым иметь 23 дивизии на 14-й день и 48 — спустя месяц (30 из них должна была выставить Франция, сами британцы были готовы предоставить лишь 2). В своих разработках 1948 г. британский Штаб объединенного планирования продолжал подчеркивать роль Рейна как оборонительного рубежа и писал о возможности искусственного затопления северо-западной части Нидерландов, в том числе для прикрытия стратегически важного порта Антверпена [Cornish, 1996: 110–112]. Все же в марте 1949 г. Б. Монтгомери, уже занимая пост председателя Комитета главнокомандующих Постоянного совета обороны Западного союза, был вынужден признать, что в начале конфликта западные страны будут располагать лишь 10 дивизиями в Западной Европе и не смогут сдержать даже те 25 советских дивизий, которые размещались на востоке Германии и в Польше [Karber, Combs, 1998: 419].

Командование британских ВВС смотрело на ситуацию еще более пессимистично. Отчасти повторяя британские дискуссии 1940 г., на заседаниях КНШ в феврале 1947 г. глава Штаба ВВС маршал У. Диксон раскритиковал готовившийся договор о взаимопомощи с Францией. Он подчеркнул, что Великобритания должна опираться не на союзников на континенте, а на США — «краеугольный камень, на

²⁶ Synopsis — Summaries by James Rosenau: Synopsis A. The Adoption of the Military Assistance Program, July–October 1949 // Harry S. Truman Library, Acheson Papers, Princeton Seminars File, 1953–1970, Box 78.

котором основаны наша большая стратегия и планирование» [цит. по: Dockrill, 1990: 58]. В целом британские и американские планы того периода предполагали в случае войны эвакуацию войск из Западной Европы на Британские острова и продолжение боевых действий за счет стратегических бомбардировок СССР и подконтрольных ему территорий с баз в Великобритании, Средиземноморье и на Ближнем Востоке. «Франция и остальная Западная Европа должны были дожидаться освобождения до того, как англо-американцы будут готовы организовать новый “день Д”...» — отмечал британский историк М. Докрил [Dockrill, 1990: 58].

В этом отношении англо-французский договор о взаимопомощи (март 1947 г.), подписанный в Дюнкерке и призванный перечеркнуть тяжелые воспоминания 1940 г., на деле был примером своеобразной исторической иронии. У британцев не было сил и желания оказать Франции серьезную помощь на суше, да и вера британских властей после отставки Ш. де Голля в январе 1946 г. в то, что Французская Республика сама способна оказать сопротивление в случае войны, становилась все меньше [Greenwood, 1983]. В ноябре 1948 г. КНШ Великобритании продолжал исходить из того, что западноевропейские страны, даже наладив полноценное взаимодействие в оборонной сфере друг с другом, не смогут «оказать сопротивление русскому наступлению в Западной Европе» [цит. по: Cornish, 1996: 126].

Опыт Великой Отечественной войны и советское военное планирование

Влияние сценариев Великой Отечественной и Второй мировой войны было очевидным и в случае советского планирования. В приказе И.В. Сталина в качестве министра вооруженных сил «О боевой подготовке Вооруженных сил на 1947 учебный год» (декабрь 1946 г.) подчеркивалось: «В основу боевой подготовки положить дальнейшее изучение опыта Великой Отечественной войны, постоянное и правильное внедрение его в повседневную практику обучения»²⁷. Схожие принципы закладывались в основу не только обучения, но и военного планирования. Оперативный план действий Группы советских оккупационных войск в Германии, подготовленный в ноябре 1946 г., носил оборонительный характер и во многом исходил из базового сценария Великой Отечественной войны: отражение удара

²⁷ Приказ министра вооруженных сил Союза ССР № 086, 25 декабря 1946 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 477. Л. 58об.

противника за счет активных контрнаступательных действий²⁸. План мероприятий по оперативной подготовке на 1947 г., утвержденный И.В. Сталиным, предполагал отработку похожих сценариев. Так, командованию и штабам Белорусского, Московского и Приволжского военных округов вместе с рядом соединений Резерва Верховного главнокомандования, Дальней авиации, воздушно-десантным корпусом и Северо-Западным округом ПВО предписывалось отработать «контрудар по прорвавшейся крупной группировке противника с последующим переходом в решительное наступление...»²⁹.

Советские военные и дипломаты не исключали конфликта не только на западном театре военных действий (ТВД), но и на Дальнем Востоке. Эти соображения отражали опыт и уроки прошлого (японская угроза), но по-своему вписывались и в рамки идеи о «глобализации» войны против нового потенциального противника в лице США. Так, в записке от 27 сентября 1946 г. посол СССР в Вашингтоне Н.В. Новиков обрисовал сценарий эвентуальных военно-воздушных и военно-морских ударов США по советской территории с опорой на широкую сеть баз (в том числе по периметру советских границ). С точки зрения дипломата, реализация подобной стратегии предполагала предварительное наращивание американского сухопутного присутствия в Европе (с опорой на ремилитаризованную Западную Германию) и на Дальнем Востоке (при восстановлении военной мощи Японии)³⁰. В плане мероприятий советских вооруженных сил по оперативной подготовке на 1947 г. командованию и штабам сухопутных и военно-морских сил на Дальнем Востоке предписывалось отработать следующий сценарий: «Оборона Приморья, Северной Кореи и Порт-Артура во взаимодействии с Тихоокеанским флотом, с последующим переходом в решительное наступление»³¹. По устным свидетельствам ряда советских генералов, 14-я армия под командованием генерал-лейтенанта Н.Н. Олешева, с 1946–1947 гг. дислоцировавшаяся на Чукотке, рассматривалась как инструмент своего рода асимметричного удара по территории американской Аляски в случае атомных бомбардировок СССР³². Вместе с тем задачи 14-й армии вполне могли носить оборонительный характер, а ее состав и особенности внутренней организации (отсутствие танкосамоходного полка

²⁸ Опул. в: Военно-исторический журнал. 1989. № 2. С. 27–31.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 477. Л. 72об.

³⁰ Советско-американские отношения. 1945–1948 / Под ред. акад. Г.Н. Севостьянова; сост. В.В. Алдошин, Ю.В. Иванов, В.М. Семенов. М., 2004. С. 312–321.

³¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 477. Л. 72об.

³² Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 52; Военно-промышленный курьер. 2009. № 30 (296).

в дивизиях при наличии танкового батальона, отсутствие противотанкового артиллерийского дивизиона и др. [Феськов и др., 2013: 581]) не свидетельствовали о выраженных наступательных возможностях.

Повышенное внимание к начальной стадии конфликта. «Мюнхенский синдром»

Таким образом, несмотря на различие конкретных сценариев, разрабатывавшихся в руководстве держав бывшей «большой тройки», опыт прошедшей войны серьезно влиял на картину эвентуального конфликта в будущем, пусть при этом в качестве новых противников выступали бывшие союзники. Общей чертой оставалось и повышенное внимание к начальному этапу потенциальной войны. Руководство СССР и США к этому в немалой степени подталкивал болезненный опыт неожиданного удара — «Барбароссы» и Пёрл-Харбора соответственно. Так, в Соединенных Штатах не только глава Управления военных исследований и разработок физик В. Буш предупреждал Конгресс в начале 1945 г. об угрозе еще более разрушительных «пёрлхарборов» в будущем, но и КНШ в секретных документах июля того же года приходил к схожим выводам: «Любой потенциальный враг, учитывая уроки Первой и Второй мировых войн, не станет повторять их ошибок, давая нам время для мобилизации вооруженных сил и производственных ресурсов; США будут атакованы первыми» [цит. по: Печатнов, Маныкин, 2016: 290]. В свою очередь Москву «синдром 22 июня» [Наринский, 2010: 52] толкал не только к наращиванию «глубины обороны» в Европе, но и к поиску более эффективных мер по недопущению неожиданного нападения. План обороны СССР, разработанный в июле 1946 г. Главным оперативным управлением Генштаба, охватывал лишь западный ТВД как наиболее приоритетный и строился на попытке учесть уроки 1941 г.: «Фундаментальной основой плана являлся опыт минувшей войны и особенно ее начального периода, что предопределило упор не на пассивное прикрытие государственной границы, как это было накануне Великой Отечественной, а на решительные действия в случае угрозы с непременным упреждением акций противника ударами авиации» [Балуевский, 2003: 16].

Что касается Великобритании, то, несмотря на отличие ее опыта в годы Второй мировой от США и СССР, тезис о необходимости повышенного внимания к начальной стадии эвентуального конфликта закрепился и в британских военных кругах. В 1947 г. и Б. Монтгомери, и тогдашний глава Имперского оборонного колледжа (аналог советской Высшей военной академии, ныне — Военная академия Генерального штаба ВС РФ) генерал У. Слим, позднее сменивший

Б. Монтгомери на посту начальника Имперского Генштаба, стремились доказать своим коллегам: Великобритания должна избежать повторения ошибок начального этапа двух мировых войн, к которым она подошла со слабой армией. У. Слим убеждал КНШ в том, что в будущем конфликте, вероятно, «не будет времени для развития военного потенциала после начала боевых действий с применением атомного и би[ологического] оружия», а Б. Монтгомери считал, что стране необходима «национальная армия», имеющая высокий уровень боеготовности «с самого начала» [цит. по: French, 2012: 43–44].

В случае руководства США и Великобритании подобные суждения усиливались к тому же «мюнхенским синдромом» — тенденцией оценивать потенциальные действия СССР после 1945 г. по аналогии с политикой гитлеровской Германии во второй половине 1930-х годов, исходить из губительности тактики «умиротворения» и нежелательности уступок Москве со стороны западных держав [Печатнов, 2009: 119]. Подобный «синдром» увеличивал роль раннего предупреждения и разведывательных данных, а также склонял Вашингтон и Лондон к демонстрации максимальной жесткости и решимости, рассматривавшихся как антитеза «умиротворению». Уже в июне 1945 г. британский Штаб послевоенного планирования опасался, что «СССР может начать с боевых действий ограниченного характера путем быстрого захвата некоторых стратегически важных территорий, например нефтяных месторождений Ближнего Востока, считая, что мы скорее примем эту ситуацию, нежели ввергнем себя в полномасштабную мировую войну» [цит. по: Lewis, 2003: 171]. Действия западных стран в период Иранского и Турецкого кризисов 1945–1946 гг., а затем и Берлинского кризиса 1948–1949 гг. — первого крупного кризиса «холодной войны» в Европе — рассматривались как правильный сценарий противодействия СССР и недопущения «большой войны», пусть реального возникновения последней не ожидали на Западе вплоть до завершения восстановления Советского Союза (середина — вторая половина 1950-х годов) [Goodman, 2003: 136]. В феврале 1949 г. на фоне советских дипломатических демаршей в отношении Норвегии, направленных на то, чтобы отговорить ее от членства в будущей НАТО, поверенный в делах США в СССР Ф. Колер считал, что Кремль не предпримет каких-либо военных действий, ссылаясь на иранский пример 1946 г.: «Москва способна отступить, когда блеф не удался»³³.

³³ The Chargé in the Soviet Union (Kohler) to the Secretary of State (Acheson). February 7, 1949 // FRUS. 1949. Vol. 4. Western Europe. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1975. P. 65.

Уроки Второй мировой войны и реалии «ядерного века»

При всем значении опыта Второй мировой войны и его влиянии на стратегическое и оперативное планирование трех держав не грозило ли появление атомной бомбы полностью изменить прошлые реалии и «отменить» уроки недавнего конфликта? Идеи о революционной роли ядерного оружия имели своих сторонников среди экспертов и военных в США и Великобритании. Так, в официальном пресс-релизе Военного министерства США после испытания ядерной бомбы на полигоне Аламогордо в штате Нью-Мексико (16 июля 1945 г.) отмечалось «успешное вступление человечества в новый век — в атомный век». Саму бомбу характеризовали как «революционное оружие, которое неизбежно изменит облик войны по сравнению с тем, что мы знали ранее; она может даже стать инструментом, способным прекратить все войны...»³⁴. Военный помощник президента США адмирал У. Леги, ранее относившийся к перспективам атомного оружия с некоторым скепсисом, через два дня после бомбардировки Хиросимы записал в своем дневнике: «Смертоносные возможности такого атомного боя поистине пугающие...» [цит. по: Печатнов, 2006b: 558].

В британских властных кругах схожую позицию занимал влиятельный ученый Г. Тизард, возглавивший в мае 1945 г. специальный подкомитет (в структуре КНШ) для определения тенденций развития вооружений и методов ведения войны. В докладе подкомитета, подготовленном в июне, говорилось о том, что «если энергия атома может быть высвобождена в форме взрыва, то характер войны, размер и состав вооруженных сил, масштаб производства вооружений — все это подвергнется серьезным изменениям»³⁵. Обеспокоенность К. Эттли в связи с разрушительными возможностями атомной бомбы проявилась в его переписке с Г. Трумэном. 25 сентября 1945 г. британский премьер-министр направил президенту США тревожное послание, где писал о том, что «никогда ранее» не существовало оружия, которое могло бы «неожиданно и без предупреждения быть использовано для полного разрушения нервного центра великой державы», по всей видимости, имея в виду Лондон. К. Эттли считал, что «лишь смелые действия могут спасти цивилизацию», рассматривая

³⁴ Опубл. в: Smyth H.D. Atomic Energy for Military Purposes: The Official Report on the Development of the Atomic Bomb under the Auspices of the United States Government, 1940–1945. Washington, 1945. P. 247.

³⁵ COS (45) 402 (O), Report by Tizard Committee. June 16, 1945 // TNA, CAB 80/94. F. 396.

в подобном качестве проект интернационализации атомной энергии под эгидой ООН [Baylis, Stoddart, 2012: 336].

Позиция Москвы в отношении атомной бомбы оставалась двойственной: острое понимание необходимости скорейшего создания собственного ядерного оружия соседствовало с демонстрацией внешнего бесстрашия и спокойствия. Еще до бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, на фоне поступавшей информации о «Манхэттенском проекте», было заметно стремление советского руководства ускорить работу над собственным ядерным оружием. Это стремление проявилось, например, в проекте постановления Государственного комитета обороны (ГКО), подготовленном 10 июля 1944 г. наркомом химической промышленности М.Г. Первухиным и физиком И.В. Курчатовым — своего рода «научным руководителем» атомного проекта СССР. В документе не только предусматривалось форсирование поиска новых урановых месторождений для получения в течение 1945 г. 60 тонн урана, но указывались и конкретные сроки (впоследствии снятые, но по-своему показательные) — разработка конструкции авиационной атомной бомбы к 1 сентября 1945 г.³⁶ Все же бомбардировки Хиросимы и Нагасаки произвели на советское руководство серьезное впечатление и стимулировали ускорение атомного проекта, сделав его приоритетным. Постановление ГКО от 20 августа 1945 г. о создании Специального комитета во главе с Л.П. Берией запустило развитие советского атомного проекта новыми темпами и в новых масштабах.

О стремлении к скорейшему созданию собственного ядерного оружия и ощущении рисков, вытекавших из его отсутствия у СССР, говорили колоссальные затраты на советский атомный проект, осуществлявшийся к тому же параллельно с восстановлением страны после разрушительной войны. Стоимость советского атомного проекта оценивается исследователями в 14,5 млрд руб.: в связи со спецификой советской финансовой системы эта сумма, по всей видимости, превосходила затраты на «Манхэттенский проект» (около 2 млрд долл.) не только в относительном (к ВВП страны), но и в абсолютном масштабе [Симонов, 1996: 242; Zubok, 1999: 45]. Согласно устным свидетельствам, циркулировавшим в окружении И.В. Курчатова, И.В. Сталин во время вручения государственных наград участникам атомного проекта осенью 1949 г. подчеркивал: «Если бы мы опоздали на год-полтора с атомной бомбой, то, наверное, опробовали бы ее на себе» [цит. по: Мальков, 2016: 22].

³⁶ Атомный проект СССР: Документы и материалы / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. 1. Ч. 2. М., 2002. С. 95.

Вместе с тем вовне И.В. Сталин и советская дипломатия транслировали образ максимального спокойствия и отсутствия какой-либо нервозности по поводу американской атомной монополии, декларативно занижая значение нового оружия. Во время беседы с послом США А. Гарриманом 8 августа 1945 г. «хозяин Кремля», с одной стороны, отмечал, что ядерное оружие может означать «конец войне и агрессорам», с другой стороны, не высказывал идеи о решающей роли атомных бомбардировок Японии в завершении глобального конфликта. Спокойным тоном И.В. Сталин извещал А. Гарримана о советских и германских работах в ядерной сфере и подчеркивал, что ни те, ни другие не привели к конкретным результатам [Roberts, 2006: 360]. Невозмутимый и почти бравурный тон В.М. Молотова во время Лондонской сессии Совета министров иностранных дел пяти стран в сентябре 1945 г., когда он поднимал тост «за атомную бомбу», добавляя, что «у нас она есть» [цит. по: Холловэй, 1997: 211], соотносился и с речью наркома 6 ноября 1945 г. в связи с очередной годовщиной Октябрьской революции: «Будет у нас и атомная энергия, и многое другое»³⁷. Подобное спокойствие советской стороны помимо причин стратегического (превосходство Красной армии), дипломатического и психологического характера (нежелание демонстрировать обеспокоенность, на которой могли сыграть западные страны) отчасти коррелировало и с поступавшими в Москву разведанными. По информации, переданной немецко-британским физиком К. Фуксом в сентябре 1945 г., США на тот момент производили в месяц 100 кг урана-235 и 20 кг плутония: «...цифры давали возможность советским ученым определить, сколько атомных бомб Соединенные Штаты могли производить в год»³⁸. Вместе с тем в получаемых советским руководством разведанных американские атомные возможности подчас были завышены: 30 атомных бомб, о наличии которых у американцев Народный комиссариат государственной безопасности докладывал уже в августе 1945 г.³⁹, на деле появились только к 1948 г.

Атомная бомба и стратегические реалии

Второй мировой войны: новизна и преемственность

В целом, несмотря на все бытовавшие идеи о революционном значении атомной бомбы, они не отражали реальной стратегической ситуации в 1945–1949 гг. Ядерный фактор не перечеркивал прошлые

³⁷ Опубл. в: Известия. 07.11.1945.

³⁸ Феклисов А. За океаном и на острове: Записки разведчика. М., 2001. С. 156.

³⁹ Атомный проект СССР. Т. 1. Ч. 2. С. 366.

суждения, а скорее накладывался, «наслаивался» на концепции, вытекавшие из характера общего «баланса сил», геополитического положения государств, уроков Второй мировой войны и реальных технических ограничений.

Так, роль атомной бомбы как своеобразного «чудо-оружия» снижалась ввиду самого тотального характера войны, из которого продолжали исходить в Москве, Вашингтоне и Лондоне. Результат подобного конфликта будет определен, как считалось, не отдельными видами вооружения, а совокупным потенциалом противоборствующих коалиций. При всем внимании к атомной бомбе И.В. Сталин воспринимал ее как важный, но все же элемент общего «баланса сил»; это был один из факторов, но не универсальный рецепт победы в «тотальной войне». В резком развороте сталинской политики в Корею — от «рекомендации» Ким Ир Сёну воздержаться от нападения на Южную Корею в сентябре 1949 г. до готовности оказать помощь в этом шаге, выраженной в январе 1950 г., — победа Китайской революции, «очевидно, была более важной, чем [создание. — И.М.] советской атомной бомбы» [Holloway, 2010: 380]. В октябре 1950 г., в разгар войны в Корее и подготовки выступления китайских «добровольцев», И.В. Сталин в телеграмме Мао Цзэду не исключал начала «большой войны» англо-американской коалиции против советско-китайской. Хотя недавнее появление у СССР ядерного оружия могло оставаться «между строк», советский руководитель анализировал перспективы эвентуальной войны в классических понятиях «баланса сил». Особое внимание он обращал на фактор поверженных во Второй мировой войне противников. Призывая Пекин не бояться масштабного конфликта, «хозяин Кремля» аргументировал это так: «...мы вместе будем сильнее, чем США и Англия, а другие капиталистические европейские государства без Германии, которая не может оказать США какой-либо помощи, не представляют серьезной военной силы. Если война неизбежна, то пусть она будет теперь, а не через несколько лет, когда японский милитаризм будет восстановлен как союзник США и когда у США и Японии будет готовый плацдарм на континенте в виде лисынмановской Кореи» [цит. по: Торкунов, 2000: 116–117].

Вновь начавшая увеличиваться сухопутная мощь Советского Союза, по всей видимости, рассматривалась как достойный противовес превосходству США в воздухе и большему количеству атомных бомб у Вашингтона. Численность советских вооруженных сил, резко сокращенная с 11,365 млн человек к концу войны до 2,874 млн к 1948 г., затем возрастала: сначала умеренными (к 1950 г. насчитывалось

не менее 3 млн военнослужащих), а затем ускоренными темпами (в 1953 г. — около 5,4 млн). В 1952 г. в разговоре с главой Итальянской социалистической партии П. Ненни И.В. Сталин отмечал, что военно-техническая мощь США (сильная авиация вкупе с атомной бомбой) в немалой степени нивелируется сложностями мобилизации сильной сухопутной армии: «Для Америки недостаточно разрушить Москву, так же, как для нас недостаточно разрушить Нью-Йорк» [цит. по: Холловэй, 1997: 320]. Согласно оценке историка В.М. Зубока, И.В. Сталин «по преимуществу остался государственным деятелем, исходившим из допущений и опыта дядькиной эпохи. Для него появление атомной бомбы сделало возможную будущую войну более ужасающей, но не менее вероятной» [Zubok, 1999: 59–60].

Атомная бомба не могла моментально изменить и те реалии стратегического планирования, которые вытекали из геополитического положения держав. Рецепция ядерного фактора в немалой степени была обусловлена последним. Как отмечал фельдмаршал А. Брук в апреле 1946 г., «базовые принципы нашей стратегии <...> не будут радикально изменены ввиду нового развития методов или орудий ведения войны»⁴⁰.

В рассматриваемый период ядерный фактор был в наибольшей степени интегрирован в американскую стратегию. Безусловно, это было связано со сроками создания атомной бомбы, но этот процесс был усилен и другим обстоятельством: растущим акцентом, который в Вашингтоне делали на роли авиации. Атомное оружие в тогдашних реалиях — это прежде всего авиационная бомба невиданной доселе мощи, и было логично, что его роль представляла повышенной в планировании именно той державы, которая делала ставку на стратегические бомбардировки с воздуха. В среде офицеров ВВС США идеи о революционной роли атомной бомбы пользовались намного большей популярностью, чем в армии или флоте. В сентябре 1946 г., критикуя допущения плана «Пинчер», влиятельный аналитик ВВС полковник Э.Р. Людеке писал одному из своих коллег о том, что «старое мышление в духе Второй мировой войны возвращается, и, как результат, мощь авиации рассматривается лишь как придаток сухопутных и военно-морских сил» [цит. по: Greenwood, 1979: 226].

Уже в августе–сентябре 1945 г. Штаб ВВС США, позиционируя СССР как вероятного противника, разрабатывал планы бомбардировки ключевых советских городов с использованием атомного оружия. 15 сентября заместитель начальника Штаба ВВС генерал-майор

⁴⁰ DO (46) 47, Report by the Chiefs of Staff. April 2, 1946 // TNA, CAB 131/2. F. 244.

Л. Норстэд, исходя из того, что на протяжении ближайших 10 лет именно США и Советский Союз будут «крупнейшими военными державами», представил список из 66 советских городов, уничтожение которых атомными бомбардировками (466 зарядов) могло лишить СССР, с точки зрения генерала, потенциала для ведения войны. В целях экономии сил Л. Норстэд предлагал «ограничиться» 15 важнейшими советскими центрами (39 бомб). Он подчеркивал ожидаемый масштаб урона в результате подобного авианалета (более 10 млн человеческих жертв, разрушение 600 км² территории), полагая, что успешное применение атомного оружия «погрузит [любой. — И.М.] современный город в хаос» [цит. по: Ham, 2014: 489]. Подобные представления о своего рода «воздушно-атомном блицкриге» сосуществовали, а во многом и конкурировали с идеями «тотальной войны». Ставка на сокрушительные удары с воздуха была ключевым компонентом в тех размышлениях американского руководства относительно возможности нанести превентивные удары по СССР в период до появления советской атомной бомбы [Buhite, Hamel, 1990; см. также: Alperovitz, 1967].

В плане «Хафмун» (май 1948 г.), в отличие от предшественников, официально одобренном КНШ, акцент вновь был сделан на «мощное военно-воздушное наступление». Его цель — задействовать «разрушительную и психологическую силу атомного оружия против жизненно важных элементов советского потенциала по ведению войны». В плане «Хэрроу», своего рода военно-воздушном приложении к плану «Хафмун», была детализирована карта бомбардировок 20 советских городов с помощью 50 атомных бомб (всего наличного арсенала) для уничтожения как минимум 50% советской промышленности. В плане «Троян» (январь 1949 г.), развивавшем идеи «Хафмуна» и «Хэрроу», список целей был расширен до 70 советских городов, на которые планировалось сбросить 133 атомные бомбы. Ключевые города СССР рассматривались как приоритетная цель, за которой по степени значимости следовали нефтеперерабатывающие заводы, гидроэнергетическая и транспортная инфраструктура [Condit, 1979: 288–294]. Акцентом на готовности использовать атомное оружие в случае войны была проникнута и директива СНБ-30 (сентябрь 1948 г.), остававшаяся «вплоть до 1959 г. единственным документом по общим вопросам политики США в сфере атомной войны, одобренным президентом» [Rosenberg, 1983: 13].

И все же американская атомная монополия отнюдь не могла решить всех стратегических проблем западных стран в условиях потенциальной войны с Советским Союзом. Планирование обороны

по Рейну упиралось в слабость сухопутных сил в Старом Свете, при этом потеря Западной Европы рассматривалась как неприемлемый и пагубный в перспективе вариант непосредственно для США. Как отмечалось в директиве СНБ 20/4, закрепление советского контроля над всем континентом позволит СССР создать «недопустимую угрозу безопасности Соединенных Штатов»⁴¹. Атомная монополия США, таким образом, была асимметрично сбалансирована советским конвенциональным превосходством.

Ограниченность возможностей ядерного оружия осознавали и ряд аналитиков в Пентагоне. В июне 1946 г., суммируя одну из разработок Штаба ВВС, начальник его Оперативного управления генерал Э. Партридж отмечал: гипотеза о быстром «моральном коллапсе» противника в результате атомных бомбардировок его крупнейших городов не доказана, даже если вывести за скобки эффект от советских ударов по военному потенциалу самих США [Rosenberg, 1979: 65]. Схожие идеи на более высоком в административном отношении уровне были сформулированы в комитете под председательством генерал-лейтенанта ВВС Г. Хармона. Этот комитет был сформирован КНШ весной 1949 г. для оценки потенциальных результатов атомных бомбардировок СССР. Итоговый доклад, подготовленный в мае, отличался амбивалентностью. В нем отмечалась роль ядерного оружия как «единственного средства нанесения быстрого удара и серьезного ущерба ключевым элементам советского военного потенциала»; говорилось о возможности уничтожить подобным образом 30–40% промышленных мощностей СССР, убить в результате первой волны атомных бомбардировок 2,7 млн человек, спровоцировать 4 млн последующих потерь и «колоссально осложнить» жизнь еще 28 млн людей. Вместе с тем вывод «доклада Хармона», расцененный как слишком пессимистичный тогдашним начальником Штаба ВВС генералом Х. Ванденбергом, заключался в том, что «атомное оружие само по себе не приведет к капитуляции, разрушению основ коммунизма или критическому ослаблению контроля советского руководства над своим народом»⁴².

Характеризуя относительное, а не абсолютное значение ядерного фактора для стратегических реалий 1945–1949 гг., важно отметить, что имевшееся тогда у США количество атомных бомб оставалось

⁴¹ Report by the National Security Council on U.S. Objectives with respect to the USSR to Counter Soviet Threats to U.S. Security [Enclosure to N[ational]S[ecurity]C[ouncil] 20/4. November 23, 1948] // FRUS. 1948. Vol. 1. General; The United Nations. Pt. 2. P. 665.

⁴² Опубл. в: Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950 / Ed. by Th.H. Etzold, J.L. Gaddis. New York, 1978. P. 360–364.

сравнительно небольшим, а средства доставки ядерных боеприпасов — ограниченными. Из последующей «ядерной триады» в наличии имелись (с некоторыми оговорками, о которых будет сказано далее) только стратегические бомбардировщики. Количество атомных боезарядов в американском арсенале непрерывно росло (с 2 ед. в 1945 г. до 50 ед. в 1948 г.), однако оно было недостаточным даже по расчетам Стратегического авиационного командования (в структуре ВВС США). Лишь острые кризисы ранней «холодной войны» (Берлинский кризис и особенно война в Корее) резко ускорили производство атомных бомб в США: до 170 ед. к 1949 г. и до 1169 ед. к 1953 г.⁴³

Важно подчеркнуть, что при таком лидерстве США в этой сфере даже их ВВС не были способны нанести тот «нокаутирующий» атомный удар, о котором размышляли некоторые военные планировщики. Боинг Б-29 с эффективным радиусом действия в районе 5300–6000 км (расстояние от Нью-Йорка до Москвы или от Сан-Франциско до Хабаровска превышали 7500 км) не был полноценным стратегическим бомбардировщиком. Это обстоятельство усиливало потребность Пентагона в использовании баз, находившихся в относительной близости к СССР (в том числе на Британских островах). Более того, количество Б-29, переоборудованных под атомную бомбу, было небольшим: на январь 1946 г. их насчитывалось 27 (по другим данным, даже меньше), причем все они были сгруппированы в 509-ю бомбардировочную группу, дислоцированную в Нью-Мексико [Rosenberg, 1982: 28]. Даже появление бомбардировщиков Б-50 (улучшенная версия Б-29 с радиусом действия около 10 тыс. км) и Б-36 (16 000 км, оставался достаточно проблемным в эксплуатации), поступавших в ВВС с 1948–1949 гг., не решало проблем полностью как ввиду потенциального противодействия средств ПВО, так и по причине малочисленности новых моделей (на начало 1949 г. насчитывалось 38 Б-50 и 17 Б-36). Угроза сокрушительного ядерного удара с воздуха даже со стороны США оставалась во второй половине 1940-х годов «пустотелой» [Borowski, 1982].

* * *

Таким образом, как и сами уроки Второй мировой войны, так и восприятие их руководством СССР, США и Великобритании в менявшихся стратегических реалиях 1945–1949 гг. оставались неоднозначными. Несмотря на различия социально-политического устройства и геополитического положения трех стран, в оценках

⁴³ Estimated U.S. and Soviet/Russian Nuclear Stockpiles, 1945–94 // The Bulletin of the Atomic Scientists. 1994. Vol. 50. No. 6. P. 59.

общих стратегических трендов, усиленных или заданных Второй мировой войной, были важные общие черты. Прошедший конфликт, представавший прототипом эвентуальной «большой войны» в будущем, рассматривался как образец «тотальной войны» практически глобального масштаба. Она требовала мобилизации человеческих ресурсов и промышленности враждующих коалиций и тщательной подготовки к противостоянию, что размывало грань между «мирным» и «военным» временем. Реальное стратегическое планирование СССР, США и Великобритании находилось под серьезным влиянием сценариев Второй мировой войны. В Москве готовились к отражению агрессии на западных рубежах, желая не допустить ошибок периода «Барбароссы». В Вашингтоне признавали конвенциональное превосходство Советского Союза в Старом Свете, не исключая того, что Советская армия займет Западную Европу, которая лишь затем будет отвоевана американцами и их союзниками в духе операции «Оверлорд». В Лондоне шансы на оборону по Рейну рассматривали как слабые, а базовый сценарий строили на эвакуации войск на Британские острова («тень Дюнкерка») и на масштабных стратегических бомбардировках национальной территории СССР и подконтрольных ему стран. Даже ядерный фактор, вносящий очевидную новизну в стратегическую ситуацию послевоенного периода, играл пока меньшую роль, чем на дальнейших этапах «холодной войны». В дальнейшем развитие ядерных арсеналов и формирование системы взаимного стратегического сдерживания внесло серьезные коррективы в стратегическое планирование, однако целый ряд уроков конфликта 1939–1945 гг. сказывались и значительно позже, проявляясь в развитии военно-промышленных комплексов, милитаризации гражданской жизни, усилении специальных служб. Во многом тень Второй мировой войны лежала на всей второй половине XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балуетский Ю.Н. Деятельность Генерального штаба в первые послевоенные годы (1946–1953 гг.) // Военно-исторический журнал. 2003. № 1. С. 14–19.
2. Батюк В.И., Евстафьев Д.Г. Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945–1950 гг. М.: Российский научный фонд, 1995.
3. Быстрова Н.Е. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955 гг.). М.: Кучково поле, 2007.
4. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. Т. 12 / Ред. комиссия: С.К. Шойгу и др. М.: Кучково поле, 2015.

5. Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. / Отв. ред. В.Т. Юнгблуд. Киров: Вятский государственный гуманитарный университет, 2014.

6. Дундуков М.Ю. «Вам придется начинать с нуля. У нас нет разведывательной службы»: разведка США накануне и в годы Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. 2014. № 3. С. 41–45.

7. Егорова Н.И. История холодной войны, 1945–1991 гг. / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020.

8. Магадеев И.Э. Уроки Второй мировой войны, «баланс сил» и стратегическое планирование Великобритании (1944–1945 годы) // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 59–78.

9. Мальков В.Л. Атомное оружие — детонатор холодной войны. Две проекции // Россия XXI. 2016. № 6. С. 6–37.

10. Мальков В.Л. «Манхэттенский проект». Разведка и дипломатия. М.: Наука, 1995.

11. Маныкин А.С. От сотрудничества к конфликтному взаимодействию: трансформация американских подходов по отношению к СССР в 1945–1947 гг. // Преподавание истории и обществознания в школе. 2018. № 4. С. 19–29.

12. Мягков М.Ю., Ржешевский О.А. Упущенный шанс: англо-франко-советские переговоры летом 1939 г. и советско-германский пакт от 23 августа 1939 г. // Вестник МГИМО-Университета. 2009. Спец. выпуск. С. 177–184.

13. Наринский М.М. Советское руководство и проблема границ и сферы влияния СССР в 1941–1946 гг. // 65 лет Великой Победы / Под ред. А.В. Торкунова, С.Е. Нарышкина: В 6 т. Т. 3. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 52–61.

14. Орлов А.С. Тайная битва сверхдержав. М.: Вече, 2000.

15. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014.

16. Печатнов В.О. От союза — к холодной войне: советско-американские отношения в 1945–1947 гг. М.: МГИМО-Университет, 2006.

17. Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М.: Terra-Книжный клуб, 2006.

18. Печатнов В.О. Уроки Второй мировой войны в военно-политическом планировании США и СССР на послевоенный период // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2009. № 1. С. 116–133.

19. Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Т. 1–2. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015.

20. Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США. М.: Международные отношения, 2016.

21. Симонов Н.В. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996.

22. Торкунов А.В. Загадочная война: Корейский конфликт 1950–1953 годов. М.: РОССПЭН, 2000.
23. Феськов В.И., Голиков В.И., Калашников К.А., Слугин С.А. Вооруженные Силы СССР после Второй мировой войны: от Красной армии к Советской. Ч. 1. Сухопутные войска. Томск: НТЛ, 2013.
24. Холловэй Д. Сталин и бомба: Советский Союз и атомная энергия. 1939–1956. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.
25. Холодная война: В 2 т. / Под ред. В.А. Золотарёва. Т. 1. М: Институт экономических стратегий, 2014.
26. Alperovitz G. Atomic diplomacy: Hiroshima and Potsdam. New York: Vintage Books, 1967.
27. Aronsen L. Seeing red: U.S. air force assessments of the Soviet Union, 1945–1949 // *Intelligence and National Security*. 2001. Vol. 16. No. 2. P. 103–132. DOI: 10.1080/714002887.
28. Baylis J., Stoddart K. The British nuclear experience: The role of ideas and beliefs (Part 1) // *Diplomacy & Statecraft*. 2012. Vol. 23. No. 2. P. 331–346. DOI: 10.1080/09592296.2012.679488.
29. Betts R. Nuclear blackmail and nuclear balance. Washington, D.C.: The Brookings Institution, 1987.
30. Black J. The age of total war, 1860–1945. Lanham: Rowman & Littlefield, 2010.
31. Borowski H.R. A hollow threat: Strategic air power and containment before Korea. Westport: Greenwood, 1982.
32. Buhite R.D., Hamel Ch. War for peace: The question of American preventive war against the Soviet Union, 1945–1955 // *Diplomatic History*. 1990. Vol. 14. No. 3. P. 367–384.
33. Carley M.J. Fiasco: The Anglo-Franco-Soviet alliance that never was and the unpublished British white paper, 1939–1940 // *The International History Review*. 2019. Vol. 41. No. 4. P. 701–728. DOI: 10.1080/07075332.2018.1458043.
34. Chickering R., Förster S. Are we there yet? World War II and the theory of total war // *A world at total war: Global conflict and the politics of destruction, 1937–1945* / Ed. by R. Chickering, S. Förster, B. Greiner. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 1–16.
35. Cohen M.J. Fighting World War Three from the Middle East: Allied contingency plans, 1945–1954. 2nd ed. London: Routledge, 2015.
36. Condit K.W. The history of the joint chiefs of staff. Vol. 2. Wilmington: M. Glazier, 1979.
37. Copeland D.C. Neorealism and the myth of bipolar stability: Toward a new dynamic realist theory of major war // *Security Studies*. 1996. Vol. 5. No. 3. P. 29–89. DOI: 10.1080/09636419608429276.
38. Cornish P. British military planning for the defence of Germany, 1945–50. London: Palgrave Macmillan, 1996.
39. Dockrill M. British attitudes towards France as a military ally // *Diplomacy & Statecraft*. 1990. Vol. 1. No. 1. P. 49–70. DOI: 10.1080/09592299008405782.

40. Edgerton D. *Warfare state: Britain, 1920–1970*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
41. French D. *Army, empire, and Cold War: The British army and military policy, 1945–1971*. Oxford: Oxford University Press, 2012.
42. Goodman M. British intelligence and the Soviet atomic bomb, 1945–50 // *Journal of Strategic Studies*. 2003. Vol. 26. No. 2. P. 120–151. DOI: 10.1080/01402390412331303005.
43. Greenwood J.T. The emergence of the postwar strategic air force, 1945–1953 // *Air power and warfare* / Ed. by A.F. Hurley, R.C. Ehrhart. Washington, D.C.: Air Force Academy, 1979. P. 215–244.
44. Greenwood S. Return to Dunkirk: The origins of the Anglo-French treaty of March 1947 // *Journal of Strategic Studies*. 1983. Vol. 6. No. 4. P. 49–65. DOI: 10.1080/01402398308437167.
45. Ham P. *Hiroshima. Nagasaki: The real story of the atomic bombings and their aftermath*. New York: St. Martin's Press, 2014.
46. Herken G. *The winning weapon: The atomic bomb in the Cold War, 1945–1950*. New York: Alfred A. Knopf, 1980. DOI: 10.1086/ahr/87.1.284-a.
47. Hilsman R. On NATO strategy // *Alliance policy in the Cold War* / Ed. by A. Wolfers. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1959. P. 149–183.
48. Holloway D. Nuclear weapons and the escalation of the Cold War, 1945–1962 // *The Cambridge history of the Cold War*. Vol. 1 / Ed. by O.A. Westad, M. Leffler. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 376–397.
49. Johnston A.M. The construction of NATO's medium term defence plan and the diplomacy of conventional strategy, 1949–50 // *Diplomacy & Statecraft*. 2001. Vol. 12. No. 2. P. 79–124. DOI: 10.1080/09592290108406204.
50. Karber Ph.A., Combs J.A. The United States, NATO, and the Soviet threat to Western Europe: Military estimates and policy options, 1945–1963 // *Diplomatic History*. 1998. Vol. 22. No. 3. P. 399–429.
51. Kimball W.F. The incredible shrinking war: The Second World War, not (just) the origins of the Cold War // *Diplomatic History*. 2001. Vol. 25. No. 3. P. 347–365.
52. Leffler M.P. *Safeguarding democratic capitalism: U.S. foreign policy and national security, 1920–2015*. Princeton: Princeton University Press, 2017.
53. Lewis J. *Changing direction: British military planning for post-war strategic defence, 1942–1947*. 2nd ed. London: Frank Cass, 2003.
54. Marks S. *The illusion of peace: International relations in Europe, 1918–1933*. 2nd ed. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003.
55. Porter P. Beyond the American century: Walter Lippmann and American grand strategy, 1943–1950 // *Diplomacy & Statecraft*. 2011. Vol. 22. No. 4. P. 557–577. DOI: 10.1080/09592296.2011.625803.
56. Reynolds D. The 'Big three' and the division of Europe, 1945–48: An overview // *Diplomacy & Statecraft*. 1990. Vol. 1. No. 2. P. 111–136. DOI: 10.1080/09592299008405788.
57. Reynolds D. *From World War to Cold War: Churchill, Roosevelt, and the international history of the 1940s*. Oxford: Oxford University Press, 2006.

58. Reynolds D. Great Britain and the security 'lessons' of the Second World War // *The quest for stability: Problems of West European security, 1918–1957* / Ed. by R. Ahmann, A.M. Birke, M. Howard. Oxford: Oxford University Press, 1993. P. 299–325.
59. Roberts G. *Stalin's wars: From World War to Cold War, 1939–1953*. New Haven: Yale University Press, 2006.
60. Rosenberg D.A. American atomic strategy and the hydrogen bomb decision // *The Journal of American History*. 1979. Vol. 66. No. 1. P. 62–87.
61. Rosenberg D.A. The origins of overkill: Nuclear weapons and American strategy, 1945–1960 // *International Security*. 1983. Vol. 7. No. 4. P. 3–71. DOI: 10.2307/2626731.
62. Rosenberg D.A. U.S. nuclear stockpile, 1945 to 1950 // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 1982. Vol. 38. No. 5. P. 25–30. DOI: 10.1080/00963402.1982.11455736.
63. Ross S.T. *American war plans 1945–1950*. 3rd ed. New York: Routledge, 2013.
64. Segesser D.M. Controversy: Total war // *International encyclopedia of the First World War*. 2014. Available at: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/controversy_total_war (accessed: 22.02.2020).
65. Sherry M.S. *In the shadow of war: The United States since the 1930s*. New Haven: Yale University Press, 1995.
66. Sherry M.S. *Preparing for the next war: American plans for postwar defense, 1941–45*. New Haven: Yale University Press, 1977.
67. Zubok V.M. Stalin and the nuclear age // *Cold War statesmen confront the bomb: Nuclear diplomacy since 1945* / Ed. by J.L. Gaddis et al. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 39–61.

I.E. Magadeev

LESSONS OF WORLD WAR II AND STRATEGIC PLANNING OF THE BIG THREE (1945–1949)

*Moscow State Institute of International Relations (University)
76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454*

The paper examines how military and political leaders of the Soviet Union, the United States and Great Britain assessed in the first post-war years and in the face of emerging bipolar world order the lessons of World War II, how the latter influenced their strategic planning and forecasts with the emergence of nuclear weapons. The author outlines the key features of this period (1945–1949), including still fresh memories of the unprecedented destruction and losses of the past war, the US 'nuclear monopoly', and the absence of a system for nuclear deterrence. The paper provides a systematic comparison of lessons from the past war, learnt by the Soviet, the US and British establishment, identifies similarities and differences between them.

The author concludes that WWII was perceived by the political and military leaders of that time as a model of the eventual 'great war' in the future, which almost certainly would be 'total' and 'global' in scope and would demand both thorough preparations during the peacetime and the militarization of civil life. Indeed, the experience of WWII had greatly influenced the strategic and operational planning in the USSR, the USA and Great Britain in 1945–1949. Moscow prepared to face the potential aggression on its Western borders or in the Far East in order to avoid the mistakes of 1941. In Washington the decision-makers acknowledged the Soviet superiority in conventional weapons and didn't exclude the possibility that the Soviet Army could quickly establish control over the Western Europe and that the US military would have to retake it in a 'new Operation Overlord'. The pessimistic outlook of the 'defense of the Rhine' was also shared in London, and the British military planned to evacuate the troops to the British Isles ('shadow of Dunkirk') and to focus on strategic bombing of the USSR and its allies. Even the appearance of nuclear weapons, that would dramatically alter the strategic context in the following years, played a relatively minor role in 1945–1949. The author concludes that the shadow of World War II and its lessons had a long-lasting effect on the post-war international relations.

Keywords: World War II, the Soviet Union, the United States, Great Britain, strategic planning, lessons of war, military strategy, the Cold War, total war, nuclear deterrence.

About the author: *Iskander E. Magadeev* — PhD (History), Associate Professor at the Department of European and American Studies, School of International Relations, MGIMO University (e-mail: iskander2017@yandex.ru).

REFERENCES

1. Baluevskii Yu.N. 2003. Deyatel'nost' General'nogo shtaba v pervye poslevoennye gody (1946–1953 gg.) [General staff in the first post-war years (1946–1953)]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, no. 1, pp. 14–19. (In Russ.)
2. Batyuk V.I., Evstaf'ev D.G. 1995. *Pervye zamorozki. Sovetsko-amerikanskіe otnosheniya v 1945–1950 gg.* [The early frosts: Soviet-American relations in 1945–1950]. Moscow, Rossiiskii nauchnyi fond Publ. (In Russ.)
3. Bystrova N.E. 2007. *SSSR i formirovanіe voenno-blokovogo protivostoyaniya v Evrope (1945–1955 gg.)* [The USSR and the formation of military alliances and their antagonism in Europe (1945–1955)]. Moscow, Kuchkovo pole Publ. (In Russ.)
4. Shoigu S.K. (ed.). 2015. *Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 godov* [The Great Patriotic War, 1941–1945]. In 12 vols. Vol. 12. Moscow, Kuchkovo pole Publ. (In Russ.)
5. Yungblyud V.T. (ed.). 2014. *Vstrechnymi kursami: politika SSSR i SShA na Balkanakh, Blizhnem i Srednem Vostoke v 1939–1947 gg.* [Collision course:

The policy of the USSR and the USA in the Balkans, the Near East and Middle East in 1939–1947]. Kirov, Vyatskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet Publ. (In Russ.)

6. Dundukov M.Yu. 2014. ‘Vam pridetsya nachinat’ s nulya. U nas net razvedyvatel’noi sluzhby’: razvedka SShA nakanune i v gody Vtoroi mirovoi voyny [‘You’ll have to start from scratch. We have no intelligence service’: The U.S. intelligence services on the eve and during the Second World War]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, no. 3, pp. 41–45. (In Russ.)

7. Egorova N.I. 2020. *Istoriya kholodnoi voyny, 1945–1991 gg.* [History of the Cold War, 1945–1991]. 2nd ed. Moscow, Izdatel’stvo Yurait Publ. (In Russ.)

8. Magadeev I.E. 2016. Uroki Vtoroi mirovoi voyny, ‘balans sil’ i strategicheskoe planirovanie Velikobritanii (1944–1945 gody) [Lessons of the Second World War, ‘balance of power’ and the strategic planning of Great Britain (1944–1945)]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 5, pp. 59–78. (In Russ.)

9. Mal’kov V.L. 2016. Atomnoe oruzhie — detonator kholodnoi voyny. Dve proektsii [Nuclear weapon — a detonator of the Cold War. Two projections]. *Rossiia XXI*, no. 6, pp. 6–37. (In Russ.)

10. Mal’kov V.L. 1995. ‘Mankhetskii proekt’. *Razvedka i diplomatiya* [‘Manhattan project’. Intelligence and diplomacy]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

11. Manykin A.S. 2018. Ot sotrudnichestva k konfliktnomu vzaimodeistviyu: transformatsiya amerikanskikh podkhodov po otnosheniyu k SSSR v 1945–1947 gg. [From cooperation to the conflict interaction: Transformation of American policy towards Soviet Union in 1945–1947]. *Prepodavanie istorii i obshchestvoznaniya v shkole*, no. 4, pp. 19–29. (In Russ.)

12. Myagkov M.Yu., Rzheshhevskii O.A. 2009. Upushchennyi shans: anglo-franko-sovetskie peregovory letom 1939 g. i sovetsko-germanskii pakt ot 23 avgusta 1939 g. [A missed opportunity: The Anglo-Franco-Soviet negotiations in the summer of 1939 and the Soviet-German pact of 23 August 1939]. *MGIMO Review of International Relations*, special issue, pp. 177–184. (In Russ.)

13. Narinskii M.M. 2010. Sovetskoe rukovodstvo i problema granits i sfery vliyaniya SSSR v 1941–1946 gg. [The Soviet leaders and the issues of the Soviet borders and spheres of influence in 1941–1946]. In Torkunov A.V., Naryshkin S.E. (eds.). *65 let Velikoi Pobedy* [65 years of the Great Victory]. In 6 vols. Vol. 3. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., pp. 52–61. (In Russ.)

14. Belousov L.S., Manykin A.S. (eds.). 2014. *Pervaya mirovaya voina i sud’by evropeiskoi tsivilizatsii* [First World War and the destiny of European civilization]. Moscow, MGU Publ. (In Russ.)

15. Orlov A.S. 2000. *Tainaya bitva sverkhderzhav* [Secret war of the superpowers]. Moscow, Veche Publ. (In Russ.)

16. Pechatnov V.O. 2006a. *Ot soyuza — k kholodnoi voine: sovetsko-amerikanskie otnosheniya v 1945–1947 gg.* [From alliance to the Cold War: Soviet-American relations in 1945–1947]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ. (In Russ.)

17. Pechatnov V.O. 2006b. *Stalin, Ruzvel't, Trumen: SSSR i SShA v 1940-kh gg.* [Stalin, Roosevelt, Truman: The Soviet Union and the United States in 1940s]. Moscow, Terra Publ. (In Russ.)
18. Pechatnov V.O. 2009. Uroki Vtoroi mirovoi voyny v voenno-politicheskom planirovanii SShA i SSSR na poslevoennyi period [The lessons of the Second World War in the American and Soviet strategic planning for the postwar period]. *Moscow University Bulletin of World Politics*, no. 1, pp. 116–133. (In Russ.)
19. Pechatnov V.O., Magadeev I.E. 2015. *Perepiska I.V. Stalina s F. Ruzvel'tom i U. Cherkhillom v gody Velikoi Otechestvennoi voyny* [Correspondence between I.V. Stalin, F. Roosevelt and W. Churchill during the Great Patriotic War], vol. 1–2. Moscow, OLMA Media Group Publ. (In Russ.)
20. Pechatnov V.O., Manykin A.S. 2016. *Istoriya vneshnei politiki SShA* [History of the US foreign policy]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)
21. Simonov N.V. 1996. *Voенно-promyshlennyi kompleks SSSR v 1920–1950-e gody: tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizatsiya proizvodstva i upravlenie* [Military and industrial complex of the USSR in the 1920–1950-s: Economic growth rate, structure, production, and management]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)
22. Torkunov A.V. 2000. *Zagadochnaya voina: Koreiskii konflikt 1950–1953 godov* [Enigmatic war: Conflict in Korea, 1950–1953]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)
23. Fes'kov V.I., Golikov V.I., Kalashnikov K.A., Slugin S.A. 2013. *Vooruzhennye Sily SSSR posle Vtoroi mirovoi voyny: ot Krasnoi armii k Sovetskoi. Chast' 1. Sukhoputnye voiska* [The military forces of the Soviet Union after the Second World War: From the Red Army to the Soviet Army. Part 1. Ground forces]. Tomsk: NTL Publ. (In Russ.)
24. Khollovei D. 1997. *Stalin i bomba: Sovetskii Soyuz i atomnaya energiya. 1939–1956* [Stalin and the bomb: The Soviet Union and atomic energy. 1939–1956]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf strategii Publ. (In Russ.)
25. Zolotaryov V.A. (ed.). 2014. *Kholodnaya voina* [The Cold War]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, Institut ekonomicheskikh strategii Publ. (In Russ.)
26. Alperovitz G. 1967. *Atomic diplomacy: Hiroshima and Potsdam*. New York, Vintage Books.
27. Aronsen L. 2001. Seeing red: U.S. air force assessments of the Soviet Union, 1945–1949. *Intelligence and National Security*, vol. 16, no. 2, pp. 103–132. DOI: 10.1080/714002887.
28. Baylis J., Stoddart K. 2012. The British nuclear experience: The role of ideas and beliefs (part 1). *Diplomacy & Statecraft*, vol. 23, no. 2, pp. 331–346. DOI: 10.1080/09592296.2012.679488.
29. Betts R. 1987. *Nuclear blackmail and nuclear balance*. Washington, D.C., The Brookings Institution.
30. Black J. 2010. *The age of total war, 1860–1945*. Lanham, Rowman & Littlefield.
31. Borowski H.R. 1982. *A hollow threat: Strategic air power and containment before Korea*. Westport, Greenwood.

32. Buhite R.D., Hamel Ch. 1990. War for peace: The question of American preventive war against the Soviet Union, 1945–1955. *Diplomatic History*, vol. 14, no. 3, pp. 367–384.
33. Carley M.J. 2019. Fiasco: The Anglo-Franco-Soviet alliance that never was and the unpublished British white paper, 1939–1940. *The International History Review*, vol. 41, no. 4, pp. 701–728. DOI: 10.1080/07075332.2018.1458043.
34. Chickering R., Förster S. 2005. Are we there yet? World War II and the theory of total war. In Chickering R., Förster S., Greiner B. (eds.). *A world at total war: Global conflict and the politics of destruction, 1937–1945*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 1–16.
35. Cohen M.J. 2015. *Fighting World War Three from the Middle East: Allied contingency plans, 1945–1954*. 2nd ed. London, Routledge.
36. Condit K.W. 1979. *The history of the joint chiefs of staff*, vol. 2. Wilmington, M. Glazier.
37. Copeland D.C. 1996. Neorealism and the myth of bipolar stability: Toward a new dynamic realist theory of major war. *Security Studies*, vol. 5, no. 3, pp. 29–89. DOI: 10.1080/09636419608429276.
38. Cornish P. 1996. *British military planning for the defence of Germany, 1945–50*. London, Palgrave Macmillan.
39. Dockrill M. 1990. British attitudes towards France as a military ally. *Diplomacy & Statecraft*, vol. 1, no. 1, pp. 49–70. DOI: 10.1080/09592299008405782.
40. Edgerton D. 2005. *Warfare state: Britain, 1920–1970*. Cambridge, Cambridge University Press.
41. French D. 2012. *Army, empire, and Cold War: The British army and military policy, 1945–1971*. Oxford, Oxford University Press.
42. Goodman M. 2003. British intelligence and the Soviet atomic bomb, 1945–50. *Journal of Strategic Studies*, vol. 26, no. 2, pp. 120–151. DOI: 10.1080/01402390412331303005.
43. Greenwood J.T. 1979. The emergence of the postwar strategic air force, 1945–1953. In Hurley A.F., Ehrhart R.C. (eds.). *Air power and warfare*. Washington, D.C., Air Force Academy, pp. 215–244.
44. Greenwood S. 1983. Return to Dunkirk: The origins of the Anglo-French treaty of March 1947. *Journal of Strategic Studies*, vol. 6, no. 4, pp. 49–65.
45. Ham P. 2014. *Hiroshima. Nagasaki: The real story of the atomic bombings and their aftermath*. New York, St. Martin's Press.
46. Herken G. 1980. *The winning weapon: The atomic bomb in the Cold War, 1945–1950*. New York, Alfred A. Knopf. DOI: 10.1086/ahr/87.1.284-a.
47. Hilsman R. 1959. On NATO strategy. In Wolfers A. (ed.). *Alliance policy in the Cold War*. Baltimore, The Johns Hopkins University Press, pp. 149–183.
48. Holloway D. 2010. Nuclear weapons and the escalation of the Cold War, 1945–1962. In Westad O.A., Leffler M. (eds.). *The Cambridge history of the Cold War*, vol. 1. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 376–397.
49. Johnston A.M. 2001. The Construction of NATO's medium term defence plan and the diplomacy of conventional strategy, 1949–50. *Diplomacy & Statecraft*, vol. 12, no. 2, pp. 79–124. DOI: 10.1080/09592290108406204.

50. Karber Ph.A., Combs J.A. 1998. The United States, NATO, and the Soviet threat to Western Europe: Military estimates and policy options, 1945–1963. *Diplomatic History*, vol. 22, no. 3, pp. 399–429.
51. Kimball W.F. 2001. The incredible shrinking war: The Second World War, not (just) the origins of the Cold War. *Diplomatic History*, vol. 25, no. 3, pp. 347–365.
52. Leffler M.P. 2017. *Safeguarding democratic capitalism: U.S. foreign policy and national security, 1920–2015*. Princeton, Princeton University Press.
53. Lewis J. 2003. *Changing direction: British military planning for post-war strategic defence, 1942–1947*. 2nd ed. London, Frank Cass.
54. Marks S. 2003. *The illusion of peace: International relations in Europe, 1918–1933*. 2nd ed. Basingstoke, Palgrave Macmillan.
55. Porter P. 2011. Beyond the American century: Walter Lippmann and American grand strategy, 1943–1950. *Diplomacy & Statecraft*, vol. 22, no. 4, pp. 557–577. DOI: 10.1080/09592296.2011.625803.
56. Reynolds D. 1990. The ‘Big three’ and the division of Europe, 1945–48: An overview. *Diplomacy & Statecraft*, vol. 1, no. 2, pp. 111–136. DOI: 10.1080/09592299008405788.
57. Reynolds D. 2006. *From World War to Cold War: Churchill, Roosevelt, and the international history of the 1940s*. Oxford, Oxford University Press.
58. Reynolds D. 1993. Great Britain and the security ‘lessons’ of the Second World War. In Ahmann R., Birke A.M., Howard M. (eds.). *The quest for stability: Problems of West European security, 1918–1957*. Oxford, Oxford University Press, pp. 299–325.
59. Roberts G. 2006. *Stalin’s wars: From World War to Cold War, 1939–1953*. New Haven, Yale University Press.
60. Rosenberg D.A. 1979. American atomic strategy and the hydrogen bomb decision. *The Journal of American History*, vol. 66, no. 1, pp. 62–87.
61. Rosenberg D.A. 1983. The origins of overkill: Nuclear weapons and American strategy, 1945–1960. *International Security*, vol. 7, no. 4, pp. 3–71. DOI: 10.2307/2626731.
62. Rosenberg D.A. 1982. U.S. nuclear stockpile, 1945 to 1950. *Bulletin of the Atomic Scientists*, vol. 38, no. 5, pp. 25–30. DOI: 10.1080/00963402.1982.11455736.
63. Ross S.T. 2013. *American war plans 1945–1950*. 3rd ed. New York, Routledge.
64. Segesser D.M. 2014. Controversy: Total war. *International encyclopedia of the First World War*. Available at: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/controversy_total_war (accessed: 22.02.2020).
65. Sherry M.S. 1995. *In the shadow of war: The United States since the 1930s*. New Haven, Yale University Press.
66. Sherry M.S. 1977. *Preparing for the next war: American plans for postwar defence, 1941–45*. New Haven, Yale University Press.
67. Zubok V.M. 1999. Stalin and the nuclear age. In Gaddis J.L. et al. (eds.). *Cold War statesmen confront the bomb: Nuclear diplomacy since 1945*. Oxford, Oxford University Press, pp. 39–61.

В.А. Веселов*

ДЛИННАЯ ТЕНЬ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ «НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ» В США

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

За последние годы история Второй мировой войны сама превратилась в своеобразное поле боя в «битве памяти». И это неслучайно. Помимо очевидного факта, что попытки ревизии итогов этого глобального конфликта служат отражением современных межгосударственных противоречий, следует отметить как минимум еще одно обстоятельство. «Тень» Второй мировой оказалась очень длинной. Это выражается не только в том, что мы по-прежнему живем в системе международных отношений, в основе своей сформированной по итогам событий первой половины 1940-х годов, но и в том, что мы смотрим на окружающую действительность через призму концепций и понятий, которые появились в условиях этой войны, под ее давлением и несут на себе ее отпечаток. В частности, речь идет о концепции «национальной безопасности». В данной статье рассмотрена история появления и развития этой концепции в США. Автор отмечает, что понятие «национальная безопасность» существовало на протяжении всего XX в., но до середины столетия отождествлялось преимущественно с обороной государства. Во время войны произошло разделение двух понятий. В статье рассматривается, какие именно уроки Второй мировой повлияли на переосмысление данного понятия и наполнение его новым содержанием, как происходила выработка взглядов на национальную безопасность в 1940-е годы. Рассмотрены также дискуссии, предшествовавшие принятию Закона о национальной безопасности (1947), и первые результаты его применения. Показано, что, с одной стороны, в основе концепции «национальной безопасности» лежало принципиальное признание существования особого состояния «между миром и войной», для успешного функционирования в условиях которого государству необходимо опираться на широкий спектр инструментов

* *Веселов Василий Александрович* — кандидат исторических наук, заместитель заведующего кафедрой международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vves@fmp.msu.ru).

как экономического и военно-политического, так и идеологического характера. Под влиянием уроков войны национальная безопасность начала рассматриваться как «надстройка» над обороной, призванная не только интегрировать различные компоненты политики государства, но и устранять или по крайней мере сглаживать возникающие между ними противоречия. С другой стороны, с самого начала концепция «национальной безопасности» приобрела ярко выраженный проактивный, наступательный и экспансионистский характер. Выступая своеобразной антитезой концепции «коллективной безопасности», данное понятие отражало стремление элит США не просто встроиться в существующую систему международных отношений, а создать новую, которая будет базироваться на американских ценностях и обеспечивать устойчивое функционирование американской экономики. «Внешним продолжением» национальной безопасности США должна была служить и создававшаяся система военно-политических союзов. Автор заключает, что именно многомерность понятия «национальная безопасность», обусловленная многомерностью вызовов, с которыми столкнулись государства в годы Второй мировой войны, объясняет его востребованность при изучении современных проблем мировой политики.

Ключевые слова: Вторая мировая война, национальная безопасность, Соединенные Штаты, военная стратегия, оборона, военная политика, международная безопасность, коллективная безопасность.

Рассмотрение концепции «национальной безопасности» целесообразно начать с происхождения данного понятия. В США принято возводить концепцию к различным высказываниям «отцов-основателей», в том числе к статьям «Федералиста», где встречается слово «безопасность». В отечественной литературе, начиная с работы В.Ф. Петровского [Петровский, 1980: 15], возникновение термина «национальная безопасность», как правило, связывают с посланием Конгрессу президента США Т. Рузвельта в декабре 1904 г. в контексте обоснования необходимости строительства будущего Панамского канала¹. В действительности в данном выступлении президент такой термин не использовал, а проект канала лишь упомянул. О создании «канала на перешейке» (еще не названного Панамским) Т. Рузвельт говорил в другом послании Конгрессу, 1901 г., но при этом объяснял его целесообразность не «безопасностью», а «национальными инте-

¹ Roosevelt T. State of the Union. 6 December 1904 // American History. Available at: <http://www.let.rug.nl/usa/presidents/theodore-roosevelt/state-of-the-union-1904.php> (accessed: 12.05.2020).

ресами» США². Это действительно можно считать началом отсчета в истории концепции, основное содержание которой в современном понимании — защита национальных интересов³.

До начала Второй мировой войны состояние защищенности национальных интересов отождествлялось прежде всего с обеспечением обороны государства. «Безопасность» была выражением «обороноспособности» как имеющегося у страны потенциала, в отличие от собственно «обороны» как набора мероприятий, в первую очередь ведения военных действий. Важнее другое: Т. Рузвельт в начале XX в. говорил не о защите, а о продвижении национальных интересов США, именно в то время впервые вышедших на глобальный уровень. Рано или поздно это потребовало бы уточнения понятийного аппарата.

Переосмысление понятия произошло почти 40 лет спустя при другом Рузвельте — 32-м президенте США — в разгар Второй мировой войны. После этого термин «национальная безопасность» не только прижился, но наполнился теоретическим и практическим содержанием и используется уже более 75 лет. В 1947 г. в США был принят Закон о национальной безопасности⁴ и образован Совет национальной безопасности как совещательный орган при президенте. После появления в 1986 г. «закона Голдуотера–Николса»⁵ главы Белого дома обязаны регулярно издавать Стратегию национальной безопасности, последняя из которых увидела свет в декабре 2017 г. Характерно, что именно данным актом администрация Д. Трампа открыла свою серию официальных документов стратегического

²Roosevelt T. State of the Union. 3 December 1901 // American History. Available at: <http://www.let.rug.nl/usa/presidents/theodore-roosevelt/state-of-the-union-1901.php> (accessed: 12.05.2020).

³Для того чтобы в этом убедиться, можно сравнить содержание действующих редакций Стратегии национальной безопасности РФ и Стратегии национальной безопасности США. См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 12.05.2020); National Security Strategy of the United States of America. December 2017 // The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 12.05.2020).

⁴National Security Act of 1947. Public Law 80–253. July 26, 1947 // The National Archives and Records Administration. Available at: <https://catalog.archives.gov/id/299856> (accessed: 12.05.2020).

⁵Goldwater-Nichols Defense Department Reorganization Act of 1986. Public Law 99–433. October 1, 1986 // U.S. Government Publishing Office. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-100/pdf/STATUTE-100-Pg992.pdf> (accessed: 12.05.2020).

планирования. Это неслучайно, поскольку отражает задачи Стратегии как «надстройки» над остальными компонентами политики государства в сфере безопасности, дипломатии и обороны.

В настоящей работе автор видит свою задачу в том, чтобы рассмотреть причины разделения понятий «оборона» и «безопасность» во время Второй мировой войны, а также объяснить происхождение и живучесть термина «национальная безопасность». Кроме того, сравнение состояния международных отношений на пороге 2020-х годов с начальным периодом «холодной войны» показывает наличие общих черт в подходах администраций США к средствам и способам обеспечения национальной безопасности, что позволяет в свою очередь прогнозировать их дальнейшее развитие.

Процесс становления концепции «национальной безопасности» США уже привлекал внимание отечественных и зарубежных ученых. Так, достаточно много работ посвящены проблемам сопряжения внутренних (в частности, экономических) и внешних факторов обеспечения национальной безопасности [Мальков, 2004; Печатнов, 2009; Маныкин, 2018; Сидоров, 2016, 2017, 2018; Pollard, 1985; Latham, 1997; Layne, 2006; Ikenberry, 2009; Patrick, 2009; Patel, 2017; Rosenboim, 2017; Fergie, 2019; и др.], роли этой концепции в формировании внешнеполитической стратегии США периода «холодной войны» [Петровский, 1980; Печатнов, 2006; Мальков, 2009; Маныкин, 2018; Батюк, 2018; Yergin, 1977; Leffler, 1992, 2017; Gaddis, 2005; LaFeber, 2008; Gray, 2011; Brands, 2014]. Однако вопросам, связанным с изучением влияния на выработку концепции «национальной безопасности» уроков Второй мировой войны, появившихся в ее ходе представлений о новых возможностях проецирования силы и утрате неуязвимости США, пока уделяется недостаточно внимания. В восполнении данного пробела видит свою задачу автор настоящей работы.

Многомерность и многоликость безопасности

Проблема обоснования строительства Панамского канала служит не только отправной точкой для развития концепции «национальной безопасности», но и показателем многомерности данного феномена. Для решения этой задачи администрация Т. Рузвельта была вынуждена использовать широкий спектр внешнеполитических инструментов — от официальных переговоров с Великобританией, претендовавшей на участие в управлении каналом, до оказания поддержки сепаратистам в Колумбии, правительство которой не соглашалось на американские условия. В результате появилась Ре-

спублика Панама, с которой в 1903 г. вопросы строительства были быстро решены. Канал имел для США в первую очередь военное значение, обеспечивая возможность маневра силами флота между двумя океанами. Необходимость его постройки американское руководство отчетливо осознало еще во время происходившей на двух океанах испано-американской войны, а стратегическая ценность этой коммуникации для США стала еще более очевидной сразу после японской атаки на Перл-Харбор 7 декабря 1941 г. В то же время интересно отметить, что Т. Рузвельт, обращаясь к Конгрессу, мотивировал строительство канала экономическими соображениями⁶, хотя для обеспечения товарных потоков между восточным и западным побережьями США его значение было существенно меньше в силу развитости сухопутных континентальных коммуникаций. Уже этот спектр проблем, проявившийся при самом первом приближении к истории становления и существу рассматриваемого понятия, показывает, что «национальная безопасность» должна служить «надстройкой», которая не просто интегрирует различные компоненты политики государства (внутреннюю и внешнюю, «жесткую» и «мягкую», экономику, оборону, дипломатию, идеологию и культуру), но должна устранять или хотя бы сглаживать возникающие между ними противоречия.

Первый шаг к разделению понятий «оборона» и «безопасность» был сделан во время Первой мировой войны. В декабре 1914 г. по инициативе нью-йоркского юриста С. Менкена была образована общественная организация «Лига национальной безопасности» (National Security League), в которой собрались люди, считавшие необходимым готовить страну к вступлению в начавшийся мировой конфликт [Ward, 1960]. Почетным президентом был избран Э. Рут, почетным вице-президентом — Т. Рузвельт. В целом деятельность организации, которая после вступления США в войну переключилась на борьбу с «большевизмом», не оставила заметного следа в истории. В то же время важно, что было признано наличие особого состояния «между миром и войной», в котором США находились в 1914–1916 гг. Это состояние не только нарушало традиционную схему «мир–война–мир», но и требовало особого вида деятельности по мобилизации ресурсов — как материальных, так и моральных (последнее для США было особенно актуально).

⁶Roosevelt T. State of the Union. 3 December 1901 // American History. Available at: <http://www.let.rug.nl/usa/presidents/theodore-roosevelt/state-of-the-union-1901.php> (accessed: 12.05.2020).

Поскольку война стала носить тотальный характер, возникло требование поддерживать постоянную к ней готовность, что в свою очередь трансформировало экономические и социальные институты. Для обозначения этой деятельности термин «оборона» оказывался не вполне адекватным, поскольку она выходила за рамки традиционного представления о ведении войны. Вместе с тем возникло понимание, что простого отсутствия вооруженной борьбы недостаточно для обеспечения национальных интересов. Кроме того, в деятельности «Лиги национальной безопасности» по противодействию «проискам большевизма» в 1918–1919 гг. можно увидеть прототип будущей «охоты на ведьм» в 1940–1950-е годы — одного из компонентов политики «национальной безопасности» США начального периода «холодной войны».

Вторым импульсом к формированию концепции «национальной безопасности» стали Великая депрессия и Новый курс президента Ф. Рузвельта. Если тотальность мировой войны потребовала нового понятия, более широкого, чем «оборона», то небывалый кризис, показавший неустойчивость экономической системы, повлек переосмысление еще ряда категорий и появление новых терминов: «экономическая безопасность» и «социальная безопасность», которые означали защищенность пострадавших от кризиса людей и организаций. Новые понятия также вошли в структуру формировавшейся концепции «национальной безопасности», подчеркнув ее многомерный и интегральный характер. Примечательно, что термин «национальная безопасность» в связи с кризисом употребляли (хотя и редко) в своих выступлениях принадлежавшие к разным партиям президенты Г. Гувер и Ф. Рузвельт, но для последнего обеспечение «экономической безопасности» стало одним из лозунгов Нового курса. В июне 1934 г. указом Ф. Рузвельта № 6757 был образован Комитет по экономической безопасности (Committee on Economic Security), главной задачей которого стала выработка рекомендаций для проектов Программы национальной социальной и экономической безопасности (Program of National Social and Economic Security) и Закона об экономической безопасности (Bill on Economic Security), разрабатывавшихся в 1934–1935 гг.⁷

Экономическая политика Нового курса не только была важнейшим компонентом безопасности США в 1930-е годы, но и содер-

⁷ Roosevelt F.D. Address to Advisory Council of the Committee on Economic Security. November 13, 1934 // The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-advisory-council-the-committee-economic-security> (accessed: 12.05.2020).

жала три принципиальных момента. Во-первых, мировой характер кризиса служил зримым доказательством связи национальной и международной безопасности. Было очевидно, что внутренняя организация государства не всегда может противостоять хаосу и анархии внешнего мира. Во-вторых, выход из кризиса требовал активных действий, а не просто принятия мер реагирования на вызовы и угрозы. В-третьих, приоритетным направлением должно было стать формирование такого «внешнего продолжения» американской экономики, которое позволило бы избежать повторения кризиса подобного масштаба [Сидоров, 2016].

Для новой экономики требовался новый — американоцентричный — мировой порядок, создание которого стало основной задачей при планировании послевоенного устройства в 1944–1945 гг. Вместе с тем сам Новый курс представлял собой модель для построения послевоенного мира. Однако в 1930-е годы на пути к формированию нового мирового порядка лежали не только внешние, но и внутренние препятствия: изоляционистские настроения элиты и нежелание избирателей нести дополнительное бремя в условиях отсутствия явных угроз извне [Манькин, 1980]. Наличие «защитного барьера» в виде двух океанов делало бесперспективной апелляцию к такой традиционной категории, как «оборона»: большинству американцев казалось, что она и так обеспечена. Требовались новые понятия, более широкие по смыслу, более адекватные актуальным политическим задачам.

В этой связи вслед за обострением международных отношений во второй половине 1930-х годов вновь вошел в употребление термин «национальная безопасность», сначала — как новое выражение обороноспособности государства. Возрождая логику деятельности «Лиги» периода Первой мировой войны, содержание этого понятия первоначально отождествляли с обеспечением готовности страны к предстоящей большой войне. Именно так в предвоенные годы его использовал один из авторов концепции «национальной безопасности» Э. Эрл [Earle, 1938].

При этом появились два новых момента, обусловленных нарастанием военной угрозы. «Национальная безопасность» противопоставлялась, во-первых, политике «коллективной безопасности», которая не оправдала возлагавшихся на нее надежд в обеспечении прочного мира, а во-вторых, традиционному представлению об «обороне». По мнению Э. Эрла, последняя выглядела как пассивное ожидание и реагирование на действия противника, а в новых условиях требовались активное поведение, проявление инициативы,

переход к упреждающим мерам — словом, не отражение угроз, а их предотвращение, для обозначения чего и предлагалось использовать понятие «национальная безопасность»⁸.

Сторонники такого подхода видели существенное различие в положении США в 1914 г. и накануне нового глобального конфликта. Бурное развитие технологий проецирования силы в 1920–1930-е годы привело к эффекту «сжатия пространства» — еще одному (помимо финансово-экономической уязвимости) свидетельству взаимосвязанности и взаимозависимости всех участников международных отношений. Океаны, в которых действовали подводные лодки, уже не всем казались надежным «защитным барьером». Это подтвердили события лета 1942 г., когда немецкие субмарины находились у самого побережья США [Offley, 2014].

Еще больше опасений вызывали успехи в развитии средств воздушного нападения. Еще в 1915–1918 гг. был накоплен опыт стратегических бомбардировок, ударов по городам в глубине территории противника [Веселов, Фененко, 2016]. В 1932 г. премьер-министр Великобритании С. Болдуин произнес в парламенте знаменитую фразу «бомбардировщик всегда прорвется»⁹. Последовавшие затем войны в Китае и Испании подтверждали этот тезис, а судьба испанской Герники только усиливала страхи. При этом на воспоминания о Первой мировой войне и очевидные успехи авиации накладывалась возможность массированного применения химического и зажигательного оружия [Фененко, Веселов, 2019]. С одной стороны, эти страхи в Европе служили аргументом в пользу политики «умиротворения», а в США укрепляли позиции изоляционистов. С другой стороны, из этого следовало, что традиционные взгляды на «оборону» устарели, — это и стремились доказать сторонники новой концепции, продвигавшие первые идеи «национальной безопасности». На основе этих же предпосылок в тот период начали развиваться представления о «сдерживании» (deterrence) как особой форме применения военной силы [Quester, 1966].

Однако многие в США все еще воспринимали угрозу как весьма отдаленную. Попытки создать межконтинентальный бомбардиров-

⁸Эти мысли предвосхищали одно из базовых положений Стратегии национальной безопасности, выпущенной администрацией Дж. Буша-мл. в 2002 г. См.: The National Security Strategy of the United States of America. September 2002 // The White House. Available at: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nssall.html> (accessed: 14.05.2020).

⁹Commons Sitting of 10 November 1932. International Affairs // The UK Parliament. Available at: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1932/nov/10/international-affairs> (accessed: 14.05.2020).

щик были неудачными. Спроектированный фирмой «Boeing» самолет ХВ-15 (Model 294) не показал требуемых характеристик (первый полет состоялся в октябре 1937 г.) и был построен в единственном экземпляре [Bowers, 1989: 228–230]. Американцы, уверенные в своем технологическом превосходстве, считали, что остальные тем более далеки от такой возможности, и к моменту начала войны это соответствовало действительности.

Падение колосса и уроки для США

Начало Второй мировой войны 1 сентября 1939 г. не привело к радикальным переменам во взглядах. «Странная война» лишь подтверждала точку зрения тех, кто считал угрозу для США по-прежнему отдаленной. Первым крупным уроком, повлиявшим на дальнейшую судьбу идеи «национальной безопасности», стало неожиданно быстрое поражение Франции в июне 1940 г.

Из этого события было сделано сразу несколько выводов. Первоначально США рассчитывали, что конфликт будет развиваться по сценарию Первой мировой войны, а Вашингтон останется «арсеналом демократии», к тому же окончательно преодолееет последствия Великой депрессии. Возникнет состояние «между миром и войной», аналогичное тому, в котором отрабатывался инструментарий «национальной безопасности» в 1914–1916 гг.: материальная и финансовая помощь союзникам, пропаганда, поддержка государственными заказами военной промышленности. Вступление в войну самих США будет возможно в тот момент, когда решат в Вашингтоне, что позволит в дальнейшем пожать плоды победы. Следует отметить, что аналогичной логики придерживался в то время и Советский Союз в соответствии со сформулированной И.В. Сталиным еще в 1925 г. концепцией «гири, которая могла бы перевесить»¹⁰.

«Блицкриг» во Франции в мае–июне 1940 г. разрушил эти планы, основанные на представлении о примерном равенстве сил противостоявших группировок. Новые военные технологии (в широком смысле — не только средства, но и способы ведения вооруженной борьбы) вмешались в геополитические расчеты. До этого предполагалось, что равновесие в Европе не позволит ни одной державе установить свою гегемонию и консолидировать в одних руках такие ресурсы, которые создадут угрозу Соединенным Штатам — непосредственно или в Латинской Америке. После капитуляции Франции

¹⁰ Сталин И.В. Речь на пленуме ЦК РКП (б) 19 января 1925 г. // Сталин И.В. Сочинения: В 13 т. Т. 7. М.: Политиздат, 1954. С. 11–14.

возникал вопрос, сможет ли Великобритания противостоять Германии практически в одиночку. В случае и ее падения США оказались бы с А. Гитлером один на один.

В результате «Битвы за Англию», пик которой пришелся на август–сентябрь 1940 г., с одной стороны, была опровергнута упомянутая ранее «формула Болдуина», с другой — и после отражения воздушного наступления перспективы Великобритании оставались неясны. В основе немецкого «блица» 1940 г. лежал расчет на то, что мощным ударом с воздуха удастся вызвать шок у англичан и переломить общественное настроение в пользу компромисса с А. Гитлером путем разграничения интересов (эта идея составляла суть предвоенной политики «умиротворения»). Следует отметить, что аналогичными расчетами руководствовались и японцы: нанести по США ограниченный удар, который повлияет на расстановку сил в обществе и власти.

Результат оказался противоположным. Вторая фаза воздушного «блица» (сентябрь 1940 г.) — массированные удары по городам, повлекшие значительный ущерб и большие жертвы среди мирного населения, — резко сократила в Великобритании внутривнутриполитическую базу сделки с А. Гитлером. Важную роль при этом играла и позиция, занятая лично У. Черчиллем, который заявил о непреклонном стремлении продолжать борьбу до победного конца. Но это не означало, что приверженцы соглашения исчезли совсем, тем более что у них был лидер — бывший король Эдуард VIII. Аналогичные соглашательские взгляды существовали и в США. Их представителем был, например, посол в Лондоне Дж. Кеннеди (отец будущего президента), лишившийся должности из-за таких взглядов. Этот урок учли в Вашингтоне, когда после атаки на Перл-Харбор был на полную мощность запущен механизм пропаганды с демонстрацией личной позиции лидера страны.

Однако в ноябре 1940 г. Ф. Рузвельту предстояло пройти через выборы. Он выдвигался в третий раз, нарушая традицию, и был вынужден очень чутко реагировать на настроения избирателей, а они в своей массе были больше озабочены последствиями Великой депрессии, чем угрозой победы тоталитаризма в Европе. Осенью 1940 г. значительную часть работы по слому изоляционистских настроений в США взяла на себя британская пропаганда, которой удалось привлечь на свою сторону ведущих американских журналистов и радиокомментаторов. При этом англичане, рассчитывая таким способом создать базу для общей борьбы, сознательно преувеличивали масштаб немецкого «блица», рисуя образ безжалостного врага,

с которым США могут сами столкнуться, если Великобритания сдастся так же, как и Франция [Cull, 1995: 109–114].

Настроения в обществе, управление общественным мнением не входили в традиционную сферу «обороны», предмет которой — задачи вооруженных сил и функции военного ведомства. Этим целям более соответствовала «национальная безопасность». В условиях, когда администрация Ф. Рузвельта была сфокусирована на победе на выборах, инициативу по осмыслению новых реалий и выработке рекомендаций проявили наука и общественность. При этом Белый дом не только поддерживал, но и вдохновлял общественные инициативы, такие как «Комитет за защиту Америки путем помощи союзникам» (Committee to Defend America by Aiding the Allies), возглавлявшийся влиятельным издателем У.А. Уайтом, который принадлежал, что примечательно, к Республиканской партии [Parmar, 1999: 361–363].

Накануне выборов, назначенных на 5 ноября 1940 г., в Колумбийском университете в Нью-Йорке состоялась открытая дискуссия на тему «Основы американской оборонной политики» («Bases for an American Defense Policy»), организованная Академией политических наук [Mitchell, 1941]. В ней приняли участие ученые, политики, военные, бизнесмены и журналисты. Первый же выступавший — представитель Принстонского университета Э. Эрл — предложил изменить предмет обсуждения, поставив в его центр не «оборону», а «безопасность». Он аргументировал это уроками недавних событий в Европе.

Франция, упорно сражавшаяся в Первой мировой войне, во Второй сдалась через несколько недель. «Линия Мажино» — символ традиционных представлений об «обороне» как физической защите территории и суверенитета — не смогла сыграть ту роль, ради которой она создавалась. Главной причиной падения Франции, считавшейся сильнейшей державой континента, виделась не слабость обороны, а внутренний раскол: руководство вооруженных сил в целом придерживалось правых взглядов, в то время как правительства во второй половине 1930-х годов формировали представители левых политических партий. Противостояние этих сил пагубно сказалось на обороноспособности страны [Cairns, 1986].

Анализ этих уроков приводил к выводу о необходимости объединить традиционные геополитические аргументы (угроза консолидации Европы силой, враждебной США) с новыми факторами идейно-политического порядка (защита базовых ценностей общества и интересов государства) и достроить над «обороной» еще один

«этаж» в виде «национальной безопасности». Не пассивное ожидание за кажущимся надежным укрытием, а активные действия во имя обеспечения национальной безопасности должны были стать предметом обсуждения [Earle, 1941b].

Вслед за этой дискуссией Э. Эрл организовал в Принстонском университете семинар (Princeton Military Studies Group), собиравшийся в течение 1940–1941 гг. Его участники стремились наполнить понятие «национальная безопасность» конкретным содержанием. Постепенно сложилось представление о том, что обеспечение национальной безопасности должно включать физическую защиту не только суверенной территории государства, но и тех частей внешнего мира, которые представляют интерес для США, а также политическую деятельность как внутри страны (противодействие враждебной идеологии), так и за рубежом — строительство мирового порядка на основе ценностей и идеалов, продвигаемых Соединенными Штатами.

Характерно, что пока ученые в Принстоне обсуждали необходимость наличия у национальной безопасности «внешнего продолжения», в Пентагоне начали планировать операцию по превентивному захвату принадлежавших Португалии островов в Атлантическом океане (Азорских и Зеленого Мыса), чтобы упредить их возможное превращение в плацдарм для германской агрессии в направлении Западного полушария. Указание о подготовке такой операции президент Ф. Рузвельт отдал 22 мая 1941 г. [Коваль, 1987: 60].

В ходе дискуссий в принстонском семинаре его участники пришли к выводу, что «национальная безопасность» представляет собой состояние, при котором территория государства, его политический строй и жизненно важные интересы защищены от угроз [Earle, 1941a]. Соответственно ее обеспечение должно рассматриваться как набор условий, при которых агрессия (прямая или косвенная) либо невозможна, либо обречена на провал. К таким условиям относилось отсутствие у противника одновременно материальных возможностей и политических мотивов для нападения. В качестве примера приводилась Великобритания, которая за всё время после войны 1812–1814 гг. могла атаковать США, но ни разу этого не сделала, поскольку не имела соответствующих политических целей. У Германии и Японии, напротив, была мотивация, но, как казалось многим в Вашингтоне в 1940 г. и на протяжении большей части 1941 г., не было соответствующих ресурсов. Сторонников изоляционизма это успокаивало, но для создателей концепции «национальной безопасности» ситуация выглядела иначе.

Под агрессией они предлагали понимать не только нападение извне, но и деятельность внутри страны политических сил, управляемых и поддерживаемых из-за рубежа [Earle, 1941a]. Необходимость акцента на внутренних угрозах подсказывали деятельность «Лиги национальной безопасности» в 1918–1919 гг. и идеология «экономической безопасности» середины 1930-х годов. Таким образом, даже в отсутствие явной внешней угрозы интересы и ценности государства нуждались в защите. В условиях конца 1940 — начала 1941 г. это был еще один аргумент в пользу выбора, сделанного администрацией Ф. Рузвельта: «враг № 1 — Германия» («Germany — first»), поскольку внутренние угрозы с ее стороны выглядели убедительнее, чем со стороны Японии.

Тотальность разгоревшейся в Европе войны обусловила и предельно широкую трактовку «национальной безопасности», поскольку угрозы выглядели безграничными во всех измерениях. Обеспечение безопасности страны предлагалось рассматривать не только как физическую защиту ее территории и заморских владений, но и как неприкосновенность моральных и политических ценностей, выражением которых служат национальные интересы. При этом идеологическая борьба по своему значению приравнивалась к вооруженному противоборству, т.е. «обороне» в традиционном понимании, причем оба компонента становились частью деятельности по обеспечению национальной безопасности. Таким образом, биполярное идеологическое противостояние возникло не в борьбе с коммунизмом в период «холодной войны», а в 1940–1941 гг. как обоснование неизбежности вступления США во Вторую мировую войну.

Поскольку источник идеологической угрозы безопасности находился за пределами страны, возникала задача переустройства послевоенного мирового порядка подобно тому, как в случае с Великой депрессией в сфере экономики. Объединить эти две задачи была призвана концепция «национальной безопасности». Одной из составных частей ее стало представление о том, что национальная безопасность США одновременно является инструментом обеспечения международной безопасности, вопреки мнению тех, кто предлагал при формировании нового мирового порядка вернуться к вильсоновским принципам. Авторам концепции «национальной безопасности» недостаток «вильсонизма» виделся в том, что защита интересов США возлагалась на международные институты, которыми Вашингтон не мог управлять по своему усмотрению. Этот изъян необходимо было исправить, что стало одной из задач при планировании послевоенного устройства мира.

Опыт войны и его осмысление

После победы на выборах администрация Ф. Рузвельта начала активный диалог с английским союзником: открытый — в связи с программой ленд-лиза и тайный — по выработке коалиционной стратегии. Штабные переговоры с английской военной миссией проходили в Вашингтоне с 29 января по 29 марта 1941 г., их результатом стал итоговый документ, получивший обозначение ABC-1 [Stoler, 2000: 39]. В то же время полной уверенности в том, что Великобритания устоит, в Вашингтоне не было, поэтому параллельно принимались меры на тот случай, если Соединенным Штатам придется вести борьбу в одиночку. Это отразилось и на планах судостроения, и на уточнении требований к авиации.

11 апреля 1941 г., т.е. вскоре после отъезда английской миссии, военное ведомство обратилось к ведущим самолетостроительным фирмам — «Boeing» и «Consolidated» — с запросом о предложениях по проекту межконтинентального бомбардировщика, получившего обозначение В-36 [Jacobsen, 1997: 19]. Требования военных предусматривали дальность полета 12 000 миль (19 200 км) с грузом в 10 000 фунтов (4,5 т) бомб, т.е. он должен был с базы на территории США совершить налет на цель в Европе и вернуться обратно. Выбрав проект фирмы «Consolidated», ВВС Армии США заказали постройку двух экземпляров самолета. Это произошло 15 ноября 1941 г., когда казалось, что новый союзник — СССР — не устоит. Однако и Советский Союз, и Великобритания выдержали, в связи с чем интерес к проекту резко упал, его финансирование сократилось в пользу текущих нужд. В итоге самолет поднялся в воздух только 8 августа 1946 г. Став носителем атомного, а затем и водородного оружия, до появления В-52 именно этот самолет был «большой дубинкой» в руках Вашингтона.

В том же апреле 1941 г. в Европе и на Ближнем Востоке произошли события, ставшие для США важным уроком, повлиявшим на выработку концепции «национальной безопасности». После падения Франции у Великобритании остался только один союзник на континенте — Греция, которая в 1940 г. смогла отразить итальянское наступление. Потенциальным союзником была остававшаяся еще нейтральной Югославия, где внутривнутриполитическая обстановка была неустойчивой. В стране имелись как проанглийские, так и прогерманские силы, но руководство во главе с принцем-регентом Павлом все же выбрало ориентацию на Германию, и 25 марта 1941 г. был подписан протокол о присоединении Югославии к Тройственному пакту. Ответным ходом Лондона стали организация государ-

ственного переворота в ночь с 26 на 27 марта 1941 г. и переброска в страну авиации Королевских ВВС. 5 апреля новое правительство заключило договор с Советским Союзом. Реакция Германии также была быстрой: 6 апреля началась агрессия, ставшая очередным «блицкригом» — через 12 дней Белград капитулировал. Тем не менее превращение Югославии в участника антигитлеровской коалиции все же произошло — в виде мощного движения Сопротивления, часть которого ориентировалась на Лондон.

В том же месяце по противоположному сценарию развивались события в Ираке. 1 апреля 1941 г. смещенный англичанами бывший премьер-министр страны Р. аль-Гайлани при поддержке верхушки армии совершил государственный переворот и обратился к Германии за помощью. Новый режим сразу поддержал находившийся в Багдаде после подавления арабского восстания в Палестине 1936–1939 гг. муфтий Иерусалима М.А. аль-Хусейни, претендовавший на роль духовного лидера всех антибританских сил на Ближнем Востоке и видевший в Германии естественного союзника. Берлин это событие поставило в непростое положение. С одной стороны, на Ближнем Востоке появился новый союзник, который мог быть полезен при реализации стратегических замыслов, но с другой — приоритетом в тот период была подготовка к нападению на СССР. Кроме того, технические возможности поддержать нового союзника были ограничены. В этой связи А. Гитлер подписал директиву № 30, в которой определялись направления действий в Ираке, в том числе отправка военной миссии (особый штаб «Ф»), группировки авиации и вооружения. В задачи миссии входило установление контактов «с враждебными Англии силами, в том числе вне Ирака». Весь немецкий военный персонал в Ираке предписывалось «пока считать добровольцами (по образцу легиона “Кондор”). Им надлежит носить тропическую форму с иракскими знаками различия. Последние должны иметь и немецкие самолеты»¹¹.

Немецкая операция в Ираке была импровизацией и в итоге закончилась провалом. Направленные из Индии и Палестины дополнительные британские силы после 30 дней боев свергли режим Р. аль-Гайлани, а немецкая авиация с иракскими опознавательными знаками существенного влияния на ход боевых действий оказать не

¹¹ Директива ОКВ № 30 «Средний Восток» от 23 мая 1941 года // Дашичев В.И. Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе, 1933–1945. Исторические очерки, документы и материалы: В 4 т. Т. 2. Развертывание борьбы за господство в Европе, 1939–1941. М.: Наука, 2005. С. 569–571.

смогла. Тем не менее уроки были извлечены. Через четыре месяца, в августе 1941 г., британские и советские войска провели превентивную операцию в соседнем Иране, чтобы предотвратить возможность развития событий по иракскому сценарию.

Для формирования концепции «национальной безопасности» США события в Югославии и Ираке в апреле 1941 г. были важны тем, что они не только еще раз продемонстрировали связь соотношения внутривполитических сил с внешнеполитической ориентацией государства, а также скорость, с которой происходили перемены, но и убедительно показали роль современных возможностей проецирования силы — быстрого появления английской авиации в Югославии и немецкой — в Ираке. Причем если в Югославии речь шла о переброске из соседней Греции, то в случае Ирака группировка люфтваффе появилась в регионе, где ранее никакие силы Германии не присутствовали. Важнее всего для США было то, что «иракская модель» могла быть применена противником в Латинской Америке, где для это имелись серьезные предпосылки. Об опасности возникновения плацдармов агрессии стран «оси» в регионе, откуда могут наноситься удары по США, президент Ф. Рузвельт предупреждал еще до начала войны — на пресс-конференциях 20 апреля и 23 июня 1939 г. [Thompson, 2012: 101].

Внутривполитическая ситуация в государствах Латинской Америки напоминала картину в Югославии и Ираке: раскол среди политического истеблишмента, наличие прогерманских настроений в руководстве вооруженных сил и антиамериканских — среди значительной части общества. На это накладывались сильные позиции германского бизнеса, искоренить которые американцам удалось только после начала войны [Taylor, 1984]. Ситуацию усугублял фактор, отсутствовавший в Ираке: наличие немецких колонистов в Парагвае, Уругвае, южной Бразилии и на севере Аргентины. Они были экономически самодостаточны, сплоченны, дисциплинированы и поддерживали тесную связь с «Фатерландом». Это была готовая «пятая колонна», которой не хватало только оружия. Характер экономической деятельности этих поселений обусловил их размещение к югу от тропических лесов Амазонии, служивших естественным барьером на пути в сторону США, но цепочка государственных переворотов могла протянуться дальше на север, приведя к смене режимов в Венесуэле, Колумбии, Перу, странах Центральной Америки, наконец, в Мексике. Такая перспектива создавала прямую угрозу не только зоне Панамского канала, но и континентальной части США.

После падения Франции гипотетическая угроза, о которой говорил Ф. Рузвельт в 1939 г., стала приобретать реальные очертания. В этой связи утвержденным 14 августа 1940 г. планом применения вооруженных сил США «Rainbow-4» предусматривался захват силами армии и флота ключевых объектов на северо-восточном побережье Бразилии, прежде всего морских портов и аэродромов¹², с тем чтобы закрыть для Германии вход на континент по кратчайшему пути (на большее сил у США не хватало).

Как стало известно из немецких документов, захваченных после войны, угроза не была мнимой. Вариант действий в направлении Южной Америки через Северо-Западную Африку в Берлине действительно рассматривали в 1940–1941 гг., вопрос был лишь в очередности операций в рамках общей стратегии. После того как 12 октября 1940 г. была отложена высадка на Британские острова (операция «Морской лев»), африканское направление и захват островов в Атлантическом океане стали приоритетными. Порядок боевых действий был утвержден 12 ноября 1940 г. директивой № 18¹³. Хотя эти планы и не были реализованы, Вашингтон извлек еще один урок, важный для формирования концепции «национальной безопасности» США.

Ключевую роль в продвижении вермахта в Западное полушарие по африканскому маршруту Гибралтар–Касабланка–Дакар должна была сыграть Испания [Френкель, 1993]. Однако 8 декабря 1940 г. Ф. Франко отказался предоставить территорию страны для проведения немецкой операции против Гибралтара. Поскольку других вариантов захвата этой ключевой позиции у рейха не было, осуществление планов, предусмотренных директивой № 18, пришлось отложить. В распоряжении Верховного командования вермахта от 11 декабря 1940 г. было указано: «Операция “Феликс” проведена не будет, так как для нее более не имеется политических предпосылок»¹⁴. А. Гитлеру пришлось изменить очередность проведения операций в рамках общей стратегии. Через неделю, 18 декабря 1940 г., была подписана директива № 21 (план «Барбаросса»), разработка которой велась уже несколько месяцев. К африканскому направлению было решено вернуться после ее реализации — как предполагалось, уже в новых

¹² Rainbow No. 4, August 14, 1940 // U.S. war plans: 1938–1945 / Ed. S.T. Ross. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2002. P. 33–54.

¹³ Директива ОКВ № 18 от 12 ноября 1940 года // Дашичев В.И. Указ. соч. С. 545–549.

¹⁴ Указания ОКВ от 11 декабря 1940 года об отмене операции «Феликс» // Дашичев В.И. Указ. соч. С. 558–559.

политических условиях. Разработка плана вторжения в Испанию (операция «Изабелла») началась в мае 1941 г.¹⁵

Из этого примера американские стратеги извлекли урок, что моральных обязательств союзников (Ф. Франко должен был быть благодарен А. Гитлеру и Б. Муссолини за помощь в гражданской войне, которая привела его к власти) совершенно недостаточно. В этой связи обеспечение «внешнего продолжения» национальной безопасности США должно было строиться на более жесткой конструкции — системе военных блоков с внутренней дисциплиной и конкретными обязательствами участников. Характерно, что создание такой конструкции началось именно с Латинской Америки и еще до окончания Второй мировой войны. Решением Чапультепекской конференции (Inter-American Conference on Problems of War and Peace), проходившей в Мехико 21 февраля — 8 марта 1945 г., устанавливался принцип коллективной самообороны и предусматривалась выработка механизмов совместных политических и военных действий в Западном полушарии¹⁶. Позднее эти решения были положены в основу Межамериканского договора о взаимной помощи (Пакт Рио), подписанного 2 сентября 1947 г., с которого началось создание системы военно-политических союзов, обеспечивающих национальные интересы США в глобальном масштабе.

Как было отмечено, после отмены операции «Феликс» очередность действий Германии была пересмотрена: на первое место выдвинулись операции на Балканах, за которыми должна была последовать реализация плана «Барбаросса». Только после победы над СССР в ставке А. Гитлера планировали вернуться к проектам «прыжка через Атлантику». Этого, как известно, не произошло.

В Вашингтоне шансы СССР выстоять в начавшейся 22 июня 1941 г. Великой Отечественной войне оценивали очень низко. Военная разведка считала, что Советский Союз капитулирует через несколько месяцев, после чего на территории СССР будет создан некий аналог режима Виши, который в лучшем случае выйдет из войны, в худшем — примкнет к «оси». Основой таких оценок были

¹⁵ Указание ОКВ об операции «Изабелла» от 9 мая 1941 года // Дашичев В.И. Указ. соч. С. 567–569.

¹⁶ Inter-American Reciprocal Assistance and Solidarity. Resolution approved by the Inter-American Conference on Problems of War and Peace at Mexico (Act of Chapultepec). March 6, 1945 // Treaties and other international agreements of the United States of America 1776–1949. Vol. 3. Multilateral 1931–1945. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1969. Available at: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/chapul.asp (accessed: 16.05.2020).

представления о Советском Союзе как о «колоссе на глиняных ногах», сформировавшиеся (не только в Вашингтоне, но и в Берлине) в значительной степени под впечатлением репрессий 1937–1938 гг. и хода советско-финской войны зимой 1939–1940 гг. Американские разведчики также обращали особое внимание на последствия коллективизации, в связи с чем, по их мнению, «значительная часть сельского населения встретит иностранную армию как освободителей» [цит. по: Печатнов, 2006: 14]. Учитывался и социальный срез Красной армии, основу которой составляли крестьяне, имевшие мотивы быть недовольными советской властью и соответственно не ощущавшие стимулов ее защищать. И вновь, как и летом 1940 г., события развивались вопреки предвоенным оценкам.

Возникали вопросы: в чем источники стойкости СССР и причины падения Франции, действительно оказавшейся «колоссом на глиняных ногах»; если Советский Союз, понеся огромные потери, выстоял и в 1941, и в 1942 г., то чего можно ожидать от этой страны в послевоенном мире? Поиски ответов на эти вопросы вновь приводили к содержанию понятия «национальная безопасность».

С одной стороны, это было необходимо для решения насущных проблем самих США. 1942-й был годом суровых испытаний для всей антигитлеровской коалиции. Большую часть года — с января (победы Красной армии под Москвой, Ростовом и Тихвином) по ноябрь (контрнаступления под Сталинградом и Эль-Аламейном, морская битва при Гуадалканале) — союзников преследовали неудачи, за исключением победы ВМС США при Мидуэе. «Внутренний фронт» в Соединенных Штатах давал трещины. Затягивание войны и отсутствие успехов начали подрывать веру в победу. Сказывались и социальные последствия Великой депрессии, так до конца и не преодоленные [Klingaman, 2019]. С другой стороны, необходимо было задуматься и об оптимальной организации послевоенного мира.

Уроки войны, замысел нового мирового порядка и национальная безопасность

После того как в начале 1943 г. наметился перелом в войне, приобрели актуальность размышления об устройстве будущего мира (системы международных отношений). Для того чтобы выработать представления об оптимальном миропорядке, требовалось прежде всего обобщить уроки межвоенного периода и втягивания государств в войну. Главным выводом выглядело то, что обеспечение «мира» в традиционном понимании как простого отсутствия войны является недостаточным. Нужно было иное, многомерное понятие.

Многомерность вытекала из необходимости учета целого ряда факторов, наличия многочисленных (прямых, обратных и перекрестных) связей между ними. Следовало принять во внимание особенности политики и вооруженной борьбы, продемонстрированные войной, роль экономики и социальных отношений.

Как показано в статье, понятие «национальная безопасность» уже существовало, и его содержание анализировали в научных кругах. Необходимо было это содержание уточнить с учетом полученных уроков, определить его критерии и, главное, приблизить к практическим нуждам, с тем чтобы сделать его инструментом при выработке политики, вооружить им лиц, принимающих решения. Значительную часть этой работы проделал У. Липпман, в то время — влиятельный политический комментатор и публицист. Он не просто был свидетелем двух мировых войн, как все люди его поколения, но в молодости участвовал в разработке «14 пунктов» В. Вильсона [Печатнов, 1994] и имел возможность сравнивать замыслы и результат. Кроме того, в межвоенный период он занимался проблемами социологии, разработал теорию «общественного мнения» (ему принадлежит авторство самого этого понятия). Весь его опыт подсказывал необходимость многомерного подхода к анализу «безопасности».

В 1943 г. У. Липпман выпустил книгу «Внешняя политика Соединенных Штатов: щит республики» [Lippmann, 1943], в которой утверждал, что при планировании нового мирового порядка необходимо избежать повторения ошибок межвоенного периода. Данный вывод не нуждался в доказательствах, поскольку был очевиден. Но У. Липпман не просто критиковал, он предложил новую основу для построения политики. По его мнению, в межвоенный период «идеал мира отвлек наше внимание от идеи национальной безопасности» [Lippmann, 1943: 35]. Он ссылаясь на авторитет «отцов-основателей», которые «не считали мир более важным, чем обеспечение национальной безопасности» [Lippmann, 1943: 36]. У. Липпман предложил строить политику на основании не идеалов, а национальных интересов. При этом простого отсутствия войны, по его мнению, недостаточно для их обеспечения. Он сформулировал следующее определение национальной безопасности: «...государство находится в состоянии безопасности, когда ему не приходится приносить в жертву свои законные интересы с целью избежать войны и когда оно способно при необходимости защитить эти интересы путем войны» [Lippmann, 1943: 38].

Понятие «национальные интересы» также не было новым, но именно в тот период оно привлекло особое внимание и было поло-

жено в основание новой школы в теории международных отношений — «политического реализма», манифест которой Г. Моргентау опубликовал вскоре после окончания войны, но написан он был на основе лекционного курса, преподававшегося им в Чикагском университете с 1943 г. [Morgenthau, 1948, 1951].

В работах У. Липпмана, Г. Моргентау и их единомышленников национальные интересы США не просто противопоставлялись универсальным (обеспечению мира), но должны были стать практической базой для политики построения нового миропорядка на основе всеобщего признания американских ценностей. Частью этой политики представлялось также всеобщее признание организации мировой экономики и социальных отношений на основе модели Нового курса [Мальков, 2009: 325–334; Kimball, 1991: 186–187], который, по выражению В.Л. Малькова, рассматривался как новая «мировая религия».

После принятия миром американских ценностей новый мировой порядок должен был стать средством обеспечения национальной безопасности США. Частью этого виделся новый экономический порядок, который бы обеспечивал устойчивое функционирование американской экономики. Концепция «национальной безопасности» с ее интегральным подходом должна была преодолеть существовавший в межвоенный период разрыв, когда внешняя политика США строилась на принципах изоляционизма, а в экономике проявлялась тенденция к экспансии [Leffler, 1992: 497–498]. При этом создание своего рода «внешнего продолжения» национальной безопасности не было возвращением к «вильсонизму», поскольку США не встраивались в систему, правила которой определяли другие державы, а сами вырабатывали порядок и условия ее функционирования.

Вместе с тем «внешнее продолжение» национальной безопасности США отождествлялось с международной безопасностью, что рассматривалось как условие прочного мира. Если сравнивать этот подход с тем, которым Вашингтон руководствовался в межвоенный период, то видно, что компоненты этого соотношения менялись местами: не внешний «мир» (отсутствие войны) обеспечивает безопасность США, а национальная безопасность Соединенных Штатов служит гарантией для остального мира. Оставалось только убедить в этом как американских сторонников изоляционизма, так и остальных участников международных отношений — не только побежденных, но и победителей. Как показали конференции в Думбартон-Оксе и Бреттоне-Вудсе (1944), это было непросто [Сидоров, 2018].

Для внутреннего употребления понятие «национальная безопасность» оказалось удачным лозунгом для мобилизации общественной поддержки политики, проводимой администрацией, поскольку задачу предлагалось решать «от противного» — ликвидировать угрозы до того, как они начнут вредить национальным интересам. При этом свою роль играла и психология, ведь антоним «национальной безопасности» — «нация в опасности!».

Новый подход к задачам национальной безопасности требовал и уточнения взглядов на оптимальный инструментарий ее обеспечения. Национальная безопасность становилась не просто «надстройкой» над внешней, военной, внутренней, экономической и социальной политикой, но и инструментом гармонизации этих сфер при защите национальных интересов.

В области внешней политики концепция «национальной безопасности» предлагала не просто замену «изоляционизму», а новый подход к выработке и реализации внешнеполитического курса, его интеграцию с другими компонентами деятельности государства. В условиях войны первоочередными задачами выглядели гармонизация политики и стратегии, а также оптимизация самой военной политики с учетом новых явлений в вооруженной борьбе — больше чем просто ведения боевых действий в трех сферах: на суше, на море и в воздухе.

По инициативе государственного секретаря Э. Стеттиниуса в конце 1944 г. для согласования внешней и военной политики был создан специальный орган — Координационный комитет Государственного департамента, Военного министерства и Морского министерства (State–War–Navy Coordinating Committee, SWNCC)¹⁷. Ведомства в комитете были представлены на уровне заместителей министров. Характерно время появления этой структуры — завершающий этап войны, когда влияние политических факторов резко возросло в связи с необходимостью связывать ведение боевых действий с представлениями об облике послевоенного мира, решением вопросов межсоюзнических отношений и проблемы оккупации территорий. Предмет деятельности комитета выходил за рамки традиционных задач военного ведомства и больше соответствовал понятию «национальная безопасность». Неслучайно его работа не прекратилась и после окончания войны, поскольку многомерность новых вызовов

¹⁷ Minutes of First Meeting of State–War–Navy Coordinating Committee. 19 December 1944 // Foreign Relations of the United States (FRUS): Diplomatic Papers. 1944. Vol. I. General. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1966. P. 1469–1470.

сохраняла актуальность координации усилий различных ведомств. SWNCC продолжать собираться и в 1946 г. (состоялось 20 заседаний по сравнению с 31 в 1945 г.). Его деятельность была свернута в 1947 г. после принятия Закона о национальной безопасности, когда был образован уже не межведомственный, а надведомственный орган — Совет национальной безопасности.

Вторым источником идеи образования органа, подчиненного непосредственно президенту, стали дискуссии о консолидации управления военной организацией государства с учетом уроков Второй мировой войны. Уже в 1943 г. началась разработка первых предложений по облику такого органа, который отражал бы задачи, общие для всех видов вооруженных сил (тогда уже было намечено выделить ВВС в самостоятельный третий вид). Инициативу проявил начальник штаба Армии генерал Дж. Маршалл, предложивший консолидировать управление военной организацией государства в едином «министерстве национальной обороны», структурными подразделениями которого будут существующие министерства — военное и морское — и создаваемое авиационное. Обсуждались также варианты создания органа, аналогичного британскому «военному кабинету» или Государственному комитету обороны в СССР. Следует отметить, что в США с их традиционным страхом перед «бонапартизмом» любые предложения по усилению полномочий военных всегда встречали настороженное отношение в Белом доме и в Конгрессе. Так было и в этот раз.

Оппозиция предложениям Дж. Маршалла со стороны Конгресса имела к тому же и ведомственную окраску. Против создания единого министерства выступил флот, который располагал собственным бюджетом и опасался (как показали дальнейшие события, справедливо), что при дележе «общего пирога» его интересы будут ущемлены. Представители ВМС также заявляли, что предлагаемая консолидация лишит их палубной авиации (ставшей во время войны главной ударной силой на море) и морской пехоты (в 1945 г. насчитывавшей более полумиллиона человек) [Barlow, 2009]. Единомышленниками морского министерства в этом вопросе были профильные комитеты палат Конгресса, члены которых, как правило, представляли регионы концентрации судостроительной промышленности.

Опасения ВМС за свой статус укреплялись по мере развития дискуссии об уроках войны в части новых форм ведения вооруженной борьбы, точнее, организационных выводов из этих обсуждений. Не подлежало сомнению, что военные действия окончательно приобрели третье измерение — воздушное пространство. На море это

проявилось в том, что роль главной ударной силы стала принадлежать авианосцам, а не артиллерийским кораблям. Но для флота это стало не только внутренней проблемой. ВМС Армии США, еще не превратившиеся в самостоятельный вид вооруженных сил, уже претендовали на монополию на ведение всех видов вооруженной борьбы в воздушном пространстве. Генералы ВМС объявляли весь флот анахронизмом и заявляли о своей готовности решать все задачи по проецированию силы в глобальном масштабе [Futrell, 1989; McFarland, 1996; Curatola, 2016]. Представители флота, продолжая отстаивать свою роль в качестве «большой дубинки» Вашингтона, указывали на то, что для проецирования силы необходимо иметь возможность вести борьбу во всех сферах: на поверхности воды, под водой, в воздухе и на суше. Теоретические споры 1944–1945 гг. вылились в ожесточенные столкновения в первые послевоенные годы, когда в условиях жестких бюджетных ограничений пришлось выбирать между бомбардировщиком В-36 и «суперавианосцем». После того как министр обороны Л. Джонсон сделал выбор в пользу самолета, строительство головного корабля CVA-58 «United States» было отменено 23 апреля 1949 г. — через четыре дня после его закладки. Это привело к расследованию в Конгрессе и серии громких отставок, вошедших в историю как «бунт адмиралов» [Szafranski, 1996; McFarland, Roll, 2005; Correll, 2018].

За этими ведомственными разногласиями стояли реальные проблемы. Продемонстрированные войной возможности проецирования силы (даже до появления ядерного оружия) действительно имели серьезные последствия не только для стратегии, но и для политики, т.е. выходили за рамки «обороны» и становились предметом «национальной безопасности». В.О. Печатнов в этой связи отмечает: «Новые вооружения и технологии ведения войны сжимали не только спасительное пространство, но и время, не оставляя зазора на военную конверсию промышленности, затяжную мобилизацию и подготовку личного состава вооруженных сил, который имели Соединенные Штаты в предыдущих мировых войнах, в том числе — за счет сражавшихся союзников» [Печатнов, 2009: 118].

Важные уроки в части новых возможностей проецирования силы были получены уже после перелома в войне. В ноябре 1944 г. состоялась первая в истории бомбардировка на межконтинентальную дальность. Для этого были использованы весьма экзотические и несовершенные средства, но фактом оставалось то, что впервые с 1814 г. на территорию США падали иностранные боеприпасы.

Жертвами одного из них 5 мая 1945 г. стали пять школьников и учительница в горах штата Орегон — единственные американцы, погибшие в результате боевых действий Второй мировой войны на континентальной части США.

3 ноября 1944 г. с территории Японии начался массовый запуск автоматических аэростатов, оснащенных фугасными и зажигательными бомбами (общим весом 50 кг) и несложной аппаратурой управления полетом и сброса боеприпасов. Замысел операции был основан на том, что над Тихим океаном на определенных высотах (от 9 до 11 км в зависимости от времени года и состояния атмосферы) существует постоянное воздушное течение, направленное с запада на восток. Выбор типа боеприпасов указывал на то, что главной целью было вызвать лесные пожары на западном побережье США. Всего в рамках операции было запущено более 9000 аэростатов, из которых около 1000 упали на территории США, а также в смежных районах Канады и Мексики [Дуг, 2009: 139–141].

Дата начала операции не была случайной — на 7 ноября 1944 г. в США были назначены выборы. Японцы рассчитывали не на материальный ущерб (зимой пожары вызвать труднее), а на возникновение паники, которая повлияет на настроения избирателей. Едва ли они решили таким способом помешать Ф. Рузвельту переизбраться, но изменить расстановку сил в Конгрессе, усилив позиции изоляционистов, это могло.

Японцы не были первопроходцами в попытке использовать особенности политической системы противника для слома его воли к сопротивлению уже на завершающем этапе войны. В январе–феврале 1944 г. Германия, рассчитывая на усталость англичан, провела операцию «Козерог» (это была попытка повторить «воздушный блиц» 1940 г. в надежде породить настроения в пользу сепаратного мира), но неудачно. Второй раз рейх применил похожую тактику в июне 1944 г., когда выпустил по территории Великобритании крылатые ракеты Fi-103, названные в пропагандистских целях V-1 («Фау-1»), но тоже неудачно — в значительной степени из-за несовершенства самих средств нападения. Наконец, в сентябре того же года была предпринята третья попытка, когда начались удары по британским городам баллистическими ракетами A-4, они же V-2 («Фау-2»). Время также было выбрано с учетом политико-психологических факторов.

7 сентября 1944 г. (в годовщину первого налета на Лондон в 1940 г.) Д. Сэндс, куратор противовоздушной обороны (ПВО) в «военном кабинете» и зять У. Черчилля, объявил на пресс-конференции

о победном завершении «Битвы за Англию», после чего жители Британских островов должны были вздохнуть спокойно. Но на следующий день, 8 сентября, на Лондон начали падать ракеты А-4 («Фау-2»), которые, в отличие от крылатых, были неуязвимы для системы ПВО. Средства эффективной защиты от баллистических ракет не найдены до сих пор, хотя именно с этого дня начинается история противоракетной обороны. Тем не менее политического результата Германии добиться не удалось: исход войны уже мало у кого вызывал сомнения.

Борьба с аэростатами также представляла сложную техническую проблему (было сбито не более 20 шаров), но власти США, быстро оценив логику японских бомбардировок, смогли принять эффективные контрмеры в иной плоскости. Был введен строжайший запрет на публикацию в прессе и озвучивание по радио какой-либо информации о японских аэростатах. Метод информационной блокады сработал: с одной стороны, паники населения и политических последствий удалось избежать, с другой — японцы оставались в неведении относительно результативности бомбардировок, что сыграло немалую роль в свертывании операции (последний запуск состоялся 20 апреля 1945 г.). Возможно, в 1942 г., когда общественные настроения были неустойчивыми, подобные действия противника достигли бы цели, но зимой 1944–1945 гг. было поздно.

Уже после войны были получены дополнительные данные, свидетельствующие о масштабе новых возможностей проецирования силы. После капитуляции Японии в руки американцев попали японские подводные лодки с самолетами, которые могли использоваться для нанесения ударов по наземным целям (прежде всего шлюзам Панамского канала). В Германии были захвачены не только ракеты А-4 и их конструкторы во главе с В. фон Брауном, но и проектные материалы по двухступенчатой ракете А-9/А-10, которая должна была доставлять боеприпасы весом 1 т на дальность 5000 км, т.е. могла бы атаковать восточное побережье США. Материалы проекта в 1946 г. тщательно изучили специалисты американской разведки, в том числе оценив возможность создания подобной ракеты в СССР [Crim, 2018: 112–113, 140]. Если этот проект был остановлен на «бумажной» стадии, то самолеты, известные под общим обозначением «Amerikabomber», были построены и проходили испытания. Один из них, «Junkers» Ju.390, вылетев с базы во Франции, пересек Атлантику, не дойдя 20 км до восточного побережья США, и вернулся на аэродром. Вторым бомбардировщиком аналогичного назначения был «Messerschmitt» Me.264 [Forsyth, Creek, 2006; Nowarra, 1997].

Эти тенденции означали, что в обеспечении национальной безопасности важную роль должна играть наука, причем не только традиционно ориентированные на оборону прикладные направления, но и новые отрасли знаний. Высокая наукоемкость новых военных технологий, появившихся во время Второй мировой войны, подчеркивала роль фундаментальной науки, т.е. разработок в гражданском секторе. Самыми очевидными примерами были роль теоретической физики и математики в создании средств наступления (ядерное оружие) и обороны (радиолокация, компьютеры). Комплексный характер угроз национальной безопасности требовал учета данных не только технических и естественных, но и общественных наук.

В этой связи в феврале 1945 г. военный министр США Г. Стимсон и морской министр Дж. Форрестол совместным решением образовали Комитет по исследованиям в интересах национальной безопасности (Research Board for National Security) [Kevles, 1975]. По мнению двух министров, на фоне уменьшения расходов на закупки серийных образцов (заказы начали сокращаться еще в 1944 г.) финансирование научных работ должно было сохраниться и в мирное время. Характерно, что в названии органа речь шла об исследованиях в интересах не «обороны», а «национальной безопасности». Перед американской наукой ставилась задача обеспечить отрыв от конкурентов — как противников, так и союзников. США должны были соревноваться только с «горизонтом», для определения которого в 1945 г. была начата серия крупных научно-исследовательских работ по долгосрочному прогнозированию тенденций развития технологий и военного дела [Бартенев, Веселов, 2015].

Значение прогнозирования вытекало также из уроков войны, а именно из роли фактора внезапности — как стратегической (Перл-Харбор), так и технологической (ракеты «Фау»). Проблеме внезапного нападения отводилось заметное место при определении возможного облика будущей войны. Один из первых документов этой серии был выпущен Комитетом начальников штабов 19 сентября 1945 г. и направлен в SWNCC. В документе, получившем обозначение SWNCC-282, указывалось, что любое следующее столкновение великих держав почти наверняка примет форму третьей мировой войны, избежать участия в которой США не смогут. Любое государство, которое в будущем попытается претендовать на мировую гегемонию, будет направлять свой удар по Соединенным Штатам до того, как они проведут мобилизацию вооруженных сил и промышленности, причем тенденции в развитии военных технологий способствуют осуществлению такого нападения. Таким образом,

США становятся уязвимы и лишаются былых преимуществ, обусловленных их географическим положением¹⁸.

Отсутствие времени на мобилизацию и стратегическое развертывание требовало содержания наличных сил, с которыми придется вступить в войну, на достаточно высоком уровне, в том числе на передовых рубежах на заморских театрах военных действий. Для этого в свою очередь нужна была сеть военных баз в ключевых, с точки зрения США, регионах. Сами передовые базы не были чем-то новым. Уже появление парового флота на океанских рубежах в XIX в. потребовало создания угольных станций, обеспечивавших действия кораблей. В межвоенный период бурное развитие зарубежных линий гражданской авиации рассматривалось в том числе как создание инфраструктуры, которая может использоваться ВВС.

В новой обстановке речь шла об изменении характера, масштабов и условий передового присутствия. Военные базы за рубежом становились каркасом создаваемой системы военно-политических союзов как «внешнего продолжения» национальной безопасности США и решали также задачи управления региональными балансами сил. Базы и союзы — это уже не «оборона» в традиционном смысле. Используемые американской авиацией и флотом аэродромы и порты в Европе, Северной Африке и Азии не защищали США, а обеспечивали проецирование силы. В свою очередь решение вопросов базирования выходило за рамки задач «обороны», поскольку требовало комплексного подхода, учета не только стратегических (конфигурация всей системы), но и внешнеполитических факторов (состав участников коалиции, условия ее формирования). Неслучайно обсуждение этой проблемы велось в рамках SWNCC. Создание системы передового базирования подчеркивало отсутствие границы между внутренней и внешней безопасностью. Практически одновременно с SWNCC-282 появился документ, сыгравший ключевую роль в утверждении концепции «национальной безопасности».

Закон о национальной безопасности и первые шаги по его реализации

Завершение войны в Европе стимулировало начало нового раунда борьбы Армии и ВМС вокруг предложений по оптимизации системы управления военной организацией государства. 15 мая 1945 г.

¹⁸ Basis for the formulation of a U.S. military policy. Memorandum prepared by the Joint Chiefs of Staff (SWNCC-282) // The Foreign Relations of the United States. 1946. Vol. I. General; the United Nations. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1972. P. 1160–1165.

сенатор Д. Уолш (председатель Комитета по военно-морским делам) предложил морскому министру Дж. Форрестолу проработать идею Совета национальной обороны как альтернативы предлагаемому Армией «суперминистерству»¹⁹. Одним источником этой идеи был уже функционировавший SWNCC, уровень которого предлагалось поднять, другим, тоже хорошо известным, — британская модель Имперского совета обороны, созданного в 1908 г., т.е. в мирное время (в тот же период, после русско-японской войны, аналогичный орган с похожими задачами появился в Российской империи — Совет государственной обороны, но о нем на Капитолийском холме, видимо, не знали). В этом предложении — создать не «военный кабинет» (также по британскому образцу), а орган мирного времени — уже содержалась подсказка: стирание грани между миром и войной — одна из ключевых идей концепции «национальной безопасности».

Для проработки этого вопроса Дж. Форрестол привлек своего однокурсника по Принстонскому университету Ф. Эберштадта, до войны — известного финансиста, с 1942 г. возглавлявшего правительственный Комитет по производству боеприпасов для армии и флота (Army and Navy Munitions Board), и выделил ему в помощь несколько десятков специалистов своего ведомства. Результатом стал объемный (почти 250 страниц) документ, известный как «доклад Эберштадта»²⁰, представленный морскому министру 25 сентября 1945 г.²¹

Ключевой идеей доклада было расширение повестки — от реорганизации системы управления обороной к созданию общегосударственного механизма обеспечения национальной безопасности. По мнению авторов, ссылавшихся на опыт войны, одной координации работы ведомств армии и флота недостаточно, необходимы интеграция военной и внешней политики, новая организация разведки и ресурсного обеспечения. «Главные задачи военной организации государства — обеспечение и защита национальной безопасности»²², под которыми подразумевались защита территории и владений США и силовое обеспечение внешней политики.

¹⁹ Unification of the War and Navy Departments and Postwar Organization for National Security. Report to Hon. James Forrestal, Secretary of the Navy. October 22, 1945. Washington, D.C.: United States Government printing office, 1945. P. III–IV. Available at: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=Kx7Csb-mj6MC&oi=fnd&pg=IA4&dq=national+security+1945&ots=bJ3UfvfFb0&sig=sZwhX3-x8pzvGDTX2TaSd-ylzOA&redir_esc=y (accessed: 17.05.2020).

²⁰ Ibid. P. 1–251.

²¹ Ibid. P. 1–2.

²² Ibid. P. 15.

В соответствии с новыми задачами авторы доклада предлагали создать два органа при президенте: Совет национальной безопасности и Комитет по ресурсам национальной безопасности (National Security Resources Board), а также централизовать разведку, которую Ф. Эберштадт позднее охарактеризовал как «первую линию обороны в атомный век» [цит. по: Warner, McDonald, 2005: 7]. Отдельные разделы доклада были посвящены науке и кадровому обеспечению национальной безопасности.

Дж. Форрестол согласился с этими предложениями и 18 октября 1945 г. отправил доклад в сенатский комитет как свой ответ на обращение Д. Уолша²³. В своих публичных выступлениях морской министр продвигал концепцию «национальной безопасности» как замену устаревшим представлениям об обеспечении обороны. Выступая на слушаниях по всеобщему военному обучению в Палате представителей, он отмечал: «Я использую здесь слово “безопасность” последовательно и постоянно вместо слова “оборона”» [цит. по: Yergin, 1977: 194]. При этом Дж. Форрестол пояснил, что вопросы национальной безопасности шире, чем проблемы армии и флота, при их рассмотрении необходимо принимать во внимание весь потенциал государства (промышленность, людские ресурсы, науку), а это выходит за рамки понятия «оборона».

Борьба двух концепций — «национальной обороны» (продвигаемой Армией) и «национальной безопасности» (поддерживаемой ВМС) — продолжалась на протяжении всего 1946 г. Президент Г. Трумэн первоначально симпатизировал первому варианту, но в итоге склонился ко второму. Свою роль сыграл упомянутый «призрак бонапартизма», видневшийся за предложением Армии. Но более важным было то, в 1946–1947 гг. руководство страны, несмотря на усиливавшуюся риторику «о происках коммунизма», было уверено в отсутствии непосредственных военных угроз для США.

В основе этого лежали как убежденность в собственном превосходстве (в первую очередь за счет атомной монополии), так и оценки реальных военных возможностей Советского Союза. Военные докладывали президенту о слабых местах вооруженных сил и промышленности СССР, с которыми они познакомились во время войны благодаря деятельности американских миссий и анализу советских заявок по ленд-лизу, обращая особое внимание на слабость ПВО и флота, отсутствие стратегической авиации [Leffler, 1994: 26–28; Jordan, 2000: 74]. Вместе с тем американские военные специалисты

²³ Ibid. P. VI.

высоко оценивали наступательный потенциал советских крупных механизированных формирований и опыт проведения стратегических операций заключительного периода войны. Более того, они считали практически неизбежной утрату Западной Германии в случае внезапного советского наступления. В этой связи планы применения американских войск в Европе первых послевоенных лет предусматривали их отступление до Рейна, а в пессимистичных сценариях — и до Пиренеев²⁴. Но при этом американская военная стратегия в Европе не была пораженческой и опиралась на опыт Второй мировой войны: сохранение плацдарма в виде Британских островов и последующая высадка на континенте по модели 1944 г. [Ross, 1996]. Именно такой сценарий был использован во время Корейской войны в 1950 г.: удержание Пусанского плацдарма и Инчхонская десантная операция. Условиями успеха подобной стратегии были доминирование на море и высокие шансы на завоевание господства в воздухе.

Таким образом, проблема обеспечения обороны в традиционном понимании в первые послевоенные годы была решена, но угрозы выглядели по-другому. По оценкам американской разведки, Советский Союз мог воспользоваться реальными трудностями европейских стран, политической нестабильностью, экономическими проблемами и социальной напряженностью, чтобы «захватить их изнутри», не прибегая к использованию военной силы в традиционной форме [Leffler, 1994: 30]. Это означало, что «иракский сценарий 1941 года», реализации которого на территории Латинской Америки США опасались во время войны, мог быть осуществлен после 1945 г. в Европе и Азии. Для противодействия этой угрозе требовались соответствующие инструменты, предоставить которые оптимизация системы военного управления не могла.

В результате концепция «национальной безопасности» была воспринята. 26 июля 1947 г. президент Г. Трумэн подписал Закон о национальной безопасности²⁵, которым учреждались Совет национальной безопасности, Комитет по ресурсам национальной безопасности, Центральное разведывательное управление и Минис-

²⁴ America's plans for war against the Soviet Union, 1945–1950. A 15-volume set reproducing in facsimile 98 plans and studies created by the Joint Chiefs of Staff / Ed. by S.T. Ross, D.A. Rosenberg. Vol. 1. The Strategic Environment. New York, London: Garland Publishing, Inc., 1990.

²⁵ National Security Act of 1947. Public Law 80–253. July 26, 1947 // The National Archives and Records Administration. Available at: <https://catalog.archives.gov/id/299856> (accessed: 12.05.2020).

терство обороны (точнее, законом было учреждено не министерство, а «военное ведомство» (National Military Establishment) во главе с министром обороны и тремя специальными помощниками по видам вооруженных сил). Таким образом, была создана «надстройка», призванная интегрировать политику, экономику и стратегию во внешнем и внутреннем измерениях, в том числе: внутреннюю политику с внешней; политику с экономикой; политику со стратегией; политику с идеологией (внутри страны и за рубежом). Такая интеграция должна была обеспечивать национальные интересы США без перехода порога войны, поскольку появление ядерного оружия даже в условиях атомной монополии требовало тщательного соизмерения целей и затрачиваемых на их достижение средств.

Созданный механизм должен был решить не одну, а две задачи: обеспечивать национальную безопасность США и подрывать национальную безопасность их противников, прежде всего Советского Союза, быстро превратившегося во врага № 1. При этом наличие внешней угрозы имело и обратную сторону: она помогала окончательно победить изоляционизм в Соединенных Штатах.

Как было отмечено, безопасность рассматривалась создателями концепции как активное средство продвижения, а не простой защиты национальных интересов США. Вскоре после принятия закона это привело к появлению нового инструмента — разработанной Дж. Кеннаном концепции «политической войны» как средства реализации его же идей «сдерживания» (containment). Содержание этой концепции Дж. Кеннан изложил в документе, предназначенном для Совета национальной безопасности и имевшем высший гриф секретности.

По его словам, «политическая война является логическим продолжением доктрины Клаузевица для мирного времени. В самом широком смысле политическая война представляет собой применение всех средств, имеющихся в распоряжении государственного руководства, не являющихся войной [short of war], в интересах достижения национальных целей. Подобные действия могут быть явными и тайными. Их диапазон простирается от таких явных мер, как заключение политических союзов, экономические мероприятия (наподобие “Программы восстановления Европы”) и “белая” пропаганда, до таких тайных операций, как поддержка дружественных сил за рубежом, “черная” психологическая война и даже поощрение вооруженного подполья в государствах-противниках»²⁶.

²⁶ Kennan G.F. The Inauguration of Organized Political Warfare. April 30, 1948 // Wilson Center. Digital Archive International History Declassified. Available at: <https://>

При редактировании документа Дж. Кеннан вычеркнул уточнение, что перечисленные меры должны одновременно укреплять собственную безопасность и ослаблять противника, но и без этого дополнения было очевидно, что «национальная безопасность» рассматривалась как наступательное оружие. В этой связи весьма примечательно включение Дж. Кеннаном «плана Маршалла» в спектр «политической войны». Это свидетельствует о том, что задача данного проекта была не только и не столько в экономической помощи странам Европы (программа была объявлена, когда самый трудный период — первые два послевоенных года — был уже позади), сколько в укреплении в этих государствах проамериканской элиты как опоры при достижении внешнеполитических и военно-политических целей США. Приведенный пример еще раз демонстрирует интегральный характер концепции «национальной безопасности», включающей политические, экономические и психологические компоненты.

* * *

Вторая мировая война была многомерным явлением, и такими же многомерными оказались извлеченные из нее уроки. Один из них заключался в понимании необходимости выработки и принятия концепции «национальной безопасности» как нового инструмента политики, интегрирующего все компоненты мощи государства. Это был не просто удачный термин, позитивная эмоциональная окраска которого отвечала нуждам строительства нового миропорядка и позволяла консолидировать не только вооруженные силы, но и общественную поддержку. Именно такой инструмент оказался востребован в ситуации, когда на смену глобальному конфликту пришел не «мир» в традиционном понимании, а новое состояние международных отношений, получившее обозначение «холодная война».

Концепция, в названии которой присутствует слово «национальная», в действительности служила интересам формирования нового мироустройства, но в этом не было противоречия — это был миропорядок для одной державы, одной «нации» (имея в виду принятое в США толкование понятие nation). Это объясняет неудачу попыток найти ему замену после окончания «холодной войны» в виде, например, концепции «кооперационной безопасности» (cooperative security).

Завершение биполярного противостояния не привело к списанию концепции «национальной безопасности» в архив. Более того, она стала снова востребованной в своем исходном варианте, существовавшим до 1950 г., когда начался перекося в сторону милитаризации. Разработанная Дж. Кеннаном в 1946–1947 гг. концепция «политической войны» стала инструментом построения нового миропорядка в 1990-е годы и в XXI в. Представление об отсутствии границы между внутренней и внешней безопасностью, о необходимости «внешнего продолжения» национальной безопасности США было исходным моментом при формировании концепции однополярного мира как оптимальной, с точки зрения Вашингтона, формы организации международных отношений. Концепция «политической войны» стала востребована вновь, когда администрация Д. Трампа охарактеризовала современные международные отношения как «возвращение соперничества великих держав». Именно в разработках первых лет «холодной войны» можно найти истоки и «цветных революций», и санкционного давления, и информационных войн.

В этой связи информационные баталии вокруг Второй мировой войны не являются случайными. Мы по-прежнему живем в послевоенном мире, история которого насчитывает уже три четверти века. Мы существуем в системе международных отношений, сформированной по итогам Второй мировой войны, и всё еще учимся на ее уроках.

«Тень» этого конфликта оказалась очень длинной. В ней выросла концепция «национальной безопасности», развивавшаяся и углубляясь, и вширь, затем появились концепции «мягкой силы», «умной силы», «гибридной войны» и др. Эволюция концепции «национальной безопасности» может стать предметом дальнейшего исследования, имеющего не только теоретический, но и прикладной характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонова Г.А. Совет национальной безопасности США: история создания и начальный период деятельности. 1947–1960. М.: Наука, 1977.
2. Бартенев В.И., Веселов В.А. «К новым горизонтам»: американский опыт долгосрочного технологического прогнозирования в интересах национальной безопасности 1944–1946 гг. // Клио. 2015. № 12 (108). С. 135–146.
3. Батюк В.И. Холодная война между США и СССР (1945–1991 гг.): очерки истории. М.: Весь мир, 2018.
4. Веселов В.А., Фененко А.В. «Воздушная мощь» в мировой политике // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 3. С. 6–27. DOI: 10.17994/IT.2016.14.3.46.2.

5. Коваль В.С. Политика и стратегия США во Второй мировой войне (проблема парирования угрозы из Европы до перелома в войне). Киев: Наукова думка, 1987.

6. Мальков В.Л. Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. М.: Наука, 2004.

7. Мальков В.Л. Россия и США в XX веке: очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. М.: Наука, 2009.

8. Маныкин А.С. Изоляционизм и формирование внешнеполитического курса США (1923–1929). М.: Издательство МГУ, 1980.

9. Маныкин А.С. От сотрудничества к конфликтному взаимодействию: трансформация американских подходов по отношению к СССР в 1945–1947 гг. // Преподавание истории и обществознания в школе. 2018. № 4. С. 19–29.

10. Минкова К.В. «Заложить основу мирного экономического сотрудничества между разными экономическими мирами»: дискуссии по экономическим вопросам в советско-американских отношениях 1945–1946 гг. // Клио. 2016. № 7. С. 110–116.

11. Петровский В.Ф. Доктрина «национальной безопасности» в глобальной стратегии США. М.: Международные отношения, 1980.

12. Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. М.: Терра, 2006.

13. Печатнов В.О. Уолтер Липпман и пути Америки. М.: Международные отношения, 1994.

14. Печатнов В.О. Уроки Второй мировой войны в военно-политическом планировании США и СССР на послевоенный период // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2009. № 1. С. 116–133.

15. Сидоров А.А. Англо-американские переговоры в годы Второй мировой войны и формирование основ послевоенной международной торговой системы // Новая и новейшая история. 2018. № 2. С. 39–57.

16. Сидоров А.А. «Единый мир» глазами Рузвельта: финансово-экономические аспекты американских планов послевоенного мирового устройства // Новая и новейшая история. 2016. № 3. С. 64–76.

17. Сидоров А.А. «Новый курс» для «нового мира»: американские планы послевоенного международного устройства // Преподавание истории и обществознания в школе. 2017. № 4. С. 16–25.

18. Фененко А.В., Веселов В.А. Противовоздушная мощь в мировой политике // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 2. С. 47–69. DOI: 10.17994/IT.2019.17.2.57.2.

19. Френкель М.Ю. Планы вторжения германской армии в Америку в 1940–1942 гг. // США: экономика, политика, идеология. 1993. № 12. С. 73–81.

20. Barlow J.G. From hot war to cold: The US Navy and national security affairs, 1945–1955. Stanford: Stanford University Press, 2009.

21. Bowers P.M. *Boeing Aircraft since 1916*. 3rd ed. Annapolis: Naval Institute Press, 1989.
22. Brands H. *What good is grand strategy? Power and purpose in American statecraft from Harry S. Truman to George W. Bush*. Ithaca: Cornell University Press, 2014.
23. Cairns J.C. Planning for 'la guerre des masses': Constraints and contradictions in France before 1940 // *Military planning in the Twentieth century: proceedings of the Eleventh Military History Symposium*, 10–12 October 1984 / Ed. by H.R. Borowski. Washington, D.C.: U.S. Air Force, Office of Air Force History, 1986. P. 37–66.
24. Correll J.T. The revolt of the admirals // *Air Force Magazine*. 2018. No. 7. P. 54–59.
25. Crim B.E. *Our Germans: Project Paperclip and the national security state*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2018.
26. Cull N.J. *Selling war: The British propaganda campaign against American 'neutrality' in World War II*. Oxford, New York: Oxford University Press, 1995.
27. Curatola J.M. *Bigger bombs for a brighter tomorrow: The Strategic Air Command and American war plans at the dawn of the atomic age, 1945–1950*. Jefferson: McFarland & Company, 2016.
28. Dallek M. *Defenseless under the night: The Roosevelt years and the origins of homeland security*. New York, Oxford: Oxford University Press, 2016.
29. Dyer E.M. *Japanese secret projects: Experimental aircraft of the IJA & IJN 1939–1945*. Hersham: Midland Publishing, 2009.
30. Earle E.M. American military policy and national security // *Political Science Quarterly*, 1938. Vol. 53. No. 1. P. 1–13. Available at: www.jstor.org/stable/2143601 (accessed: 14.05.2020).
31. Earle E.M. American security — its changing conditions // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1941. Vol. 18. No. 2. P. 186–193. Available at: www.jstor.org/stable/1023250 (accessed: 14.05.2020).
32. Earle E.M. Political and military strategy for the United States // *Proceedings of the Academy of Political Science*. 1941. Vol. 19. No. 2. P. 1–9. Available at: www.jstor.org/stable/1172583 (accessed: 14.05.2020).
33. Ekbladh D. *The great American mission: Modernization and the construction of an American world order*. Princeton: Princeton University Press, 2010.
34. Engel J.A. *Cold War at 30,000 feet: The Anglo-American fight for aviation supremacy*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2007.
35. Fergie D. *Geopolitics turned inwards: The Princeton Military Studies Group and the national security imagination* // *Diplomatic History*. 2019. Vol. 43. No. 4. P. 644–670. DOI: 10.1093/dh/dhz026.
36. Fordham B.O. *Building the Cold War consensus: The political economy of U.S. national security policy, 1949–1951*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998.
37. Forsyth R., Creek E.J. *Messerschmitt Me 264 Amerika Bomber: The Luftwaffe's lost transatlantic bomber*. Hersham: Midland Publishing, 2006.

38. Futrell R.F. Ideas, concepts, doctrine. Vol. I. Basic thinking in the United States Air Force, 1907–1960. Maxwell: Air University Press, 1989.
39. Gaddis J.L. Strategies of containment: A critical appraisal of American national security policy during the Cold War. Revised and expanded edition. New York, Oxford: Oxford University Press, 2005.
40. Gray C.S. Harry S. Truman and the forming of American grand strategy in the Cold War, 1945–1953 // The shaping of grand strategy: Policy, diplomacy, and war / Ed. by W. Murray, R.H. Sinnreich, J. Lacey. New York: Cambridge University Press, 2011. P. 210–253.
41. Helleiner E. Forgotten foundations of Bretton Woods. Ithaca: Cornell University Press, 2014.
42. Hogan M.J. A Cross of Iron: Harry S. Truman and the origins of the national security state, 1945–1954. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1998.
43. Holm M. The Marshall Plan: A New Deal for Europe. New York: Routledge, 2017.
44. Hoopes T., Brinkley D. Driven patriot: The life and times of James Forrestal. Annapolis: Naval Institute Press, 2012.
45. Horowitz S. Restarting globalization after World War II: Structure, coalitions, and the Cold War // Comparative Political Studies. 2004. Vol. 37. No. 2. P. 127–151.
46. Ikenberry G.J. After victory: Institutions, strategic restraint, and the rebuilding of order after major wars. Princeton: Princeton University Press, 2009.
47. Jackson I. The economic Cold War: America, Britain and East-West trade, 1948–1963. New York: Palgrave Macmillan, 2001.
48. Jacobsen M.K. Convair B-36: A comprehensive history of America's 'Big Stick'. Atglen: Schiffer Military History, 1997.
49. Jordan R.S. Norstad: Cold War NATO Supreme Commander: Airman, strategist, diplomat. London: Palgrave Macmillan, 2000.
50. Kevles D.J. Scientists, the military, and the control of postwar defense research: The case of the Research Board for National Security, 1944–46 // Technology and Culture. 1975. Vol. 16. No. 1. P. 20–47.
51. Kimball W.F. The Juggler: Franklin Roosevelt as wartime statesman. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991.
52. Klingaman W.K. The darkest year: The American home front 1941–1942. New York: St. Martin's Press, 2019.
53. Lacey J. The economic making of peace // The making of peace: Rulers, states, and the aftermath of war / Ed. by W. Murray, J. Lacey. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2008. P. 309–322.
54. LaFeber W. America, Russia, and the Cold War, 1945–2006. 10th ed. Boston: McGraw-Hill, 2008.
55. Latham R. The liberal moment: Modernity, security, and the making of postwar international order. New York: Columbia University Press, 1997.
56. Layne C. The peace of illusions: American grand strategy from 1940 to the present. Ithaca: Cornell University Press, 2006.

57. Leffler M.P. National security and US foreign policy // *Origins of the Cold War: An international history* / Ed. by M.P. Leffler, D.S. Painter. London, New York: Routledge, 1994. P. 15–52.

58. Leffler M.P. A preponderance of power: National security, the Truman administration, and the Cold War. Stanford: Stanford University Press, 1992.

59. Leffler M.P. Safeguarding democratic capitalism: U.S. foreign policy and national security, 1920–2015. Princeton: Princeton University Press, 2017.

60. Lippmann W. U.S. foreign policy: Shield of republic. New York: Pocket books, 1943.

61. McFarland K.D., Roll D.L. Louis Johnson and the arming of America: The Roosevelt and Truman years. Bloomington: Indiana University Press, 2005.

62. McFarland S.L. The Air Force in the Cold War, 1945–1960: Birth of a new defense paradigm // *Airpower Journal*. 1996. Vol. 10. No. 3. P. 4–15.

63. Mitchell W.C. et al. Discussion: The bases of an American defense policy: Armed forces // *Proceedings of the Academy of Political Science*. 1941. Vol. 19. No. 2. P. 49–57.

64. Morgenthau H.J. In defense of the national interest. New York: Knopf, 1951.

65. Morgenthau H.J. Politics among nations: The struggle for power and peace. New York: A.A. Knopf, 1948.

66. Nowarra H.J. Junkers — Ju 290, Ju 390, etc. [translated from the German by D. Cox]. Atglen, PA: Schiffer, 1997.

67. Nelson A.K. The evolution of the national security state: ubiquitous and endless // *The long war: A new history of U.S. national security policy since World War II* / Ed. by A.J. Bacevich. New York: Columbia University Press, 2007. P. 265–301.

68. Offley E. The burning shore: How Hitler's U-boats brought World War II to America. New York: Basic Books, 2014.

69. Parmar I. 'Mobilizing America for an internationalist foreign policy': The role of the Council on Foreign Relations // *Studies in American Political Development*. 1999. Vol. 13. No. 2. P. 337–373.

70. Patel K.K. The New Deal: A global history. Princeton: Princeton University Press, 2017.

71. Patrick S. Best laid plans: The origins of American multilateralism and the dawn of the Cold War. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2009.

72. Perez R.C., Willett E.F. The will to win: A biography of Ferdinand Eberstadt. New York: Greenwood Press, 1989.

73. Pollard R.A. Economic security and the origins of the Cold War, 1945–1950. New York: Columbia University Press, 1985.

74. Porter P. Beyond the American century: Walter Lippmann and American grand strategy, 1943–1950 // *Diplomacy and Statecraft*. 2011. Vol. 22. No. 4. P. 557–577.

75. Quester G.H. Deterrence before Hiroshima: The airpower background of modern strategy. New York: Wiley, 1966.

76. Rosenboim O. The emergence of globalism: Visions of world order in Britain and the United States, 1939–1950. Princeton: Princeton University Press, 2017.

77. Ross S.T. American war plans, 1945–1950: Strategies for defeating the Soviet Union. London: Frank Cass, 1996.

78. Steel R. Walter Lippmann and the American Century. Boston: Little, Brown & Co, 1980.

79. Stoler M.A. Allies and adversaries: The Joint Chiefs of Staff, the Grand Alliance, and U.S. strategy in World War II. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2000.

80. Szafranski R. Interservice rivalry in action: The endless roles and missions refrain // *Airpower Journal*. 1996. Vol. 10. No. 2. P. 48–59.

81. Taylor G.D. The Axis replacement program: Economic warfare and the chemical industry in Latin America, 1942–44 // *Diplomatic History*. 1984. Vol. 8. No. 2. P. 145–164.

82. Thompson J.A. Conceptions of national security and American entry into World War II // *Diplomacy and Statecraft*. 2005. Vol. 16. No. 4. P. 671–697.

83. Thompson J.A. The geopolitical vision: The myth of an outmatched USA // *Uncertain empire: American history and the idea of the Cold War* / Ed. by J. Isaac, D. Bell. Oxford, New York: Oxford University Press, 2012. P. 91–114.

84. Thompson J.A. A sense of power: The roots of America's global role. Ithaca: Cornell University Press, 2015.

85. Waddell B. Toward the national security state: Civil-military relations during World War II. Westport: Praeger, 2008.

86. Ward R.D. The origin and activities of the National Security League, 1914–1919 // *The Mississippi Valley Historical Review*. 1960. Vol. 47. No. 1. P. 51–65. Available at: www.jstor.org/stable/1891278 (accessed: 14.05.2020).

87. Warner M., McDonald J.K. US intelligence community reform studies since 1947. Washington, D.C.: Center for the Study of Intelligence, 2005. Available at: <https://fas.org/irp/cia/product/reform.pdf> (accessed: 16.05.2020).

88. Yergin D. Shattered peace: The origins of the Cold War and the national security state. New York: Houghton Mifflin, 1977.

V.A. Veselov

A LONG SHADOW OF WORLD WAR II: DEVELOPMENT OF THE NATIONAL SECURITY CONCEPT IN THE UNITED STATES

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

In recent years, the history of World War II has transformed into a battlefield in its own right in the ‘war of memory’. Besides the clear fact that the

current attempts to revise the results of this war reflect the contemporary international tensions, yet another factor should be noted. The ‘shadow’ of the Second World War appears to be very long. It manifests itself not only in the contemporary system of international relations, but also in the fact that we still view the world around through the prism of concepts that appeared during the state of war and still bear its mark. Particularly, the concept of national security. This paper examines the emergence and development of this concept in the United States. The author notes that although the concept of national security existed throughout the 20th century, before World War II it was identified primarily with the defense of the state. The paper examines how lessons of the Second World War led to a rethinking of this concept, and how approaches to national security evolved during the war and immediately after it. Special attention is given to discussions that preceded the adoption of the National Security Act of 1947, as well as to its initial results. The author demonstrates that the national security concept was based on a fundamental recognition of the existence of a special state between peace and war. For successful functioning within this state, the government needs to rely on a wide range of tools of both economic and military-political and ideological nature. Based on the lessons from the war, national security was viewed as an ‘overarching structure’, aimed not only at integrating various components of the state’s policy, but also at eliminating any contradictions that may arise between them. On the other hand, the author emphasizes that from the very beginning the national security concept had a pronounced proactive, offensive and expansionist character. Being considered as an antipode to the concept of collective security, this concept reflected the will of the US elites not only to get integrated in the existing system of international relations, but to create a new one, which would be based on the American values and would ensure the stable functioning of the US economy. The author concludes that it is precisely the multidimensionality of the national security concept caused by the multidimensional nature of the challenges of World War II that explains its continued relevance for the study of world politics.

Keywords: World War II, national security, the United States, military strategy, defense, military policy, international security, collective security.

About the author: *Vasilii A. Veselov* — PhD (History), Deputy Head of the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vves@fmp.msu.ru).

REFERENCES

1. Agafonova G.A. 1977. *Sovet natsional'noi bezopasnosti SShA: istoriya sozdaniya i nachal'nyi period deyatel'nosti. 1947–1960* [United States National Security Council: Creation and early history. 1947–1960]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

2. Bartenev V.I., Veselov V.A. 2015. 'K novym gorizontam': amerikanskii opyt dolgosrochnogo tekhnologicheskogo prognozirovaniya v interesakh natsional'noi bezopasnosti 1944–1946 gg. ['Toward new horizons': The U.S. experience of long-term technology foresight in the interest of national security (1944–1946)]. *Klio*, no. 12 (108), pp. 135–146. (In Russ.)

3. Batyuk V.I. 2018. *Kholodnaya voina mezhdu SShA i SSSR (1945–1991 gg.): ocherki istorii* [The Cold War between the United States and the Soviet Union: Essays on history]. Moscow, Ves' mir Publ. (In Russ.)

4. Veselov V.A., Fenenko A.V. 2016. 'Vozdushnaya moshch' v mirovoi politike ['Air power' in international politics]. *International trends*, vol. 14, no. 3, pp. 6–27. DOI: 10.17994/IT.2016.14.3.46.2. (In Russ.)

5. Koval' V.S. 1987. *Politika i strategiya SShA vo Vtoroi mirovoi voine (problema parirovaniya ugrozy iz Evropy do pereloma v voine)* [The United States' policy and strategy in the Second World War (Countering threats from Europe before the turning point in the war)]. Kiev, Naukova dumka Publ. (In Russ.)

6. Mal'kov V.L. 2004. *Put' k imperstvu: Amerika v pervoi polovine XX veka* [The path to empire: America in the first half of the twentieth century]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

7. Mal'kov V.L. 2009. *Rossiya i SShA v XX veke* [Russia and the United States in the 20th century]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

8. Manykin A.S. 1980. *Izolyatsionizm i formirovanie vneshnepoliticheskogo kursa SShA (1923–1929)* [Isolationism and the development of the United States' foreign policy (1923–1929)]. Moscow, Moscow University Press. (In Russ.)

9. Manykin A.S. 2018. Ot sotrudnichestva k konfliktnomu vzaimodeistviyu: transformatsiya amerikanskikh podkhodov po otnosheniyu k SSSR v 1945–1947 gg. [From cooperation to conflict interaction: Transformation of American policy towards Soviet Union in 1945–1947]. *Prepodavanie istorii i obshchestvoznaniya v shkole*, no. 4, pp. 19–29. (In Russ.)

10. Minkova K.V. 2016. 'Zalozhit' osnovu mirnogo ekonomicheskogo sotrudnichestva mezhdu raznymi ekonomicheskimi mirami': diskussii po ekonomicheskim voprosam v sovetsko-amerikanskikh otnosheniyakh 1945–1946 gg. ['To lay the basis for peaceful economic collaboration between different economic worlds': Discussions on economic issues in the US-Soviet relations (1945–1946)]. *Klio*, no. 7, pp. 110–116. (In Russ.)

11. Petrovskii V.F. 1980. *Doktrina 'natsional'noi bezopasnosti' v global'noi strategii SShA* [The doctrine of 'national security' in the US global strategy]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)

12. Pechatnov V.O. 2006. *Stalin, Ruzvel't, Trumen: SSSR i SShA v 1940-kh gg.* [Stalin, Roosevelt, Truman: The Soviet Union and the United States in 1940s]. Moscow, Terra Publ. (In Russ.)

13. Pechatnov V.O. 1994. *Uolter Lippman i puti Ameriki* [Walter Lippmann and paths of America]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)

14. Pechatnov V.O. 2009. Uroki Vtoroi mirovoi voiny v voenno-politicheskom planirovanii SShA i SSSR na poslevoennyi period [The lessons of the Second

World War in the American and Soviet strategic planning for the postwar period]. *Moscow University Bulletin of World Politics*, no. 1, pp. 116–133. (In Russ.)

15. Sidorov A.A. 2018. Anglo-amerikanskije peregovory v gody Vtoroi mirovoi voiny i formirovanie osnov poslevoennoi mezhdunarodnoi torgovoi sistemy [Anglo-American negotiations and the formation of the foundations of the postwar international trading system during the Second World War]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 2, pp. 39–57. (In Russ.)

16. Sidorov A.A. 2016. 'Edinyi mir' glazami Ruzvel'ta: finansovo-ekonomicheskie aspekty amerikanskikh planov poslevoennogo mirovogo ustroistva ['One world' of Roosevelt: Financial and economic aspects of the American post-war world order plans]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 3, pp. 64–76. (In Russ.)

17. Sidorov A.A. 2017. 'Novyi kurs' dlya 'novogo mira': amerikanskije plany poslevoennogo mezhdunarodnogo ustroistva ['New Deal' for the 'New World': American plans for the postwar international order]. *Prepodavanie istorii i obshchestvoznaniya v shkole*, no. 4, pp. 16–25. (In Russ.)

18. Fenenko A.V., Veselov V.A. 2019. Protivovozdushnaya moshch' v mirovoi politike [Counter-air power in international politics]. *International trends*, vol. 17, no. 2, pp. 47–69. DOI: 10.17994/IT.2019.17.2.57.2. (In Russ.)

19. Frenkel' M.Yu. 1993. Plany vtorzheniya germanskoi armii v Ameriku v 1940–1942 gg. [The German army plans for the invasion of the United States in 1940–1942]. *USA & Canada: economics, politics, culture*, no. 12, pp. 73–81. (In Russ.)

20. Barlow J.G. 2009. *From hot war to cold: The US Navy and national security affairs, 1945–1955*. Stanford, Stanford University Press.

21. Bowers P.M. 1989. *Boeing Aircraft since 1916*. 3rd ed. Annapolis, Naval Institute Press.

22. Brands H. 2014. *What good is grand strategy? Power and purpose in American statecraft from Harry S. Truman to George W. Bush*. Ithaca, Cornell University Press.

23. Cairns J.C. 1986. Planning for 'la guerre des masses': Constraints and contradictions in France before 1940. In Borowski H.R. (ed.). *Military planning in the Twentieth century: proceedings of the Eleventh Military History Symposium, 10–12 October 1984*. Washington, D.C., U.S. Air Force, Office of Air Force History, pp. 37–66.

24. Correll J.T. 2018. The revolt of the admirals. *Air Force Magazine*, no. 7, pp. 54–59.

25. Crim B.E. 2018. *Our Germans: Project Paperclip and the national security state*. Baltimore, Johns Hopkins University Press.

26. Cull N.J. 1995. *Selling war: The British propaganda campaign against American 'neutrality' in World War II*. Oxford, New York, Oxford University Press.

27. Curatola J.M. 2016. *Bigger bombs for a brighter tomorrow: The Strategic Air Command and American war plans at the dawn of the atomic age, 1945–1950*. Jefferson, McFarland & Company.

28. Dallek M. 2016. *Defenseless under the night: The Roosevelt years and the origins of homeland security*. New York, Oxford, Oxford University Press.
29. Dyer E.M. 2009. *Japanese secret projects: Experimental aircraft of the IJA & IJN 1939–1945*. Hersham, Midland Publishing.
30. Earle E.M. 1938. American military policy and national security. *Political Science Quarterly*, vol. 53, no. 1, pp. 1–13. Available at: www.jstor.org/stable/2143601 (accessed: 14.05.2020).
31. Earle E.M. 1941a. American security — its changing conditions. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 18, no. 2, pp. 186–193. Available at: www.jstor.org/stable/1023250 (accessed: 14.05.2020).
32. Earle E.M. 1941b. Political and military strategy for the United States. *Proceedings of the Academy of Political Science*, vol. 19, no. 2, pp. 1–9. Available at: www.jstor.org/stable/1172583 (accessed: 14.05.2020).
33. Ekbladh D. 2010. *The great American mission: Modernization and the construction of an American world order*. Princeton, Princeton University Press.
34. Engel J.A. 2007. *Cold War at 30,000 feet: The Anglo-American fight for aviation supremacy*. Cambridge, MA, Harvard University Press.
35. Fergie D. 2019. Geopolitics turned inwards: The Princeton Military Studies Group and the national security imagination. *Diplomatic History*, vol. 43, no. 4, pp. 644–670. DOI: 10.1093/dh/dhz026.
36. Fordham B.O. 1998. *Building the Cold War consensus: The political economy of U.S. national security policy, 1949–1951*. Ann Arbor, University of Michigan Press.
37. Forsyth R., Creek E.J. 2006. *Messerschmitt Me 264 Amerika Bomber: The Luftwaffe's lost transatlantic bomber*. Hersham, Midland Publishing.
38. Futrell R.F. 1989. *Ideas, concepts, doctrine. Vol. I. Basic thinking in the United States Air Force, 1907–1960*. Maxwell, Air University Press.
39. Gaddis J.L. 2005. *Strategies of containment: A critical appraisal of American national security policy during the Cold War*. Revised and expanded edition. New York, Oxford, Oxford University Press.
40. Gray C.S. 2011. Harry S. Truman and the forming of American grand strategy in the Cold War, 1945–1953. In Murray W., Sinnreich R.H., Lacey J. (eds.). *The shaping of grand strategy: Policy, diplomacy, and war*. New York, Cambridge University Press, pp. 210–253.
41. Helleiner E. 2014. *Forgotten foundations of Bretton Woods*. Ithaca, Cornell University Press.
42. Hogan M.J. 1998. *A Cross of Iron: Harry S. Truman and the origins of the national security state, 1945–1954*. Cambridge, New York, Cambridge University Press.
43. Holm M. 2017. *The Marshall Plan: A New Deal for Europe*. New York, Routledge.
44. Hoopes T., Brinkley D. 2012. *Driven patriot: The life and times of James Forrestal*. Annapolis, Naval Institute Press.

45. Horowitz S. 2004. Restarting globalization after World War II: Structure, coalitions, and the Cold War. *Comparative Political Studies*, vol. 37, no. 2, pp. 127–151.
46. Ikenberry G.J. 2009. *After victory: Institutions, strategic restraint, and the rebuilding of order after major wars*. Princeton, Princeton University Press.
47. Jackson I. 2001. *The economic Cold War: America, Britain and East-West trade, 1948–1963*. New York, Palgrave Macmillan.
48. Jacobsen M.K. 1997. *Convair B-36: A comprehensive history of America's 'Big Stick'*. Atglen, Schiffer Military History.
49. Jordan R.S. 2000. *Norstad: Cold War NATO Supreme Commander: Airman, strategist, diplomat*. London, Palgrave Macmillan.
50. Kevles D.J. 1975. Scientists, the military, and the control of postwar defense research: The case of the Research Board for National Security, 1944–46. *Technology and Culture*, vol. 16, no. 1, pp. 20–47.
51. Kimball W.F. 1991. *The Juggler: Franklin Roosevelt as wartime statesman*. Princeton, NJ, Princeton University Press.
52. Klingaman W.K. 2019. *The darkest year: The American home front 1941–1942*. New York, St. Martin's Press.
53. Lacey J. 2008. The economic making of peace. In Murray W., Lacey J. (eds.). *The making of peace: Rulers, states, and the aftermath of war*. Cambridge, New York, Cambridge University Press, pp. 309–322.
54. LaFeber W. 2008. *America, Russia, and the Cold War, 1945–2006*. 10th ed. Boston, McGraw-Hill.
55. Latham R. 1997. *The liberal moment: Modernity, security, and the making of postwar international order*. New York, Columbia University Press.
56. Layne C. 2006. *The peace of illusions: American grand strategy from 1940 to the present*. Ithaca, Cornell University Press.
57. Leffler M.P. 1994. National security and US foreign policy. In Leffler M.P., Painter D.S. (eds.). *Origins of the Cold War: An international history*. London, New York, Routledge, pp. 15–52.
58. Leffler M.P. 1992. *A preponderance of power: National security, the Truman administration, and the Cold War*. Stanford, Stanford University Press.
59. Leffler M.P. 2017. *Safeguarding democratic capitalism: U.S. Foreign policy and national security, 1920–2015*. Princeton, Princeton University Press.
60. Lippmann W. 1943. *U.S. foreign policy: Shield of republic*. New York, Pocket books.
61. McFarland K.D., Roll D.L. 2005. *Louis Johnson and the arming of America: The Roosevelt and Truman years*. Bloomington, Indiana University Press.
62. McFarland S.L. 1996. The Air Force in the Cold War, 1945–1960: Birth of a new defense paradigm. *Airpower Journal*, vol. 10, no. 3, pp. 4–15.
63. Mitchell W.C. et al. 1941. Discussion: The bases of an American defense policy: Armed forces. *Proceedings of the Academy of Political Science*, vol. 19, no. 2, pp. 49–57.
64. Morgenthau H.J. 1951. *In defense of the national interest*. New York, Knopf.

65. Morgenthau H.J. 1948. *Politics among nations: The struggle for power and peace*. New York, A.A. Knopf.
66. Nowarra H.J. 1997. *Junkers — Ju 290, Ju 390, etc.* [translated from the German by D. Cox]. Atglen, PA, Schiffer.
67. Nelson A.K. 2007. The evolution of the national security state: ubiquitous and endless. In Bacevich A.J. (ed.). *The long war: A new history of U.S. national security policy since World War II*. New York, Columbia University Press, pp. 265–301.
68. Offley E. 2014. *The burning shore: How Hitler's U-boats brought World War II to America*. New York, Basic Books.
69. Parmar I. 1999. 'Mobilizing America for an internationalist foreign policy': The role of the Council on Foreign Relations. *Studies in American Political Development*, vol. 13, no. 2, pp. 337–373.
70. Patel K.K. 2017. *The New Deal: A global history*. Princeton, Princeton University Press.
71. Patrick S. 2009. *Best laid plans: The origins of American multilateralism and the dawn of the Cold War*. Lanham, Rowman & Littlefield Publishers.
72. Perez R.C., Willett E.F. 1989. *The will to win: A biography of Ferdinand Eberstadt*. New York, Greenwood Press.
73. Pollard R.A. 1985. *Economic security and the origins of the Cold War, 1945–1950*. New York, Columbia University Press.
74. Porter P. 2011. Beyond the American century: Walter Lippmann and American grand strategy, 1943–1950. *Diplomacy and Statecraft*, vol. 22, no. 4, pp. 557–577.
75. Quester G.H. 1966. *Deterrence before Hiroshima: The airpower background of modern strategy*. New York, Wiley.
76. Rosenboim O. 2017. *The emergence of globalism: Visions of world order in Britain and the United States, 1939–1950*. Princeton, Princeton University Press.
77. Ross S.T. 1996. *American war plans, 1945–1950: Strategies for defeating the Soviet Union*. London, Frank Cass.
78. Steel R. 1980. *Walter Lippmann and the American Century*. Boston, Little, Brown & Co.
79. Stoler M.A. 2000. *Allies and adversaries: The Joint Chiefs of Staff, the Grand Alliance, and U.S. strategy in World War II*. Chapel Hill, University of North Carolina Press.
80. Szafranski R. 1996. Interservice rivalry in action: The endless roles and missions refrain. *Airpower Journal*, vol. 10, no. 2, pp. 48–59.
81. Taylor G.D. 1984. The Axis replacement program: Economic warfare and the chemical industry in Latin America, 1942–44. *Diplomatic History*, vol. 8, no. 2, pp. 145–164.
82. Thompson J.A. 2005. Conceptions of national security and American entry into World War II. *Diplomacy and Statecraft*, vol. 16, no. 4, pp. 671–697.
83. Thompson J.A. 2012. The geopolitical vision: The myth of an out-matched USA. In Isaac J., Bell D. (eds.). *Uncertain empire: American history*

and the idea of the Cold War. Oxford, New York, Oxford University Press, pp. 91–114.

84. Thompson J.A. 2015. *A sense of power: The roots of America's global role*. Ithaca, Cornell University Press.

85. Waddell B. 2008. *Toward the national security state: Civil-military relations during World War II*. Westport, Praeger.

86. Ward R.D. 1960. The origin and activities of the National Security League, 1914–1919. *The Mississippi Valley Historical Review*, vol. 47, no. 1, pp. 51–65. Available at: www.jstor.org/stable/1891278 (accessed: 14.05.2020).

87. Warner M., McDonald J.K. 2005. *US intelligence community reform studies since 1947*. Washington, D.C., Center for the Study of Intelligence. Available at: <https://fas.org/irp/cia/product/reform.pdf> (accessed: 16.05.2020).

88. Yergin D. 1977. *Shattered peace: The origins of the Cold War and the national security state*. New York, Houghton Mifflin.

А.А. Сидоров*

ФОРМИРОВАНИЕ АМЕРИКАНСКИХ ПЛАНОВ ПОСЛЕВОЕННОГО ОБУСТРОЙСТВА ЯПОНИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Подписание «Акта о безоговорочной капитуляции Японии» 2 сентября 1945 г. подвело формальный итог самой разрушительной и кровопролитной войны в истории человечества. Еще до этого события начала формироваться новая расстановка сил на международной арене, просуществовавшая почти полвека. При этом сразу стало очевидно, что союзники по антигитлеровской коалиции имеют разные представления о том, каким должен стать мир после войны. Традиционно и в отечественной, и в зарубежной академической литературе особое внимание в этой связи уделяется комплексу проблем, связанных с решением судьбы побежденной Германии. В данной статье предполагается дать краткий обзор процесса выработки рекомендаций по переустройству Японии, проходившего под эгидой Государственного департамента США в 1939–1945 гг. и ставшего исходным пунктом формирования так называемой Сан-Францисской подсистемы международных отношений. В первой части статьи обозначены трудности, с которыми столкнулось руководство американского внешнеполитического ведомства, когда встала задача разработки планов послевоенного устройства Дальнего Востока. К числу таких проблем автор относит прежде всего острый дефицит подготовленных кадров, который в итоге вынудил Госдепартамент использовать свои связи с частными исследовательскими организациями и привлечь их к долгосрочному планированию. Автор отмечает, что если до вступления США в войну американские планировщики придерживались достаточно жестких позиций в отношении Японии, то после Перл-Харбора ситуация парадоксальным образом изменилась. Во второй части статьи подробно рассмотрены противоречия между теми политиками и экспертами,

* Сидоров Андрей Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент, декан факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой международных организаций и мировых политических процессов ФМП МГУ (e-mail: aas@fmp.msu.ru).

которые считали, что при формировании послевоенного порядка на Дальнем Востоке следует прежде всего сотрудничать с Китаем, и теми, кто продвигал идею налаживания отношений с Японией. Эти группы получили неофициальные названия «китайская команда» и «японская толпа» соответственно. В статье показано, что по мере приближения окончания войны отмеченные противоречия постепенно отходили на второй план, а на первый выступали задачи развития межведомственного взаимодействия, выработки Государственным департаментом, Военным и Военно-морским министерствами согласованной позиции в отношении будущего Японии. Результатом этой работы стала серия меморандумов, которые заложили основу всей послевоенной политики США применительно к Японии. Подводя итог проведенному анализу процесса принятия стратегических решений в Вашингтоне в военное время, автор обращает внимание на его планомерность, тщательность и гибкость. Результатом стало, казалось, невозможное: из ярого противника Соединенных Штатов на Тихом океане Япония превратилась в их самого надежного союзника, каковым остается до настоящего времени.

Ключевые слова: США, Япония, Вторая мировая война, планирование, Сан-Францисская подсистема международных отношений, Государственный департамент, Ф.Д. Рузвельт, Г. Трумэн.

Вторая мировая война — одно из самых трагических событий во всемирной истории. По своим масштабам, количеству вовлеченных государств, числу театров военных действий, размаху боевых операций, людским и материальным потерям она превзошла все войны, которые когда-либо переживало человечество. Официально война завершилась 2 сентября 1945 г., когда на борту американского линкора «Миссури», утром вошедшего в воды Токийского залива, представители японского правительства и командования вооруженных сил подписали «Акт о безоговорочной капитуляции Японии». В результате великой победы, одержанной СССР, США, Великобританией и другими государствами антигитлеровской коалиции над фашистской Германией, ее сателлитами в Европе и милитаристской Японией на Дальнем Востоке, в мире сложилась новая конфигурация сил, просуществовавшая почти полвека. Каждая держава-победительница имела собственные представления о том, каким должен стать мир после войны, но не каждая располагала возможностями для их реализации.

В самом благоприятном положении оказались Соединенные Штаты, обладавшие большими людскими ресурсами, гигантским производственным потенциалом, огромными финансовыми резервами, а также созданными в военные годы мощными вооруженными силами.

Отказ Вашингтона от традиционного изоляционизма и активное участие в войне открыли перед страной возможность принятия на себя непривычных для нее лидерских функций. «В период Второй мировой войны США твердо уверовали, что на обломках Третьего рейха суждено утвердиться “американскому веку”, а американские ценности должны быть восприняты для блага мира и каждой страны» [Согрин, 2015: 36]. Идея *Rex Americana*, обескураживающе откровенно изложенная в эссе импульсивного издателя популярного в 1930-е годы журнала «Life» Генри Р. Люса¹, имела немало приверженцев в администрации Франклина Делано Рузвельта. Сам президент также был убежден, что США должны играть ведущую роль в международных делах после окончания войны. Разработку проектов по обустройству послевоенного мира он считал «очень ценным делом» и призывал не повторять ошибок победителей в Первой мировой войне, которые не уделяли достаточно внимания данному вопросу. По словам Ф. Рузвельта, участники Версальской конференции были похожи на дам, упаковывающих багаж своих мужей непосредственно перед их отъездом, когда каждая «мечется, хватает вещи из шкафов и швыряет их в чемодан»².

В стратегическом плане одним из ключевых вопросов послевоенного планирования был вопрос о том, как будет заполнен вакуум мощи, который неизбежно возникнет после поражения Германии и Японии [Thornton, 2014a: 14]. В отечественной и зарубежной историографии большое внимание уделялось «германскому вопросу», в частности знаменитому «плану Моргентау». В отношении Японии основной упор делался на изучении оккупационной политики и преобразованиях, проведенных под эгидой американской военной администрации после войны. Процесс разработки планов послевоенного обустройства Японии нашел отражение в воспоминаниях непосредственных участников событий³ и в трудах ряда зарубежных исследователей. Среди последних наибольший интерес пред-

¹ Luce H.R. *The American century. With comments by D. Thompson, Q. Howe, J. Chamberlain, R.G. Shivak, R. Sherwood.* New York; Toronto, 1941. P. 27.

² The eight hundred and eighty-eighth press conference (excerpts). March 30, 1943 (Conferences with Sir Anthony Eden — Postwar problems in maintenance of peace — Foundation for United Nations) // *The public papers and addresses of Franklin D. Roosevelt. Compiled with special material and explanatory notes by Samuel I. Rosenman.* 1943: The tide turns. New York: Harper and Brothers, 1950. P. 133.

³ Borton H. *American pre-surrender planning for postwar Japan.* New York: Occasional Papers of the East Asian Institute, Columbia University, 1967; Grew J. *Turbulent era: A diplomatic record of forty years 1904–1945.* Boston: Houghton Mifflin, 1952.

ставляют работы Рудольфа Янсенса и Дайяны Барнс [Barnes, 2017; Janssens, 1995]. В отечественной литературе данная тема практически не поднималась. Отталкиваясь от известного афоризма Дуайта Эйзенхауэра о том, что «планы — ничто, а планирование — все»⁴, в данной статье предполагается дать краткий обзор процесса выработки рекомендаций по переустройству Японии, проходившего под эгидой Государственного департамента США в 1939–1945 гг. и ставшего исходным пунктом формирования тихоокеанской подсистемы международных отношений после Второй мировой войны.

Трудное начало

К разработке планов послевоенного устройства Вашингтон приступил почти сразу после нападения вермахта на Польшу. Однако на начальном этапе, т.е. до вступления США в войну, развертыванию такой деятельности мешали как минимум два обстоятельства. Во-первых, укоренившиеся в разных слоях американского общества изоляционистские настроения вынуждали администрацию Ф. Рузвельта, который в 1940 г. собирался в третий раз баллотироваться на пост президента, действовать крайне осторожно, чтобы не дать повода для обвинений в стремлении втянуть США в европейский конфликт. Во-вторых, в то время государственный аппарат имел крайне скудное финансирование и испытывал явный недостаток квалифицированных кадров. В 1930-е годы Государственный департамент, на который изначально возлагалась задача послевоенного планирования, еще не был тем крупным и влиятельным учреждением, каким он стал позднее. «Великая депрессия» вынудила его существенно сократить штат, заморозить прием новых сотрудников и наполовину снизить оклады оставшимся. О какой-либо серьезной аналитической работе по широкому спектру проблем говорить вообще не приходилось.

На азиатском направлении ситуация была просто удручающей. В 1939 г. Дальневосточный отдел (Far East Division) Госдепартамента насчитывал всего 11 сотрудников, и его руководитель Стэнли Хорнбек не раз сетовал, что его подразделение просто не в состоянии выполнять свои обязанности [Thomson, 1973: 83]. Дефицит экспертов по дальневосточным проблемам ощущался не только во

⁴Eisenhower D.D. Remarks at the National Defense Executive Reserve Conference, Washington, D.C., November 14, 1957 // Public papers of the Presidents of the United States, Dwight D. Eisenhower, 1957: Containing the public messages, speeches, and statements of the President, January 1 to December 31, 1957. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1958. P. 818.

внешнеполитическом ведомстве. По словам видного американского синоведа Джона К. Фэрбэнка, «все мы, китаеведы, в те дни знали друг друга в лицо» [Fairbank, 1979: 589]. Другой участник событий, известный востоковед Оуэн Латтимор, многие годы проживший в Китае, отмечал, что при наличии большого числа авторитетных специалистов по европейским странам государственные и частные структуры в США быстро осознали, «как трудно найти людей, которые действительно знают, что есть что в Азии». «Естественным результатом этого, — по его утверждению, — было то, что на наших встречах и совещаниях во время дискуссий, которые обычно проходят перед принятием политического решения, преобладающий вес принадлежал Европе»⁵.

Финансовые ограничения побудили руководство Госдепартамента использовать свои связи с частными исследовательскими организациями и привлечь их к долгосрочному планированию. До вступления США в войну ключевую роль в разработке проектов послевоенного мирового устройства сыграли Совет по международным отношениям (СМО) (Council of Foreign Relations, CFR) и отчасти Институт тихоокеанских отношений (ИТО) (Institute of Pacific Relations, IPR) [Barnes, 2015]. Так, СМО, основанный в 1921 г., благодаря тесным связям с финансовыми и промышленными кругами был сильной и влиятельной организацией, выступавшей за расширение американской торговли и инвестиций за рубежом [Shoup, Minter, 1977: 23]. Среди его членов было немало людей, занимавших видные посты в правительстве. В отношении Дальнего Востока позиция СМО в 1930-е годы эволюционировала в сторону более жесткого осуждения действий Японии и поддержки Китая. Вспыхнувшая в середине 1937 г. война между ними широко освещалась на страницах издававшегося под эгидой СМО журнала «Foreign Affairs». В 1938 г. этому конфликту даже был посвящен специальный номер. С июля 1937 г. по декабрь 1941 г. в журнале был опубликован ряд статей об угрозе японского милитаризма и значимости китайского сопротивления [Shulzinger, 1984: 59]. Основной площадкой СМО по азиатским проблемам были ежегодные сессии Исследовательской группы по Дальнему Востоку (Far East Study Group), в которых принимали участие как эксперты, так и представители государственных органов.

В отличие от СМО, ИТО представлял собой более сложный тип организации. Он был создан в г. Гонолулу (Гавайи) в 1925 г. в целях

⁵ Lattimore O. America and Asia: Problems of today's war and the peace of tomorrow. Claremont: Claremont Colleges, 1943. P. 33.

содействия формированию тихоокеанского сообщества⁶. Будучи американским исследовательским центром, ИТО одновременно являлся ассоциацией независимых национальных советов 10 стран: США, СССР, Канады, Китая, Японии, Новой Зеландии и Австралии, а также европейских держав, имевших колонии на Дальнем Востоке: Великобритании, Франции и Нидерландов. В 1934 г. ИТО перенес свою штаб-квартиру в Нью-Йорк, одновременно сместив акцент в своей деятельности с экономики и культуры на политику и международные отношения [Thomas, 1974: 7]. В военные годы Международный секретариат находился в Нью-Йорке, а каждый национальный совет осуществлял собственные программы и сотрудничал со своим правительством [Sasaki, 2010: 297]. Преобладание американцев в центральном аппарате давало повод считать ИТО инструментом влияния Вашингтона [Cotton, 2008: 554]. Однако вклад этой организации в послевоенное планирование в основном ограничивался проведением конференций⁷.

Для координации деятельности частных и правительственных структур, вовлеченных в планирование, в декабре 1939 г. по указанию госсекретаря Кордэллы Хелла был учрежден Совещательный комитет по проблемам международных отношений (Advisory Committee on Problems of Foreign Relations), призванный рассмотреть основополагающие принципы «желательного мирового порядка» [Janssens, 1995: 10]. Сотрудничество Госдепартамента и СМО реализовалось в рамках «Проекта исследования войны и мира» (War and Peace Studies Project), стартовавшего сразу после капитуляции Франции летом 1940 г. Финансовые средства на его проведение выделил Фонд Рокфеллера⁸. Итогом совместных усилий стала концепция «большого пространства» (grand area) — программа интеграции «негерманского мира». С точки зрения ее творцов, после оккупации всей Европы и неизбежного, по их мнению, разгрома СССР Адольф Гитлер обеспечит себе ресурсную базу для борьбы

⁶ См.: Introduction to the IPR collection at the University of Hawaii at Manoa // University of Hawaii at Manoa. Available at: <http://libweb.hawaii.edu/libdept/archives/mss/ipr/index.htm> (accessed: 26.04.2020).

⁷ Участниками конференций были ученые, бизнесмены, политики и общественные деятели. Эти встречи носили неофициальный характер, и сейчас их отнесли бы к «неправительственным форумам» или «дипломатии второй дорожки». Во время войны такие конференции охватывали только американских участников и лишь две — в г. Мон-Тремблане, Канада, в декабре 1942 г. и в г. Хот-Спрингсе, США, в январе 1945 г. — были международными [Woods, 1995: 813].

⁸ Об истории создания «Проекта» см.: [Schulzinger, 1984: 63–64].

за мировое господство. Германское влияние распространится на Африку и Южную Америку. При таком сценарии США окажутся в столь затруднительном положении, что им придется пожертвовать не только материальным благополучием своих граждан, но и своим главным достоянием — частью политических свобод. Для устранения такой угрозы правительству рекомендовалось обеспечить стране минимальное «жизненное пространство», которое включало бы Западное полушарие, Великобританию с ее колониями, страны Восточной Азии и бассейна Тихого океана [Marshall, 1995: 30]. В суммированном виде роль «большого пространства» в экономической, политической и военной стратегиях США нашла отражение в подготовленном СМО для Ф. Рузвельта и руководства Госдепартамента меморандуме от 24 июля 1941 г. [Shoup, Minter, 1977: 135–136].

К Японии участники «Проекта исследования войны и мира» относились с подозрением и настороженностью. В американском общественном мнении негативное отношение к ней стало формироваться с начала 1930-х годов — после захвата японцами Маньчжурии. Несмотря на то что Япония была третьим по величине торговым партнером США, в прессе ее изображали как экспансионистскую державу, действия которой подрывают принцип «открытых дверей» и могут нанести серьезный ущерб позициям американского бизнеса на Дальнем Востоке. Антияпонские настроения в американском обществе особенно усилились после начала летом 1937 г. второй японо-китайской войны. Проведенный Институтом Гэллапа 2 октября 1937 г. опрос общественного мнения показал, что положительно к Японии относятся лишь 1% американцев, тогда как к Китаю — 59%⁹. Сочувствуя Поднебесной, американцы, тем не менее, рассматривали японо-китайскую войну всего лишь как «спектакль на отдаленной сцене», гораздо менее важный, чем внутренние проблемы или события в Европе [Casey, 2001: 29]. Следуя общественным настроениям, администрация Ф. Рузвельта формально осуждала действия японской военщины, но при этом избегала принимать конкретные меры.

С расширением японской агрессии вашингтонские стратеги признали, что из-за роста своей мощи и влияния Япония всё больше представляет угрозу интересам США на Дальнем Востоке. В конце 1940 г. в ходе ряда совещаний обсуждались действия, которые следовало применить в отношении Токио для предотвращения захватов японцами новых территорий в Восточной Азии. В итоге на свет

⁹ Gallup G.H. The Gallup poll: Public opinion, 1935–1948. Vol. 1. New York: Random House, 1972. P. 72.

появился доклад под названием «Американская дальневосточная политика», который 15 января 1941 г. был передан К. Хэллу. Правительству рекомендовалось принять против Японии меры, которые можно объединить в две основные группы: оказание разносторонней помощи Китаю, чье сопротивление связывало значительную часть японских войск, и введение экономических санкций против Токио [Shoup, Minter, 1977: 133–134]. Характерно, что в докладе речь шла скорее о его сдерживании, а не включении в «большое пространство». Такой подход вполне укладывался в разработку конкретных внешнеполитических шагов, но всё более отдалял его создателей от первоначальной задачи определения контуров послевоенного мира и места в нем Дальневосточного региона.

«Китайская команда» против «японской толпы»

Нападение японцев на Перл-Харбор 7 декабря 1941 г. открыло новую страницу в американском послевоенном планировании. Соединенные Штаты официально вступили в войну не только против империи микадо, но и против ее союзников по «антикоминтерновскому пакту» — Германии и Италии. Начальный этап вооруженного противоборства ознаменовался победами японских войск, продвижение которых американцам удалось остановить лишь к лету 1942 г. Однако, несмотря на жертвы и горечь поражений на Дальнем Востоке, основной целью США, которым впервые в их недолгой истории пришлось вести войну на два фронта, стала победа над Германией и ее сателлитами. Принцип «Европа прежде всего» распространялся и на послевоенное планирование. Концепция «большого пространства» канула в Лету, отныне главное внимание уделялось вопросам глобального устройства, которое должно было базироваться на положениях Атлантической хартии, подписанной Ф. Рузвельтом и британским премьером Уинстоном Черчиллем 14 августа 1941 г.¹⁰ С середины 1942 г. в США стала складываться новая концепция послевоенного мира, главную роль в котором должны были играть державы-победительницы: США, СССР, Великобритания и Китай, выступавшие в качестве «стражей порядка», гарантов безопасности всех членов международного сообщества. Концепцию «четырех полицейских» Ф. Рузвельт впервые озвучил в конце мая в беседе с наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым¹¹.

¹⁰ См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1944. С. 147–148.

¹¹ Memorandum of conference held at the White House, by Mr. Samuel H. Cross, interpreter // U.S. Department of State. Foreign Relations of the United States Diplomatic

Для выработки механизмов взаимодействия американских ведомств, участвовавших в планировании, в декабре 1941 г. по инициативе К. Хэлла был создан Совещательный комитет по послевоенной внешней политике (Advisory Committee on Post-War Foreign Policy) [Kah, 1991: 36–37]. «Его задача, — отмечал в письме президенту госсекретарь, — будет состоять в том, чтобы транслировать широкие принципы, провозглашенные в Атлантической декларации и других Ваших заявлениях, касающихся послевоенной политики, в программу конкретных политических мер и действий. Он соответственно будет заниматься неразрывно связанными друг с другом вопросами общей безопасности, ограничения вооружений, международных экономических отношений и иных сфер международного сотрудничества, решение которых имеет большое значение для прочного мира и экономического прогресса»¹². В состав комитета вошли 45 членов, представлявших органы исполнительной власти, Конгресс, общественные организации и научные центры. Председательское кресло занял сам госсекретарь, его заместителем стал второй человек в Госдепартаменте Самнер Уэллес, а исполнительным директором — ведущий специалист по послевоенным проблемам Лео Пасвольски.

Одновременно с комитетом в рамках Госдепартамента был образован Отдел специальных исследований (Division of Special Research). Первоначально его штат был весьма скромным, но он быстро пополнялся и к октябрю 1942 г. включал уже 52 специалиста и 9 стенографистов. Экспертами выступали в основном сотрудники дипломатической службы и ученые, занимавшиеся проблемами Восточной Азии. По их инициативе осенью 1942 г. был сформирован Межведомственный региональный комитет по Дальнему Востоку (Inter-Departmental Area Committee on the Far East). На него возлагалась задача выработки рекомендаций для комитетов по планированию более высокого уровня (в частности, для Совещательного комитета по послевоенной внешней политике), отчего его называли Подкомитетом по Дальнему Востоку (Subcommittee on the Far East). Несмотря на название, в нем практически не было специалистов по

Papers (далее — FRUS). 1942. Europe. Vol. III. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1942. P. 568.

¹² Creation in the Department of State of the Advisory Committee on Postwar Foreign Policy. The Secretary of State to President Roosevelt, Washington, D.C., December 22, 1941 // FRUS. 1941. General, The Soviet Union. Vol. I. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1959. P. 594.

Корею, Индокитаю или странам Юго-Восточной Азии. Подавляющее большинство экспертов занимались либо Китаем, либо Японией, и многие из них разделяли взгляды, равно как и предубеждения этих двух враждовавших между собой государств относительно друг друга.

Одним из главных вопросов, которым занимался Совещательный комитет, было определение места поверженных Германии и Японии в послевоенном мире, причем рекомендации по переустройству каждой из них отчасти перекликались. В отношении Германии члены комитета первоначально занимали мягкую позицию, считая, что ограничения, наложенные на нее в Версале, были одной из причин, приведших к новой войне. По их мнению, Германия должна быть разоружена и оккупирована союзниками, но при полном демонтаже политической надстройки рейха и наказании его главарей можно сохранить немецкую экономику, которая будет иметь большое значение для восстановления Европы (хотя уже в то время возникали мысли поставить немецкую промышленность и транспорт под международный контроль, а также разделить страну на ряд малых государств [см. подробнее: O'Sullivan, 2003]). Что касается Японии, то комитет подготовил рекомендации по шести темам: оккупационное управление, разоружение, внутривнутриполитические проблемы, территориальные вопросы, экономическое развитие и роль страны в структурах международной безопасности [Мауо, 1984]. После безоговорочной капитуляции, по утверждению экспертов, Япония должна быть лишена колониальных владений, занята войсками союзников и демилитаризована. В дальнейшем, отмечалось в рекомендациях, ее следует интегрировать в мировую экономику. Правда, в Совещательном комитете не было единого мнения о том, какая страна, Китай или Япония, более важна с точки зрения обеспечения интересов США на Дальнем Востоке.

В годы войны в американских политических и военных кругах преобладало мнение, что Китай с его обширной территорией и громадными людскими ресурсами способен сыграть важную роль в борьбе с Японией, создав своеобразный «второй фронт» на Дальнем Востоке, а после победы над ней стать главной опорой США в регионе. «В отношении Китая, — вспоминал К. Хэлл, — у нас были две цели: первая — эффективное совместное ведение войны, а вторая — признание и укрепление Китая в качестве великой державы, облеченной теми же полномочиями, какими пользовались три западных партнера — Россия, Великобритания и Соединенные Штаты — как в создании послевоенной организации, так и в обе-

спечении стабильности и благосостояния на Востоке»¹³. Во внешне-политическом плане усилия администрации и лично Ф. Рузвельта¹⁴ были направлены на повышение статуса Китая на международной арене путем хотя бы номинального признания его великой державой. Поставленный в один ряд с СССР и Великобританией, слабый, зависимый, проамериканский Китай мог стать крупным козырем в послевоенной «большой стратегии» США. В региональном разрезе он служил бы противовесом как Японии, так и Советскому Союзу [Feis, 1950: 95–100; Tsou, 1967: 33–36]. В Госдепартаменте ключевые позиции занимали представители «китайской команды» (China hands), включавшей дипломатов и экспертов во главе с самим К. Хэллом, которые питали симпатии к Китаю и испытывали «эмоциональную ненависть» к Японии¹⁵. Они настаивали на радикальных мерах по демократизации и демилитаризации последней, чтобы максимально ослабить ее и лишить всякой надежды на возвращение статуса великой державы и промышленного центра [см. подробнее: Kahn, 1975].

В противовес «китайской команде» с середины 1942 г. в Госдепартаменте стала формироваться немногочисленная, но весьма сплоченная группа, которую в шутку называли «японская толпа» (Japan crowd). Ядро ее составили дипломаты, работавшие в американском посольстве в Токио, интернированные в начале войны и недавно возвратившиеся на родину. Их лидером был Джозеф Грю, с 1932 по 1941 г. занимавший пост посла США в Японии. Не зная японского языка, он сумел наладить конструктивные рабочие и даже дружеские связи со многими представителями японской элиты. По утверждению знавших Дж. Грю людей, он умел быть весьма обаятельным. Его аристократические манеры хорошо сочетались с японскими традициями и культурой, а его супруга, урожденная Алиса Перри, была внучатой племянницей «отца американского парового флота» коммодора Мэтью К. Перри, который в 1853 г. заключил Канагавский договор и фактически «открыл» Японию для западного капитала [см. подробнее: Gurman, 2010].

Позиция Дж. Грю в отношении Японии контрастировала с общим настроением, преобладавшим в Госдепартаменте. Еще в довоенный период, несмотря на возрастающую агрессивность Японской импе-

¹³ Hull C. The memoirs of Cordell Hull. New York: Macmillan, 1948. P. 1583.

¹⁴ По утверждению ряда американских исследователей, самому Ф.Д. Рузвельту были не чужды некоторые расовые предрассудки, кроме того, он не симпатизировал японцам [см., например: Robinson, 2001].

¹⁵ Emmerson J.K. The Japanese thread: A life in the U.S. Foreign Service. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1978. P. 93.

рии и планы установления «нового порядка в Восточной Азии», он сохранял веру в способность прозападной части японской элиты изменить положение и выступал за мирное урегулирование спорных вопросов с Токио [Utley, 2005: 69]. Не допуская компромиссов, шедших вразрез с американскими интересами, Дж. Грю предлагал установить на Дальнем Востоке такой порядок, который на долгие годы обеспечил бы там прочный мир. Методы его строительства, по мнению дипломата, должны быть гибкими. Если же «конструктивное умиротворение» не удастся, то США, по его словам, могут прибегнуть к санкциям [Butow, 1974: 272]. Дж. Грю не верил в способность Китая стать великой державой. Стараясь избегать обвинений со стороны «патриотов», он не раз заявлял о необходимости полного уничтожения японской военной мощи, но в то же время считал, что экономическое возрождение страны отвечало бы интересам США. Дж. Грю утверждал, что без возможности через промышленное производство дать выход своей кипучей энергии Япония превратится в паровой котел с закрытой крышкой, давление пара в котором в итоге приведет к взрыву¹⁶.

Взгляды бывшего посла разделяли его соратники в Госдепартаменте: Джозеф Баллантайн, Юджин Думэн, Роберт Фири, Кэбот Ковилл. Наибольшим весом обладал Дж. Баллантайн, которого Дж. Грю считал «мудрым и прекрасно подготовленным советником»¹⁷. Благодаря многолетнему опыту работы в Японии и Китае Дж. Баллантайн хорошо знал обе страны. Он поддерживал мнение Дж. Грю относительно возможности восстановить дружественную США Японию, опираясь на ту часть ее элиты, которая симпатизировала западным ценностям, и скептически относился к амбициям Китая. Неслучайно китайские дипломаты считали Дж. Баллантайна «недостаточно компетентным специалистом» по своей стране, ссылаясь на то, что он является, «по существу, экспертом по Японии» [Liu, 2002: 123]. Другой соратник Дж. Грю, Ю. Думэн, родившийся в семье миссионеров в Осаке, получил образование в США и считался одним из лучших знатоков японского языка¹⁸. Он полагал, что после войны Япония не должна стать изгоем, а для утверждения ее в качестве демократической страны и американского партнера необходимо включить ее в систему международной торговли. Его позицию разделял Р. Фири, который прибыл в Японию после окончания Гарварда

¹⁶ Welles S. The time for decision. New York: Harper and Brothers, 1944. P. 236.

¹⁷ Grew J. Op. cit. P. 1383.

¹⁸ Emmerson J.K. Op. cit. P. 96.

за восемь месяцев до начала войны, но очень скоро стал доверенным человеком посла, позволявшего ему читать дипломатическую почту. В группе он занимался проблемами японской экономики. Вопросы политического переустройства Японии входили в сферу интересов К. Ковилла, работавшего в посольстве в Токио в 1930-е годы.

Рука об руку с дипломатами трудились и представители научных кругов, выступавшие в качестве экспертов. Наибольшим авторитетом пользовались профессор-японист из Колумбийского университета Хью Бортон и специалист по международным отношениям из Университета Кларка Джордж Блэйкли [Moore, Robinson, 2002: 23]. Х. Бортон впервые посетил Страну восходящего солнца в 1928 г. в составе миссионерской группы и оставался в Токио в течение трех лет, а по возвращении в США занялся изучением Японии, став к началу войны ведущим специалистом в этой области [Morley, 1997]. Дж. Блэйкли был привлечен к работе Дж. Баллантайном из-за своей репутации «декана всех дальневосточных экспертов». Не зная языка, Дж. Блэйкли давно интересовался Японией. Он полагал, что после победы надо проводить в отношении нее «мягкую» политику [Iriye, 1981: 150].

Во многом благодаря представителям «японской толпы» в 1942–1943 гг. в Госдепартаменте постепенно формировалось убеждение, что японский милитаризм представляет собой аберрацию «нормальной модели» внутреннего развития страны в 1920-е годы. К осени 1943 г. сложилось общее мнение, что главной целью союзников после капитуляции Японской империи должно стать создание «правительства, которое будет выполнять международные обязательства Японии и уважать права других государств». Для ее достижения были необходимы конституционные и административные преобразования в целях «укрепления умеренных политических элементов» и лишения военной верхушки политических привилегий [Moore, Robinson, 2002: 23]. К концу года позиции Дж. Грю и его сторонников усилились, чему способствовали два обстоятельства: наметившееся изменение отношения американских правящих кругов к Китаю и переход к новому этапу послевоенного планирования.

Апогеем американо-китайского «согласия» стала встреча Ф. Рузвельта, У. Черчилля и Чан Кайши в Каире в конце ноября 1943 г. [см. подробнее: Heiferman, 2011]. В принятой по ее итогам декларации отмечалось: цель союзников состоит в том, чтобы «лишить Японию всех островов в Тихом океане, которые она захватила или оккупировала с начала Первой мировой войны 1914 года, и в том, чтобы все территории, которые Япония отторгла у китайцев, как, например,

Маньчжурия, Формоза и Пескадорские острова, были возвращены Китайской Республике. Япония будет также изгнана со всех других территорий, которые она захватила с помощью силы»¹⁹. Война с ней должна продолжаться до ее «безоговорочной капитуляции». Каирская конференция стала звездным часом для Чан Кайши, но вместе с тем она, как верно подметил австралийский историк Кит Сайнсбери, оказалась «поворотным пунктом» в отношениях администрации Ф. Рузвельта с гоминдановским правительством [Sainsbury, 1985: 307].

С конца 1943 г., несмотря на надежды «китайской команды» на Пекин как на одного из «четырёх полицейских» послевоенного мира, его значение для США постепенно стало снижаться. Во-первых, получив на Тегеранской конференции заверение от И.В. Сталина, что СССР вступит в войну с Японией через несколько месяцев после разгрома Германии, Ф. Рузвельт поверил в возможность военного сотрудничества двух держав. Во-вторых, с осени 1943 г. американские штабы стали исходить из установки, что при ведении боевых операций непосредственно против Японии главный удар будет нанесен не с континента, а со стороны Тихого океана [Romanus, Sunderland, 1956: 53]. Уже в 1944 г. немногие в США верили в то, что до конца войны Китай станет великой державой [Romanus, Sunderland, 1959: 337]. Во время встречи на Мальте в феврале 1945 г. Ф. Рузвельт признался У. Черчиллю, что «потребуется воспитать и подготовить три поколения, прежде чем Китай сможет стать серьезным фактором» в международных делах²⁰.

Проблемы послевоенного переустройства Японии

Когда окончание войны перестало казаться далеким будущим, планы послевоенного устройства мира начали приобретать большую актуальность. В начале июля 1943 г. К. Хэлл решил, что подготовительный этап планирования завершен, и приостановил деятельность Совещательного комитета по послевоенной внешней политике, работа которого была уже давно парализована из-за неприязненных отношений госсекретаря со своим заместителем С. Уэллесом

¹⁹ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 22 июня 1941 года и 2 сентября 1945 года / МИД СССР. М.: Госполитиздат, 1955. С. 105–106.

²⁰ Meeting of the Combined Chiefs of Staff with Roosevelt and Churchill, February 2, 1945, 6 p.m., on board the U.S.S. 'Quincy' in Grand Harbor // FRUS. 1945. The Conference at Malta and Yalta. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1955. P. 544.

[Dobbins, 2008: 16–17]. В письме к членам комитета К. Хэлл писал: «Работа достигла той точки, когда крайне важно, чтобы имеющиеся сегодня результаты наших дискуссий были обобщены в виде документов, которые могут послужить основой для предметного изучения политических шагов и предложений. В этой связи я откладываю заседания комитета до 18 сентября, чтобы технический персонал мог провести интенсивную подготовку к окончательному раунду обсуждения»²¹. Однако больше Совещательный комитет уже не собрался²². Ему на смену пришли ряд небольших комитетов, занимавшихся отдельными странами и регионами.

Одним из них стал Межсекционный региональный комитет по Дальнему Востоку (Inter-Divisional Area Committee on the Far East, IDAFE), созданный 20 октября 1943 г. для разработки и координации оккупационной политики в Японии. В отличие от Совещательного комитета, он носил внутриведомственный характер. Его членами стали специалисты по Японии из Отдела территориальных исследований (Territorial Studies Division) и Отдела по делам Дальнего Востока (Division of Far Eastern Affairs), а также ученые и эксперты. Руководителем был назначен Дж. Блэйкли. До июля 1945 г. комитет провел 221 встречу [Mayo, 1984: 23–24]. Наряду с аналогичным органом по Германии он осуществлял исследования и вырабатывал рекомендации для Комитета по послевоенным программам Госдепартамента (Post-War Programs Committee, PWC). Последний был образован 15 января 1944 г. в рамках инициированной К. Хэллом реорганизации своего ведомства. PWC должен был готовить планы послевоенного устройства и консультировать учрежденный вместе с ним Комитет по вопросам политики (Policy Committee), оказывавший помощь госсекретарю в текущих делах. Членами обоих комитетов были почти одни и те же люди (заместители госсекретаря, руководители отделов, эксперты и т.д.) [Baxter, 2009: 27]. Председательское кресло занимал сам К. Хэлл, который посетил 15 из 66 заседаний PWC, состоявшихся до его преобразования в межведомственный орган в ноябре 1944 г.²³

²¹ Цит. по: Notter H.A. *Postwar foreign policy preparation, 1939–1945*. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1949. P. 164.

²² Первоначально планировалось, что его заменит Совещательный совет по послевоенной внешней политике (Advisory Council on Post-War Foreign Policy), но пока шел процесс его формирования, надобность в нем отпала (см.: Notter H.A. *Op. cit.* P. 213–215).

²³ Notter H.A. *Op. cit.* P. 208–209.

Реорганизация придала процессу планирования более четкий и целенаправленный характер. Ключевыми вопросами, стоявшими перед планировщиками, были мирное урегулирование и политическое переустройство побежденной Японии. Их обсуждение развернулось еще в марте 1943 г. в рамках Подкомитета по политическим проблемам СовеЩательного комитета по послевоенной внешней политике. 28 июля Дж. Блэйкли подготовил секретную записку, где изложил пять принципов, которыми должны руководствоваться США в отношении Японии. Первые два предполагали лишение ее всех территориальных приобретений, полученных с помощью силы, и обеспечение гарантии того, что она никогда не будет представлять военную угрозу для других стран. Согласно третьему принципу необходимо включить Японию в мировую экономическую систему, чтобы «не лишать японский народ возможности достойного существования». В дальнейшем она должна получить «на равноправных условиях доступ к торговле и сырьевым материалам по всему миру». Четвертый пункт касался политических условий и предполагал «создание в Японии правительства, которое будет уважать права других государств». Конечной целью, по мнению автора, было «восстановление полного и равноправного членства Японии в семье наций, объединенных международной организацией и защищенных эффективной системой безопасности»²⁴.

Выполнение перечисленных условий предполагало проведение в стране ряда важных реформ, в том числе конституционной. Интересна в этом плане записка Х. Бортонa «Япония: послевоенные политические проблемы», датированная 6 октября 1943 г. Автор считал конституционные изменения желательными, но они, по его мнению, не должны навязываться оккупационными властями. Императора следовало оставить главой государства, но с ограниченными полномочиями. Х. Бортон предлагал устранить влияние военных на политику, ввести ответственность кабинета министров перед парламентом, установить парламентский контроль над бюджетом, обеспечить права и свободы граждан [Ward, Sakamoto, 1987: 23–24]. Его рекомендации вошли во все более поздние документы по этой проблеме. В мае 1944 г. на их основе была подготовлена серия меморандумов для Комитета по послевоенным программам под общим

²⁴ Post World War II Foreign Policy Planning, State Department Records of Harley A. Notter, 1939–1945. ‘T-357. July 28, 1943. Japan: General Principles Applicable to the Post-War Settlement with Japan’. U.S. National Archives & Records Administration (RG59). Sheet № YE5-21 600-T-357 // National Diet Library. Available at: http://www.ndl.go.jp/constitution/e/shiryo/01/001/001_0011.html (accessed: 24.04.2020).

индексом PWC-152, в которых излагались идеи политических и административных изменений в Японии после войны.

Особенно остро стоял вопрос об императорской власти, который, как выяснилось, «больше всего занимал» мысли американских дипломатов²⁵. В то время в США было распространено убеждение, что микадо несет такую же ответственность за развязывание войны, как А. Гитлер и Б. Муссолини. Как утверждал на страницах журнала «Pacific Affairs» один из видных специалистов по Восточной Азии Т.А. Биссон, «император был носителем той идеологии, которая оправдывала агрессию такими “непревзойденными” аргументами, как священная миссия высшей расы»²⁶. Против такой трактовки выступала «японская толпа», которая считала императора, его придворное окружение и многих представителей большого бизнеса «умеренными деятелями», вполне заслуживающими доверия. В марте 1943 г. К. Ковилл представил меморандум, в котором утверждал, что микадо был марионеткой в руках военных и правых политиков и без их влияния мог стать «инструментом перемен». Дипломат полагал, что конституционная монархия вполне подходит для превращения Японии в либеральную демократию [Moore, Robinson, 2002: 23–24]. В том же ключе высказывались его соратники. «Поскольку японцы в настоящее время демонстрируют почти фанатичную преданность своему суверену, — говорилось в одном из меморандумов Межсекционного регионального комитета по Дальнему Востоку, — всякая попытка упразднить институт императора извне <...>, скорее всего, будет обречена. Низложение императора против воли японского народа не привело бы к уничтожению императорского престола и, вероятно, не было бы законодательно оформлено до тех пор, пока японцы верят в него и полны решимости сохранить его»²⁷. Повторяя мысль К. Ковилла, Дж. Грю на слушаниях в сенатском Комитете по иностранным делам в декабре 1944 г. заявил, что император является национальным символом, который после войны можно использовать в качестве «стабилизирующего фактора» и средства «поддержания порядка» в стране²⁸.

²⁵ Hull C. Op. cit. P. 1591.

²⁶ Pacific Affairs. December 1944. P. 399.

²⁷ Memorandum Prepared by the Inter-Divisional Area Committee on the Far East. [Washington] May 9, 1944. PWC-116d, CAC-93e. Japan: Political Problems: Institution of the Emperor // FRUS. 1945. The Near East, South Asia, and Africa, the Far East. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1965. P. 1250.

²⁸ Documents on American foreign relations. Vol. VII: July 1944 — June 1945 / By L.M. Goodrich, M.J. Carroll. Princeton: Princeton University Press, 1947. P. 226.

Важной темой для планировщиков стало экономическое будущее Японии. Мысль об уничтожении ее промышленности в целях недопущения возрождения военной машины страны все еще циркулировала в Вашингтоне, в частности, в Министерстве финансов. Возглавлявший его Генри Моргентау считался творцом названного его именем «плана» в отношении Германии, предусматривавшего превращение ее в «поле для выращивания брюквы» и расчленение. Представители «японской толпы» выступали категорически против такого варианта для Японии. Дж. Грю, Ю. Думэн, Р. Фири, Х. Бортон и Дж. Блэкли были убеждены в том, что включение ее в послевоенную мировую экономику и постепенное повышение уровня жизни ее населения станут ключом к успокоению страны. Вопреки сторонникам «жесткой линии», настаивавшим на ликвидации японской тяжелой промышленности, они утверждали, что сохранение экономического потенциала Японии обеспечит занятость ее гражданам, окажет содействие восстановлению всего мирового хозяйства и послужит интересам американского бизнеса, который получит надежный рынок сбыта для своей продукции. Стабильная и процветающая гражданская экономика станет, по их мнению, основой для демократизации японского общества и надежной прививкой от возрождения в нем милитаризма.

Самым насущным вопросом, который волновал администрацию Ф. Рузвельта, было формирование оккупационной политики США в Японии. В серии меморандумов, подготовленных членами Межсекционного регионального комитета по Дальнему Востоку весной 1944 г., был предложен комплекс рекомендаций по ее основным принципам. Эксперты советовали правительству избегать длительной оккупации и по возможности скорее передать полномочия японским гражданским властям²⁹. На период военного управления в стране рекомендовалось приостановить деятельность центрального правительства и сохранить только министерства, выполняющие административные функции (внутренних дел, финансов, здравоохранения и т.д.), деятельность которых будет осуществляться под контролем оккупационных властей³⁰. Предполагалось, что в управлении побежденной Японией будут участвовать державы, воевавшие против

²⁹ Memorandum Prepared by the Inter-Divisional Area Committee on the Far East. [Washington] May 4, 1944. PWC-117b, CAC-103c. Japan: Occupation Problems: Duration of Military Government // FRUS. 1945. The Near East, South Asia, and Africa, the Far East. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1965. P. 1238.

³⁰ Memorandum Prepared by the Inter-Divisional Area Committee on the Far East. [Washington] May 9, 1944. PWC-112c, CAC-110c. Japan: Suspension of Powers

нее, но оккупационную службу на ее территории будут нести также контингенты из азиатских стран³¹. Их привлечение было важно с пропагандистской точки зрения, чтобы не возникло впечатления, что война с Японией была борьбой «белой» расы против «желтой»³².

В марте 1944 г. Дж. Блэйкли подготовил для Комитета по послевоенным программам секретный меморандум «Послевоенные цели Соединенных Штатов в отношении Японии» (PWC-108)³³, который в основе своей повторял содержание записки, составленной им в июле предшествующего года. В Комитете документ был подвергнут критике за излишнюю «мягкость». Дж. Блэйкли внес в него коррективы и 4 мая представил исправленную версию (PWC-108b). В ней он обозначил две главные цели американской политики в отношении побежденной Японии: во-первых, она не должна больше представлять угрозу для США и других государств региона; во-вторых, в ней необходимо сформировать такое правительство, которое будет уважать права других стран и выполнять свои международные обязательства. В соответствии с этими целями Дж. Блэйкли выделил три этапа развития послевоенной Японии, каждый из которых имел свои особые задачи. На первом этапе предполагались оккупация страны, вывод ее войск со всех захваченных территорий и лишение ее владений, приобретенных в ходе агрессивных войн. Задачами второго периода были устранение всех проявлений милитаризма и переход к демократизации внутренней жизни. Наконец, на третьей стадии Япония должна была стать полноправным членом международного сообщества³⁴. Никакие конкретные сроки при этом в меморандуме не указывались.

of Government // FRUS. 1945. The Near East, South Asia, and Africa, the Far East. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1965. P. 1247–1248.

³¹ Memorandum Prepared by the Inter-Divisional Area Committee on the Far East. [Washington] March 13, 1944. PWC-111, CAC-80. Japan: Occupation and Military Government: Composition of Forces to Occupy Japan // FRUS. 1945. The Near East, South Asia, and Africa, the Far East. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1965. P. 1202–1203.

³² Hull C. Op. cit. P. 1589–1590.

³³ PWC-108, CAC-116, March 14, 1944. Japan: The Postwar Objectives of the United States in regard to Japan. U.S. National Archives & Records Administration (RG59). PWC-1, Roll № 2 // National Diet Library. Available at: http://www.ndl.go.jp/constitution/e/shiryo/01/004/004_0011.html (accessed: 24.04.2020).

³⁴ Memorandum Prepared by the Inter-Divisional Area Committee on the Far East. [Washington] May 4, 1944. PWC-108b, CAC-116b. Japan: The Post-War Objectives of the United States in Regard to Japan // FRUS. 1945. The Near East, South Asia, and Africa, the Far East. P. 1235–1236.

Во всех документах, касавшихся будущего Японии, ощущалось сильное влияние «японской толпы». В 1944 г. ее позиции в Госдепартаменте заметно укрепились [Moore, Robinson, 2002: 24]. В мае Дж. Грю возглавил Отдел по делам Дальнего Востока (Office of Far Eastern Affairs), сменив прокитайски настроенного С. Хорнбека. Дж. Баллантайн стал его заместителем, Ю. Думэн — специальным помощником, а Эрл Диквер — главой Японского отдела. В начале декабря ушел в отставку К. Хэлл, который был одним из самых последовательных сторонников развития отношений с Китаем и ослабления Японии. Сменивший его на посту государственного секретаря Эдвард Стеттиниус прислушивался к советам Дж. Грю и назначил его своим заместителем, курировавшим всё дальневосточное направление. Последний в свою очередь выдвинул на руководящие должности своих сторонников. Однако, как это часто бывает, достигнув наивысшего пика в конце 1944 г., влияние «японской толпы» на формирование дальневосточной политики США пошло на спад. На экспертов обрушился град упреков в излишней «мягкости» в отношении Японии, в желании «уменьшить ее ответственность» за развязывание войны и «уберечь ее от наказания».

Межведомственное взаимодействие на завершающем этапе войны

По мере приближения окончания войны послевоенными планами всё больше стали интересоваться другие ведомства федерального правительства, особенно Военное и Военно-морское министерства, в юрисдикцию которых входили деятельность оккупационных властей и обеспечение безопасности. «Армия и флот, — отмечал военноморской министр Джеймс Форрестол, — знают, что не они являются творцами политики, но на них лежит обязанность указать ее разработчикам на то, что, по их мнению, составляет военные потребности Соединенных Штатов»³⁵. В феврале 1944 г. начальник Отдела по гражданским вопросам Военного министерства США генерал-майор Джон Л. Хиллдринг обратился в Госдепартамент с просьбой дать рекомендации по проблемам, которые могут возникнуть в период оккупации Японии. Дипломатическое ведомство предоставило свои наработки по таким направлениям, как условия капитуляции, контроль над японским правительством и роль императора. Однако Дж. Хиллдринг решил не ограничиваться этими вопросами и обратился за помощью в Министерство финансов, Управление стратегических

³⁵ The Forrestal diaries / Ed. by W. Millis. New York: The Viking Press, 1951. P. 45.

служб и Управление военной информации. Полученные им данные были использованы при подготовке документов, касавшихся оккупации Японии, которые впоследствии обрели форму директивы Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ, Joint Chiefs of Staff) JCS-1380. В ней не только утверждались цели оккупационной политики, такие как «ликвидация милитаристской и ультранационалистической идеологии», «разоружение и демилитаризация», «возрождение и укрепление демократических тенденций», но и значительно расширился круг вопросов, которыми займется военная администрация [Cohen, 1987: 28].

Поскольку оба военных ведомства имели свои взгляды на будущее стран «оси», возникла необходимость координации между ними и дипломатами по вопросам оккупационной политики и послевоенного устройства. Для обеспечения межведомственного взаимодействия в данной области в декабре 1944 г. был создан Координационный комитет Государственного департамента, Военного и Военно-морского министерств (State-War-Navy Coordinating Committee, SWNCC), который фактически заменил Комитет по послевоенным программам в качестве центра послевоенного планирования. Образованный в рамках SWNCC Подкомитет по Дальнему Востоку (Far East Subcommittee, SWNCCFE) состоял из ключевых членов Межсекционного регионального комитета по Дальнему Востоку. На пост его руководителя Дж. Грю выдвинул Ю. Думэна. Секретариат SWNCC возглавил фаворит Ф. Рузвельта, помощник военного министра Джон Макклрой. Преемственность членского состава между IDAFE и SWNCCFE позволила Госдепартаменту сохранить ведущую роль в политическом планировании. Однако вновь обретенное сотрудничество министерств означало, что отныне все рекомендации, исходившие из дипломатического ведомства, должны были получать одобрение военного и военно-морского министров и лишь после этого ложиться на стол президента.

Налаживание сотрудничества трех государственных структур в рамках SWNCC потребовало определенного времени (Подкомитет по Дальнему Востоку впервые собрался только 13 января 1945 г.) и немалой гибкости в подходах к различным послевоенным проблемам. Материалы для обсуждения и выработки рекомендаций поставлял в основном Госдепартамент. Из них в проекты SWNCC заимствовались не только идеи, но также структура и даже целые фразы. В то же время усилил активность Отдел по гражданским делам Военного министерства, специалисты которого далеко не всегда разделяли взгляды дипломатов. Оценивая послевоенные планы Госдепартамен-

та в отношении Японии, специальный советник военного министра Герберт Фейс в меморандуме от 19 января 1945 г. писал: «В целом, как мне кажется, они слегка отдают привкусом воскресной школы: несколько не соответствуют природе врага, его прошлым действиям и ожидаемому поведению в будущем <...>. Я не предлагаю нам брать на себя обязательство уничтожить институт императорской власти или непосредственно приступить к осуществлению конституционной реформы, но я, безусловно, считаю, что нам не следует предпринимать какие-либо шаги, чтобы облегчить сохранение нынешней системы в будущем без фундаментальных изменений. Пятьдесят лет агрессии должны быть достаточным доказательством ее неизбежных тенденций» [цит. по: Ward, Sakamoto, 1987: 10].

В апреле 1945 г., когда началась отработка планов операций по вторжению на территорию самой Японии, Госдепартамент по просьбе военного ведомства подготовил «Предложение о политике в первоначальный период после поражения», базировавшееся на разработанном годом ранее PWC-108³⁶. Документ был направлен в Подкомитет по Дальнему Востоку, где представители Военного министерства попросили усилить его экономический раздел. Вследствие эпохальных событий, каковыми для США стали смерть Ф. Рузвельта и приход к власти нового президента Гарри С. Трумэна, а для всего мира — капитуляция гитлеровской Германии, его доработка затянулась. Новая версия появилась только 11 июня в виде доклада под названием «Политико-военные проблемы на Дальнем Востоке: политика Соединенных Штатов в отношении Японии в первоначальный период после поражения» (SWNCC-150)³⁷.

В первом разделе были сформулированы пять целей американской политики в отношении Японии: безоговорочная капитуляция; лишение Японской империи захваченных ею территорий; создание условий, при которых она никогда не будет представлять угрозу миру и безопасности во всем мире; формирование правительства, уважа-

³⁶ Summary of United States Initial Post-Defeat Policy relating to Japan (Informal and without Commitment by the Department of State). April 12, 1945. Records of SWNCC, Records of the Subcommittee for the Far East '384.1 Surrender Term, Japan 1945.4.18-1945.8.30' <SFE-1 Roll No. 2> U.S. National Archives & Records Administration (RG353) // National Diet Library. Available at: https://www.ndl.go.jp/constitution/e/shiryō/01/007/007_001r.html (accessed: 24.04.2020).

³⁷ Report by the State-War-Navy Coordinating Committee, SWNCC 150. June 11, 1945. Politico-Military Problems in the Far East: United States Initial Post-Defeat Policy Relating to Japan // FRUS. 1945. The British Commonwealth, the Far East. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1969. P. 549–554.

ющего права других государств и обеспечивающего выполнение международных обязательств; и в итоге «участие Японии в мировой экономической системе на разумной основе». Согласно второму разделу сразу после капитуляции вся власть в стране передавалась верховному главнокомандующему союзными войсками, а полномочия императора приостанавливались. Далее следовала политическая часть, начинавшаяся с выделения трех этапов развития послевоенной Японии, на каждом из которых в отношении нее решались конкретные задачи. В целом они совпадали с тем, что предлагал Дж. Блэйкли в меморандуме PWC-108b от 4 мая 1944 г. В SWNCC-150 четко прописывались политические цели военной администрации: уничтожение милитаризма; усиление демократических тенденций и процессов; «поощрение либеральных политических элементов и создание в Японии условий, способствующих появлению правительства, с которым смогут работать Объединенные Нации»³⁸.

В условиях оккупационного режима военная администрация должна была обеспечить безопасность путем разоружения и роспуска японских вооруженных сил, изъятия или уничтожения их боевой техники и боеприпасов, демонтажа оборонных производств. Действия союзных властей должны быть «суровыми, но справедливыми». Им рекомендовалось использовать японский административный аппарат и чиновников, установив над ними жесткий контроль. Первоначальными задачами военной администрации были названы: 1) ликвидация всех законов и регулирующих инструкций, которые противоречат целям и политике союзников; 2) роспуск существующих политических партий, включая тоталитарные и ультранационалистические организации; 3) провозглашение свободы вероисповедания; 4) пропаганда в СМИ «информации и знаний об идеалах и концепциях, в которые верят Объединенные Нации», и недопущение распространения противоречащих им идей; 5) установление контроля над образовательной системой в целях устранения японского милитаризма и ультранационализма и создания условий для развития демократических идей; 6) осуществление контроля над отправлением правосудия, поскольку «гражданские суды будут продолжать функционировать в качестве инструмента военного правительства», и освобождение всех несправедливо или незаконно находящихся под стражей; 7) наказание военных преступников и других опасных лиц³⁹.

³⁸ Ibid. P. 552.

³⁹ Ibid. P. 552–553.

Последний раздел касался экономических вопросов. Военное правительство должно было позаботиться о демилитаризации экономики с целью не допустить возможности восстановления Японией потенциала своей военной промышленности. Для удовлетворения потребностей оккупационных сил и предотвращения голода, болезней и гражданских беспорядков военная администрация наделялась правом по своему усмотрению принимать меры в отношении основных национальных коммунальных служб, финансового и банковского секторов, производства и распределения ключевых товаров, а также внешней торговли. Но она не должна была предпринимать никаких шагов, которые бы подняли уровень жизни японского населения выше уровня соседних народов. Оккупационным властям рекомендовалось содействовать в решении вопросов репараций, реституции и возмещения ущерба, а также поощрять создание демократических профессиональных организаций рабочих и предпринимателей. Категорически запрещалось предоставление иностранными лицами или правительствами кредитов Японии или ее гражданам без одобрения военного правительства. Только по разрешению последнего японцы могли приобретать иностранные активы⁴⁰.

Нетрудно заметить, что составители SWNCC-150 постарались не акцентировать внимание на спорных вопросах, таких как изменение конституционного строя и судьба императора. Тем не менее в течение двух с половиной месяцев, пока шла доработка первоначального варианта документа, эти темы не раз всплывали в том или ином контексте.

Г. Трумэн, вступив в должность, не имел ни харизмы Ф. Рузвельта, ни собственного общественного мандата на управление государством, ни опыта ведения международных дел. Поначалу он почти целиком полагался на наработки, сделанные при его предшественнике. Среди множества насущных проблем заботы о будущем переустройстве Дальнего Востока ненадолго отошли на второй план. Лишь в конце апреля временно исполнявший тогда обязанности госсекретаря Дж. Грю разъяснил президенту ключевые аспекты американской политики в регионе. Он сообщил, что США рассматривают «создание сильного и единого Китая в качестве необходимого стабилизирующего фактора» на Дальнем Востоке и стремятся утвердить его в статусе великой державы⁴¹. Но он не забывал и о Японии.

⁴⁰ Ibid. P. 553–554.

⁴¹ Truman H.S. Memoirs by Harry S. Truman. Vol. 1: Year of decisions. New York: Doubleday, 1955. P. 104.

После краха Германии и начала интенсивных бомбардировок американской авиацией японских городов Дж. Грю пришел к мнению, что руководство Японии можно убедить сложить оружие, не прибегая к вторжению. Из Отдела психологической войны Военного министерства до него дошла информация о том, что пленные японские генералы допускают капитуляцию Японии в случае, если союзники пообещают сохранить императора. Понимая, что обсуждение каких бы то ни было условий означает отход от требования «безоговорочной капитуляции», планировщики Госдепартамента предлагали его «конкретизировать»⁴². Дж. Грю решил убедить Г. Трумэна издать прокламацию, в которой данное требование дополнялось бы гарантией сохранения императора в качестве главы государства. Имея на руках проект заявления, на встрече с президентом 28 мая он пояснил: Япония капитулирует, если США заверят ее, что это «не повлечет за собой ликвидации [поста. — А.С.] или полного отстранения императора»⁴³. Г. Трумэн ответил, что уже обдумывал такой шаг и считает его неплохим. С ним в целом согласились главы военных ведомств Генри Л. Стимсон и Дж. Форрестол, а также начальник штаба армии генерал Джордж Маршалл. Однако в администрации нашлось немало влиятельных людей, которые выступили против такой формулировки. Среди них были помощник президента Гарри Гопкинс, помощники госсекретаря Арчибалд Маклиш и Дин Ачесон [Toland, 1970: 817]. Кроме того, в ОКНШ возникли опасения, что смягчение требования безоговорочной капитуляции пошлет японцам неверный сигнал. Послушав советников, Г. Трумэн в середине июня сказал Дж. Грю, что отложит решение до встречи с У. Черчиллем и И.В. Сталиным в Потсдаме [Moore, Robinson, 2002: 26].

Борьба между сторонниками и противниками сохранения института императора продолжилась при выработке Потсдамской декларации, которая от имени США, Великобритании и Китая была опубликована 26 июля. Союзники призвали Японию капитулировать, предупредив, что дальнейшее сопротивление приведет к ненужным жертвам и опустошению страны. Далее следовали условия ее капитуляции: временная оккупация территории; разоружение армии и искоренение милитаризма; ограничение суверенитета островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и менее крупными островами; наказание военных преступников и устранение от власти тех, кто обманул и ввел в заблуждение японский народ; возрождение демократиче-

⁴² Borton H. Japan's modern century. New York: Ronald Press, 1955. P. 389.

⁴³ Grew J. Op. cit. P. 1429–1431.

ских тенденций, установление свободы слова и вероисповедания, а также уважение прав человека. В документе отмечалось: «Японии будет разрешено иметь такую промышленность, которая позволит поддержать ее хозяйство и взыскать справедливые репарации натурой, но не те отрасли промышленности, которые позволяют ей снова вооружиться для ведения войны»⁴⁴. В тексте не было даже намека на возможность смягчения условий капитуляции за счет, например, сохранения императора. Декларация содержала ясный посыл: если Япония капитулирует перед союзниками, то она не разделит участи Германии [Thornton, 2014b: 61].

После публикации Потсдамской декларации, ядерных ударов американцев по Хиросиме и Нагасаки и начала Маньчжурской операции Красной армии в SWNCC-150 был внесен ряд поправок. 11 августа появилась его первая новая версия (SWNCC-150/1), а на следующий день, после незначительных редакционных поправок, — вторая (SWNCC-150/2). По сравнению с исходным документом число целей уменьшилось с пяти до трех: лишение Японии ее территориальных захватов; «создание условий, при которых она никогда не будет представлять угрозу миру и безопасности во всем мире»; формирование в соответствии «со свободно выраженной волей японского народа» правительства, уважающего права других государств, и «развитие в Японии уважения к фундаментальным правам человека и принципам либерального и представительного правительства»⁴⁵. Требование безоговорочной капитуляции было заменено на пункт о полномочиях союзных властей. В нем заявлялось, что после капитуляции вся власть переходит в руки верховного главнокомандующего союзных сил, на которого возлагалась задача по выполнению положений Потсдамской декларации. Определенной коррекции подверглись и другие пункты первоначального текста SWNCC-150.

В полдень 15 августа по радио император Хирохито впервые в истории страны прямо обратился к подданным и дрожавшим от волнения голосом объявил о капитуляции империи. Несмотря на то что Квантунская армия в Маньчжурии и отдельные воинские соединения в других регионах продолжали оказывать ожесточенное сопротивление, боевые действия формально завершились. Поскольку Япония

⁴⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. Т. 3: 1945 г. М.: Госполитиздат, 1946. С. 335.

⁴⁵ Politico-Military Problems in the Far East: United States Initial Post-Defeat Policy Relating to Japan. Draft by the State-War-Navy Coordinating Committee. SWNCC 150/2. Washington, D.C., August 12, 1945 // FRUS. 1945. The British Commonwealth, the Far East. P. 609–612.

капитулировала раньше, чем ожидали американские штабисты, потребовалась новая редакция документа о политике в отношении побежденной страны. Планировщики Государственного департамента на сей раз оказались на вторых ролях. Влияние «японской толпы», которое неуклонно снижалось с начала июля, когда Г. Трумэн назначил Джеймса Бирнса на пост государственного секретаря вместо исполнявшего его обязанности Дж. Грю, теперь практически сошло на нет. Последний 15 августа подал прошение об отставке. Вслед за ним покинул свой пост и Ю. Думэн. Сменившие их заместитель госсекретаря Дин Ачесон и новый председатель Подкомитета по Дальнему Востоку SWNCC Джон К. Винсент делали ставку на Китай как на главного союзника США в регионе и не одобряли действий своих предшественников.

Важную роль в подготовке новой версии доклада, которая оформилась 22 августа, сыграло Военное министерство, взявшее на себя ответственность за осуществление оккупационной политики и реализацию намеченных планов. Оно внесло целый ряд поправок, в частности разъяснение понятия «контроль», согласно которому главнокомандующий союзными оккупационными войсками будет «осуществлять свои полномочия с помощью японского правительственного механизма и институтов, в том числе императора». В новом варианте документа также появилось положение о том, что «в случае любых разногласий» между союзными державами голос Соединенных Штатов будет «решающим»⁴⁶. После обсуждения документа в ОКНИШ 31 августа на свет появился его окончательный вариант (SWNCC-150/4), который 6 сентября был утвержден президентом Г. Трумэном. В последней версии были четко прописаны конечные цели оккупации, которые сводились к созданию в соответствии со «свободно выраженной волей японского народа» мирно настроенного и ответственного правительства⁴⁷. Об изменении политической системы страны, реформе ее Конституции и устране-

⁴⁶ U.S. Initial Post-Surrender Policy for Japan (SWNCC150/3). August 22, 1945. GHQ/SCAP Records, Top Secret Records of Various Sections. Administrative Division Box no. CI-1(21) 'SWANCC150/3: Politico-Military Problems in the Far East: United States Initial Post-Defeat Policy Relating to Japan' <Sheet No. TS00350> U.S. National Archives & Records Administration (RG331) // National Diet Library. Available at: https://www.ndl.go.jp/constitution/e/shiryō/01/020/020_0041.html (accessed: 24.04.2020).

⁴⁷ Politico-Military Problems in the Far East: United States Initial Post-Defeat Policy Relating to Japan. SWNCC 150/4. September 6, 1945. U.S. State Department Records Decimal File 1945-1949 (PW) '740.00119 P.W./9-645' <SDD-3, Roll No. 3> U.S. National Archives & Records Administration (RG59) // National Diet Library. Available at: <https://www.ndl.go.jp/constitution/shiryō/01/022/022tx.html> (accessed: 24.04.2020).

нии императора речи уже не шло, но и обеспечивать их сохранность оккупационная администрация также не обязывалась.

* * *

Меморандум SWNCC-150/4 стал последним документом военного времени, в котором излагались рекомендации по выстраиванию американской политики применительно к побежденной Японии. 2 сентября с ее формальной капитуляцией Вторая мировая война завершилась. Соединенные Штаты внесли наибольший вклад в разгром японского милитаризма и собирались консолидировать геополитические «трофеи» путем установления своего контроля над всей зоной Тихого океана, налаживания стратегического партнерства с гоминдановским Китаем и обретения ключевой роли в оккупации Японии. В международных отношениях на Дальнем Востоке началась новая эпоха, к которой США оказались подготовлены лучше, чем их союзники по антигитлеровской коалиции, и во многом — благодаря заблаговременному планированию. Оно представляло собой рутинный процесс, о котором не имели сколь-нибудь ясного представления ни союзные державы, ни американская общественность, ни даже многие высокопоставленные сотрудники государственных органов в Вашингтоне.

Подводя итоги рассмотрения данного процесса, можно сделать ряд выводов, которые наглядно характеризуют механизм принятия стратегических решений в США в военное время. Во-первых, разработка послевоенных планов началась в Государственном департаменте на самой ранней стадии, т.е. еще до вступления США в войну, и велась тщательно и последовательно. Ни одно американское правительство прежде не проявляло такой предусмотрительности. Во-вторых, планирование осуществлялось на довольно высоком уровне. Планировщики выделили ключевые проблемы послевоенного устройства, проанализировали их и сформулировали рекомендации, которые были применены в период оккупации Японии. Заслуга в этом принадлежала в первую очередь небольшой группе специалистов из Госдепартамента и Отдела по гражданским делам Военного министерства, хорошо знавших Японию и разбиравшихся в ее проблемах. В-третьих, разработанные ими планы были неординарными по охвату затронутых в них направлений. Они выходили за рамки обычных территориальных вопросов, репараций, оккупационного режима и касались переустройства всего японского государства и общества с тем, чтобы приблизить их к американским ценностям и политической практике. В-четвертых, наиболее значимым резуль-

татом рассматриваемых событий можно считать то, что еще в годы войны американские планировщики смогли убедить руководство страны принять стратегически важное решение «переориентировать, а не наказывать послевоенную Японию» [Barnes, 2017: 2]. Благодаря такой дальновидной и продуманной политике произошло, казалось, невозможное: из ярого противника Соединенных Штатов на Тихом океане Япония превратилась в их самого надежного союзника, каковым остается до настоящего времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Согрин В.В. Динамика соперничества СССР и США в период «холодной войны». 1945–1991 годы // Новая и новейшая история. 2015. № 6. С. 36–52.
2. Barnes D. Architects of occupation: American experts and the planning for postwar Japan. Ithaca; New York: Cornell University Press, 2017.
3. Barnes D. Think tanks and a new order in East Asia: The Council of Foreign Relations and the Institute of Pacific Relations during World War II // Journal of American-East Asian Relations. 2015. Vol. 22. No. 2. P. 89–119. DOI: 10.1163/18765610-02202002.
4. Baxter C. The great power struggle in East Asia, 1944–1950: Britain, America and post-war rivalry. New York: Palgrave Macmillan, 2009.
5. Butow R.J.C. The John Doe associates: Backdoor diplomacy for peace, 1941. Stanford: Stanford University Press, 1974.
6. Casey S. Cautious crusade: Franklin D. Roosevelt, American public opinion, and the war against Nazi Germany. Oxford: Oxford University Press, 2001.
7. Cohen T. Remaking Japan: The American occupation as New Deal. New York: Free Press of Macmillan, 1987.
8. Cotton J. Celebrating 75 years: The Australian Institute of International Affairs and Australian international relations // Australian Journal of International Affairs. 2008. Vol. 62. No. 4. P. 541–557. DOI: 10.1080/10357710802480741.
9. Dobbins J. After the war: Nation-building from FDR to George W. Bush. Santa Monica: RAND Corporation, 2008.
10. Fairbank J.K. William L. Holland and the IPR in historical perspective // Pacific Affairs. 1979. Vol. 52. No. 4. P. 587–590.
11. Feis H. The road to Pearl Harbor: The coming of the war between the United States and Japan. Princeton: Princeton University Press, 1950.
12. Gurman H. 'Learn to write well': The China Hands and the Communistification of diplomatic reporting // Journal of Contemporary History. 2010. Vol. 45. No. 2. P. 430–453. DOI: 10.1177/0022009409356910.
13. Heiferman R. The Cairo conference of 1943: Roosevelt, Churchill, Chiang Kai-shek and Madame Chiang. Jefferson: McFarland, 2011.
14. Iriye A. Power and culture: The Japanese-American war 1941–1945. Cambridge: Harvard, 1981.

15. Janssens R. What future for Japan? US wartime planning for the postwar era, 1942–1945. Atlanta: Rodopi, 1995.
16. Kah G.H. En route to global occupation. Lafayette, Louisiana: Huntington House Publishers, 1991.
17. Kahn E.J. The China Hands: America's foreign service officers and what befell them. New York: The Viking Press, 1975.
18. Liu X. A partnership for disorder: China, the United States, and their policies for the postwar disposition of the Japanese Empire, 1941–1945. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
19. Marshall J. To have and have not. Southeast Asian raw materials and the origins of the Pacific War. Berkeley: University of California Press, 1995.
20. Mayo M.J. American wartime planning for occupied Japan: The role of the experts // Americans as proconsuls: United States military government in Germany and Japan, 1944–1952 / Ed. by R. Wolfe. Carbondale, Ill.: Southern Illinois University Press, 1984. P. 3–51.
21. Moore R.A., Robinson D.L. Partners for democracy: Crafting the new Japanese state under MacArthur. New York: Oxford University Press, 2002.
22. Morley J.W. Hugh Borton (1903–1995) // The Journal of Asian Studies. 1997. Vol. 56. No. 1. P. 289–290.
23. O'Sullivan C.D. Sumner Welles, Postwar planning, and the quest for a new world order, 1937–1943. New York: Columbia University Press, 2003.
24. Robinson G. By order of the President: FDR and the internment of Japanese Americans. Boston: Harvard University Press, 2001.
25. Romanus C.F., Sunderland R. Stilwell's command problems: China-Burma-India theater. Washington, D.C.: Office of the Chief of Military History, 1956.
26. Romanus C.F., Sunderland R. Time runs out in CBI. Washington, D.C.: Office of the Chief of Military History, Department of the Army, 1959.
27. Sainsbury K. The turning point: Roosevelt, Stalin, Churchill and Chiang Kai-shek, 1943. Oxford: Oxford University Press, 1985.
28. Sasaki Y. Foreign policy experts as service intellectuals. The AIPR, the CFR and planning the occupation of Japan during World War II // The United States and the Second World War: New perspectives on diplomacy, war and the home front / Ed. by K. Piehler, S. Pash. New York: Fordham University Press, 2010. P. 293–324.
29. Shoup L., Minter W. Imperial brain trust: The Council on Foreign Relations and United States foreign policy. New York: Authors Choice Press, 1977.
30. Shulzinger R.D. The wise men of foreign affairs: The history of the Council on Foreign Relations. New York: Columbia University Press, 1984.
31. Thomas J. The Institute of Pacific Relations: Asian scholars and American politics. Seattle: University of Washington Press, 1974.
32. Thomson J. The role of the State Department // Pearl Harbor as history: Japanese-American relations, 1931–1941 / Ed. by D. Borg, S. Okamoto. New York: Columbia University, 1973. C. 81–106.

33. Thornton R.C. FDR's new world order: A chimerical vision // *Journal of Strategy and Politics*. 2014. Vol. 1. No. 1. P. 14–45.
34. Thornton R.C. Truman and the Pacific War end game // *Journal of Strategy and Politics*. 2014. No. 1. P. 46–73.
35. Toland J. *The rising sun: The decline and fall of the Japanese Empire, 1936–1945*. New York: Random House, 1970.
36. Tsou T. *America's failure in China 1941–1950*. 3d. ed. Chicago: University of Chicago Press, 1967.
37. Utley J. *Going to war with Japan*. New York: Fordham UP, 2005.
38. Ward R.E., Sakamoto Y. *Democratizing Japan: The Allied occupation*. Honolulu: University of Hawaii Press, 1987.
39. Woods L.T. Learning from NGO proponents of Asia-Pacific regionalism: Success and its lessons // *Asian Survey*. 1995. Vol. 35. No. 9. P. 812–827. DOI: 10.2307/2645784.

A.A. Sidorov

DEVELOPMENT OF THE US PLANS FOR POST-WAR JAPAN DURING WORLD WAR II

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Signing of the Japanese Instrument of Surrender on September 2, 1945 had formally ended the most destructive and bloody war in the history of mankind. Even before that a new balance of power on the international arena began to form, that would persist for almost half a century. At the same time, it was obvious from the outright that the Allies had very different views on how the post-war world order should look like. Traditionally, both Russian and foreign academic literature focused on their disputes regarding the German question. This paper provides a brief overview of the US Department of State planning and recommendation process for the post-war reconstruction of Japan in 1939–1945, which had eventually led to the formation of the so-called San Francisco subsystem of international relations. The first section of the paper outlines the challenges faced by the State Department when it came to planning the post-war architecture of the Far East. In that regard, the author pays particular attention to the staff shortage, which forced the Department of State to strengthen partnership with private research organizations and involve them in long-term planning.

The author emphasizes that if before the United States entered the war the US planners adopted a rather tough stance on Japan, after the attack on Pearl Harbor their approaches paradoxically changed. The second section examines the contradictions and tensions between those politicians and experts who believed that in the establishment of the post-war order in the

Far East the US should cooperate with China, and those who promoted rapprochement with Japan. These groups were unofficially referred to as the 'Chinese team' and the 'Japanese crowd' accordingly. The paper shows that as the end of the war approached, these contradictions gradually faded into the background. The needs to promote the interdepartmental cooperation and to reconcile the positions of the State Department, the Military and Naval Ministries on the future of Japan came to the fore. This work resulted in a series of memoranda, which laid the foundation for the US post-war policy towards Japan. In conclusion the author provides a general assessment of the strategic decision-making process in the United States during wartime and emphasizes its consistency, thoroughness and flexibility. As a result, it enabled the US to achieve what seemed impossible: to turn Japan from an ardent adversary of the United States in the Pacific into one of its most reliable allies, and it remains such today.

Keywords: the United States, Japan, World War II, planning, San Francisco subsystem of international relations, the State Department, F.D. Roosevelt, H. Truman.

About the author: *Andrey A. Sidorov* — PhD (History), Associate Professor, Dean of the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Head of the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: aas@fmp.msu.ru).

REFERENCES

1. Sogrin V.V. 2015. Dinamika sopernichestva SSSR i SShA v period 'kholodnoi voiny'. 1945–1991 gody [Dynamics of rivalry of the USSR and the USA during the Cold War. 1945–1991]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 6, pp. 36–52. (In Russ.)
2. Barnes D. 2017. *Architects of occupation: American experts and the planning for postwar Japan*. Ithaca, New York, Cornell University Press.
3. Barnes D. 2015. Think tanks and a new order in East Asia: The Council of Foreign Relations and the Institute of Pacific Relations during World War II. *Journal of American-East Asian Relations*, vol. 22, no. 2, pp. 89–119. DOI: 10.1163/18765610-02202002.
4. Baxter C. 2009. *The great power struggle in East Asia, 1944–1950: Britain, America and post-war rivalry*. New York, Palgrave Macmillan.
5. Butow R.J.C. 1974. *The John Doe associates: Backdoor diplomacy for peace, 1941*. Stanford, Stanford University Press.
6. Casey S. 2001. *Cautious crusade: Franklin D. Roosevelt, American public opinion, and the war against Nazi Germany*. Oxford, Oxford University Press.
7. Cohen T. 1987. *Remaking Japan: The American occupation as New Deal*. New York, Free Press of Macmillan.

8. Cotton J. 2008. Celebrating 75 years: The Australian Institute of International Affairs and Australian international relations. *Australian Journal of International Affairs*, vol. 62, no. 4, pp. 541–557. DOI: 10.1080/10357710802480741.
9. Dobbins J. 2008. *After the war: Nation-building from FDR to George W. Bush*. Santa Monica, RAND Corporation.
10. Fairbank J.K. 1979. William L. Holland and the IPR in historical perspective. *Pacific Affairs*, vol. 52, no. 4, pp. 587–590.
11. Feis H. 1950. *The road to Pearl Harbor: The coming of the war between the United States and Japan*. Princeton, Princeton University Press.
12. Gurman H. 2010. 'Learn to write well': The China Hands and the Communistification of diplomatic reporting. *Journal of Contemporary History*, vol. 45, no. 2, pp. 430–453. DOI: 10.1177/0022009409356910.
13. Heiferman R. 2011. *The Cairo conference of 1943: Roosevelt, Churchill, Chiang Kai-shek and Madame Chiang*. Jefferson, McFarland.
14. Iriye A. 1981. *Power and culture: The Japanese-American war 1941–1945*. Cambridge, Harvard.
15. Janssens R. 1995. *What future for Japan? US wartime planning for the postwar era, 1942–1945*. Atlanta, Rodopi.
16. Kah G.H. 1991. *En route to global occupation*. Lafayette, Louisiana, Huntington House Publishers.
17. Kahn E.J. 1975. *The China Hands: America's foreign service officers and what befell them*. New York, The Viking Press.
18. Liu X. 2002. *A partnership for disorder: China, the United States, and their policies for the postwar disposition of the Japanese Empire, 1941–1945*. Cambridge, Cambridge University Press.
19. Marshall J. 1995. *To have and have not. Southeast Asian raw materials and the origins of the Pacific War*. Berkeley, University of California Press.
20. Mayo M.J. 1984. American wartime planning for occupied Japan: The role of the experts. In Wolfe R. (ed.). *Americans as proconsuls: United States military government in Germany and Japan, 1944–1952*. Carbondale, Ill., Southern Illinois University Press, pp. 3–51.
21. Moore R.A., Robinson D.L. 2002. *Partners for democracy: Crafting the new Japanese state under MacArthur*. New York, Oxford University Press.
22. Morley J.W. 1997. Hugh Borton (1903–1995). *The Journal of Asian Studies*, vol. 56, no. 1, pp. 289–290.
23. O'Sullivan C.D. 2003. *Sumner Welles, Postwar planning, and the quest for a new world order, 1937–1943*. New York, Columbia University Press.
24. Robinson G. 2001. *By order of the President: FDR and the internment of Japanese Americans*. Boston, Harvard University Press.
25. Romanus C.F., Sunderland R. 1956. *Stilwell's command problems: China-Burma-India theater*. Washington, Office of the Chief of Military History.
26. Romanus C.F., Sunderland R. 1959. *Time runs out in CBI*. Washington, Office of the Chief of Military History, Department of the Army.
27. Sainsbury K. 1985. *The turning point: Roosevelt, Stalin, Churchill and Chiang Kai-shek, 1943*. Oxford, Oxford University Press.

28. Sasaki Y. 2010. Foreign policy experts as service intellectuals. The AIPR, the CFR and planning the occupation of Japan during World War II. In Piehler K., Pash S. (eds.). *The United States and the Second World War: New perspectives on diplomacy, war and the home front*. New York, Fordham University Press, pp. 293–324.
29. Shoup L., Minter W. 1977. *Imperial brain trust: The Council on Foreign Relations and United States foreign policy*. New York, Authors Choice Press.
30. Shulzinger R.D. 1984. *The wise men of foreign affairs: The history of the Council on Foreign Relations*. New York, Columbia University Press.
31. Thomas J. 1974. *The Institute of Pacific Relations: Asian scholars and American politics*. Seattle, University of Washington Press.
32. Thomson J. 1973. The role of the State Department. In Borg D., Okamoto S. (eds.). *Pearl Harbor as history: Japanese-American relations, 1931–1941*. New York, Columbia University, pp. 81–106.
33. Thornton R.C. 2014a. FDR's new world order: A chimerical vision. *Journal of Strategy and Politics*, vol. 1, no. 1, pp. 14–45.
34. Thornton R.C. 2014b. Truman and the Pacific War end game. *Journal of Strategy and Politics*, no. 1, pp. 46–73.
35. Toland J. 1970. *The rising sun: The decline and fall of the Japanese Empire, 1936–1945*. New York, Random House.
36. Tsou T. 1967. *America's failure in China 1941–1950*. 3d. ed. Chicago, University of Chicago Press.
37. Utley J. 2005. *Going to war with Japan*. New York, Fordham UP.
38. Ward R.E., Sakamoto Y. 1987. *Democratizing Japan: The Allied occupation*. Honolulu, University of Hawaii Press.
39. Woods L.T. 1995. Learning from NGO proponents of Asia-Pacific regionalism: Success and its lessons. *Asian Survey*, vol. 35, no. 9, pp. 812–827. DOI: 10.2307/2645784.

П.И. Фалалеев*

**«ПЛАН МАРШАЛЛА»
И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭВОЛЮЦИЯ ПОЗИЦИЙ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ФРАНЦИИ (1947–1948)**

*Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский национальный исследовательский медицинский университет
имени Н.И. Пирогова» Министерства здравоохранения
Российской Федерации
117997, Москва, ул. Островитянова, 1*

История разработки и реализации «плана Маршалла» достаточно подробно изучена как в отечественной, так и в зарубежной академической литературе. Тем не менее ряд аспектов данной проблематики по-прежнему требуют дальнейшего, более глубокого изучения. В частности, представляется целесообразным рассмотреть подробнее реакцию Великобритании и Франции на инициативу государственного секретаря США и влияние «плана Маршалла» на процессы европейской интеграции. Как показано в данном исследовании, реакция эта была далеко не однозначной, что высветило ряд расхождений между ключевыми странами Запада касательно как отношений друг с другом, так и подходов к послевоенному восстановлению и развитию Европы. В статье подробно прослежена эволюция позиций французского и британского руководства по этим вопросам с первых обсуждений проектов получения помощи от США до окончательного принятия ими «плана Маршалла». Показано, что ключевые противоречия концентрировались вокруг проблем взаимодействия с СССР, германского вопроса, согласования объемов и условий получения помощи странами Европы. Необходимость отстаивания собственных интересов в ходе трудных переговоров с американскими представителями, с одной стороны, способствовала быстрому сближению позиций Великобритании и Франции, а с другой — активизировала обсуждение проектов западно-европейской интеграции. Автор отмечает в этой связи, что перспектива экономического объединения стран региона вызывала смешанные

* Фалалеев Петр Игоревич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории медицины и социально-гуманитарных наук Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н.И. Пирогова Министерства здравоохранения Российской Федерации (e-mail: petrfaaleev@gmail.com).

чувства в американской элите. Часть ее рассматривала этот процесс как важный элемент сплочения стран Запада, в частности как средство преодоления противоречий по германскому вопросу. В то же время другая часть опасалась, что интеграция экономик стран Западной Европы может обернуться появлением нового конкурента для самих США. Автор приходит к выводу, что расширение влияния интеграционных идей в Европе в 1947–1948 гг. было обусловлено целой совокупностью факторов, включавшей как комплекс внутриевропейских политических процессов, так и краткосрочные и долгосрочные последствия «плана Маршалла». При этом если с точки зрения развития экономики Западной Европы эти последствия носили неоднозначный характер и до сих пор являются предметом споров среди исследователей, то с точки зрения политики, международных отношений «план Маршалла» стал фактором, усиливавшим межблоковое противостояние в Старом Свете, характерное для периода «холодной войны».

Ключевые слова: «план Маршалла», Г. Трумэн, Западная Европа, США, Великобритания, Франция, послевоенное восстановление, европейская интеграция, «холодная война».

Провозглашение американским руководством «плана Маршалла», предусматривавшего оказание странам Европы экономической помощи при выполнении ими ряда условий, выдвинутых Вашингтоном, было одним из важнейших событий для истории международных отношений во второй половине 1940-х годов. Актуальность исследования обусловлена тем, что «план Маршалла» стал важным шагом к созданию системы, которая и в XXI в. обуславливает механизмы преобладающего влияния США на внешнюю политику Западной Европы. Термин «план Маршалла» используется не только в рамках изучения «холодной войны», но и при рассмотрении современных реалий. Это иллюстрирует речь президента Франции Н. Саркози (2007–2012), который осенью 2016 г. призвал разработать «план Маршалла» для Африки¹.

На данный момент в историографии наиболее подробно раскрыты те аспекты инициативы государственного секретаря США Дж. Маршалла, которые касаются прежде всего позиций руководства СССР и США [Hogan, 1987; Holm, 2017; Steil, 2018; Наринский, 1995, 1996а, 1996б; Наринский и др., 2012]. Как отмечает в этой связи видный отечественный исследователь М.М. Наринский, «реализация плана Маршалла без участия СССР и даже при его противодействии в какой-то степени устраивала обе стороны» [Наринский, 1995: 43]. Из новейших публикаций, посвященных сравнительному

¹ Le Monde. 07.10.2016.

анализу позиций Москвы и Вашингтона, можно выделить работу американского исследователя Б. Стейла [Steil, 2018]. В то же время изучение феномена «плана Маршалла», естественно, не может ограничиваться лишь рассмотрением подходов этих двух стран. В частности, представляется целесообразным подробнее разобрать вопрос об отношении самих государств Западной Европы к американской инициативе, ее целям, условиям и механизмам практической реализации. Особый интерес в этой связи представляют позиции Великобритании и Франции. Совокупность источников, доступных исследователям в настоящий момент², позволяет также во многом по-новому взглянуть на воздействие «плана Маршалла» на интеграционные процессы в Европе.

Основные тенденции развития англо-франко-американских отношений накануне принятия «плана Маршалла» (1945 — июнь 1947 г.)

Рассуждая о предыстории «плана Маршалла», необходимо понимать, что в 1945–1947 гг. Европа столкнулась с действительно серьезными экономическими проблемами. По данным британского исследователя Б.Р. Митчелла, во Франции индекс промышленного производства в 1946 г. составлял 83% по отношению к довоенному [Mitchell, 2003: 423–424]. В 1947 г. в Бельгии, на тот момент опережавшей своих соседей по темпам восстановления промышленности, уровень добычи угля отставал от довоенного на 18%. Великобритания также оказалась перед лицом значительных финансовых трудностей [Britain and Europe, 2011: 87]: согласно собранной Б.Р. Митчеллом статистике добыча угля в 1947 г. составила 87% уровня 1938 г. Французский обозреватель Ж. Лекийе утверждал, что после Второй мировой войны британская экономика из «всемирного кредитора» превратилась в заемщика, страна столкнулась с нехваткой кораблей для собственного торгового флота³. По сведениям того же автора, лейбористское правительство испытывало трудности при реконверсии экономики, и в декабре 1946 г. в Великобритании

² См., например: Documents diplomatiques français (DDF). 1947. T. 2 (1er juillet — 31 décembre). Bruxelles: Peter Lang, 2009; Foreign Relations of the United States (FRUS). 1947. Vol. 3. British Commonwealth and Europe. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1972; Foreign Relations of the United States (FRUS). 1948. Vol. 3. Western Europe. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1974; Documents on British policy overseas. Series I. Vol. XI. European Recovery and the Search for Western Security, 1946–1948. London, New York: Routledge, 2017.

³ Le Monde. 12.04.1947.

насчитывалось 400 тыс. безработных⁴. Во Франции угольная промышленность добилась серьезных успехов в 1946 г., но в 1947 г., по данным Б.Р. Митчелла, показатели развития этой отрасли уступали уровню 1938 г.

В таких условиях Великобритания, Франция и другие государства Западной Европы рассчитывали на масштабную экономическую помощь Вашингтона. В итоге в декабре 1945 г. США официально согласились предоставить Лондону заем на сумму 3,75 млрд долл. [Steil, 2018: 104]. Этот шаг американцев свидетельствовал об их намерении существенно влиять на дела Старого Света.

Начиная с лета 1945 г. новый глава МИД Великобритании Э. Бевин отстаивал необходимость преемственности дипломатической линии лейбористского кабинета министров и его предшественников — правительства У. Черчилля. Э. Бевин добивался постоянного углубления взаимодействия США и Великобритании, осознавая, что в первые послевоенные годы американский президент Г. Трумэн еще был вынужден учитывать давние политические традиции Нового Света, в некоторой степени сдерживавшие активность Вашингтона в Европе.

18 января 1947 г. Э. Бевин направил главе британского правительства К. Эттли меморандум об углублении экономического сотрудничества, в котором не исключал появления таможенного союза с участием Великобритании, ряда континентальных стран Западной Европы и западных оккупационных зон в Германии⁵. С весны 1947 до начала 1948 г. Э. Бевин высказывал мнение о необходимости создания тесно сотрудничающего с Вашингтоном военно-политического западноевропейского объединения государств без формального участия США. Его идеи, однако, отнюдь не сразу получили одобрение Парижа. Осенью 1945 г. глава французского правительства генерал Ш. де Голль действительно рассматривал план секретного военного соглашения между Францией, США и Великобританией [Soutou, 2008: 179]. Однако до осуществления подобных мер на практике дело в конце 1945 — начале 1946 г. не дошло, поскольку генерал имел разногласия по германскому вопросу не только с СССР, но и с англо-американскими союзниками. В январе 1946 г. Ш. де Голль ушел в отставку, и его преемники некоторое время воздерживались от участия в проектах, предусматривавших военно-политическую интеграцию западного мира при активной роли США, предпочитая политику лавирования между Москвой и западными столицами.

⁴ Ibidem.

⁵ Documents on British policy overseas. P. 203.

В целом подходы Парижа и Лондона к внешнеполитическому планированию различались по целому ряду пунктов, однако к середине 1947 г. все же сложился комплекс факторов, содействовавших сближению их позиций. Ключевую роль в этом сыграло желание обеих сторон получить американскую помощь.

В годы Второй мировой войны США принимали активное участие в создании международных организаций и структур в сфере экономического регулирования, которым предстояло сыграть свою роль в послевоенный период. В 1944 г. в ходе Бреттон-Вудской конференции американское руководство демонстрировало стремление при формировании своей внешнеполитической линии уделять будущей экономической ситуации в Европе значительно больше внимания, чем в 1920–1930-е годы.

При этом нужно отметить, что хотя после завершения Второй мировой войны западноевропейские элиты в целом очень рассчитывали на материальную поддержку со стороны США, обсуждение ее конкретных форм и целей практически сразу обернулось серьезными противоречиями. Например, в 1945 г. достаточно трудно проходили переговоры о предоставлении американцами помощи Лондону [Лауне, 2006: 49]. Французское руководство вскоре столкнулось со сходными сложностями, добиваясь предоставления ему Соединенными Штатами ряда экономических ресурсов. В 1946 г. Париж и Вашингтон по-разному интерпретировали договоренности касательно поставок зерновых из Нового Света, достигнутые в начале того же года по итогам миссии в США министра сельского хозяйства Франции Ф. Танги-Прижана. Это вызвало определенные взаимные претензии.

Экономические факторы теснейшим образом переплетались с политическими, особенно при урегулировании германского вопроса. В декабре 1946 г. Лондон и Вашингтон заключили соглашение о слиянии их зон оккупации в Германии и образовании Бизонии. Вскоре Дж.Ф. Даллес, будущий госсекретарь США, призвал при урегулировании германского вопроса «больше мыслить понятиями экономического единства Европы, чем понятиями потсдамского диктата, гласящего, что Германия должна быть единым экономическим целым» [Божик, 2019: 68]. Характеризуя цели США при урегулировании германского вопроса, американский историк И. Уолл указывал: «План Маршалла действительно воспринимался американскими политиками как план формирования Западной Европы в качестве оплота против коммунистической угрозы <...>. Возрождение германской мощи и интеграция Германии в восстановленную Западную

Европу при этом относились к числу базовых, основополагающих целей американцев» [Wall, 1991: 73].

Взгляды руководителей Франции по германскому вопросу серьезно отличались от позиции США и Великобритании. Осенью 1945 г. Ш. де Голль высказывался за превращение Германии в конфедерацию (или даже в союз государств), отделение от нее Саара, Рура и Рейнской области и установление международного контроля над двумя последними и преобладающего влияния Франции в Сааре. Ни СССР, ни США, ни Великобритания в полной мере не одобряли подобную программу действий. После отставки генерала в январе 1946 г. Париж несколько смягчил свою позицию, не отказавшись от прежних требований по существу. В итоге согласие на создание Тризонии, т.е. объединения французской, американской и британской оккупационных зон в Германии, Франция дала только в 1948 г.

В подобной обстановке в январе 1947 г. пост госсекретаря США занял генерал Дж. Маршалл. В марте 1947 г. американский президент публично сформулировал ряд принципов, вошедших в историю как «доктрина Трумэна». Подвергнув резкой критике действия коммунистов в Греции, он призвал оказать широкомасштабную военно-техническую помощь ей и Турции, чтобы удержать развитие этих государств в выгодном для Запада русле⁶. Как следовало из речи Г. Трумэна, американцы явно стремились не ограничиваться помощью греческому и турецкому правительствам и были готовы к иным мероприятиям ради закрепления своего влияния в Старом Свете. Между тем И.В. Сталин со своей стороны не хотел отказываться от присутствия представителей коммунистических партий в правительствах Франции и Италии.

В марте–апреле 1947 г. американское руководство вознамерилось провести масштабную политическую акцию, закреплявшую сферу влияния США в Европе. Администрация Г. Трумэна стремилась расширить свою роль в противостоянии (в собственном понимании) экономическому кризису в Великобритании, Франции и Бельгии в значительной мере по той причине, что, по ее мнению, таким способом она сокращала электоральную базу коммунистов и их союзников.

Весной 1947 г. представители обеих коммунистических партий (ФКП и ИКП) были исключены из французского и итальянского правительств. Очевидно, руководство Франции и Италии рассчиты-

⁶ The Truman doctrine. The speech delivered 12 March 1947 before the Joint Session of Congress. Available at: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/harrystrumantrumandocctrine.html> (accessed: 12.09.2019).

вало таким путем облегчить для себя получение помощи от США, и Вашингтон действительно подталкивал французского премьер-министра П. Рамадье и главу итальянского кабинета А. де Гаспери к такому шагу. В Италии новое правительство во главе с А. де Гаспери, в которое вошли 10 христианских демократов и 5 беспартийных, было сформировано 31 мая 1947 г.

В этих условиях 11 мая 1947 г. заместитель госсекретаря США Д. Ачесон заявил: «Появление консолидированной европейской экономики остается основополагающей целью нашей внешней политики»⁷. Это высказывание высокопоставленного американского дипломата привлекло к себе значительное внимание со стороны МИД Великобритании и Франции. Заявление Д. Ачесона можно рассматривать как пролог к речи Дж. Маршалла 5 июня: оно существенно повлияло на внешнеполитическую линию и Вашингтона, и Лондона, и Парижа.

Речь госсекретаря США Дж. Маршалла 5 июня 1947 г. и реакция на нее Великобритании и Франции

5 июня 1947 г. Дж. Маршалл обратился с речью о внешней политике к выпускникам Гарвардского университета. Госсекретарь США подробно охарактеризовал ситуацию, сложившуюся у союзников: «Действительно, на следующие три или четыре года потребности Европы в иностранном продовольствии и других важнейших продуктах <...> настолько превышают ее нынешнюю платежную способность, что ей нужно оказать значительную дополнительную помощь, или она столкнется с очень серьезным обострением ситуации в экономической, социальной и политической областях»⁸.

Дж. Маршалл призвал европейские государства подготовить консолидированную позицию касательно необходимого объема экономической помощи и вклада, который каждое из них может внести в успешное воплощение инициативы правительства США в этой сфере, и передать соответствующие данные Вашингтону. Госсекретарь пригрозил отказом США от предоставления экономической помощи странам, которые будут блокировать претворение в жизнь данного плана.

12 июня Дж. Маршалл дополнил свои высказывания об экономической помощи союзникам. Он отметил, что, излагая свой план,

⁷ Le Monde. 12.05.1947.

⁸ The Marshall Plan speech. 05.06.1947. Available at: <https://www.oecd.org/general/themarshallplanspeechatharvarduniversity5june1947.htm> (accessed: 27.01.2020).

рассматривал и Великобританию, и СССР как часть Европы, обозначая этим словом все пространство «к западу от Азии»⁹. В реальности Дж. Маршалл весьма серьезно опасался согласия Москвы на его предложения. Впрочем, еще 27 мая, во время совещания в Госдепартаменте, глава штаба внешнеполитического планирования данного ведомства Дж. Кеннан убедил свое начальство в том, что Москва не даст положительного ответа.

По его мнению, участие СССР в «плане Маршалла» плохо сочеталось с позицией И.В. Сталина по репарационному вопросу и нежеланием советских властей предоставлять точные сведения о показателях развития экономики страны. В случае же, если бы Москва дала согласие, США следовало, как полагал Дж. Кеннан, предложить ей роль поставщика сырья и бесплатных продуктов питания в Западную Европу [Steil, 2018: 91–92].

Госдепартамент тем временем продолжал разъяснять свои требования представителям европейских государств, в частности Франции. 12 июня Дж. Маршалл направил французскому послу в Вашингтоне А. Бонне письмо, в котором отметил, что США нужна информация по ряду пунктов, в том числе об основных тенденциях общественного мнения в различных странах Европы и основных показателях их экономического развития¹⁰. Уже на этом основании можно утверждать, что «план Маршалла» был нацелен на усиление контроля США над Западной Европой, расширение американской сферы влияния и вовлечение в нее восточных европейцев.

Реакция британской и французской дипломатии на инициативы Дж. Маршалла не заставила себя долго ждать. 9 июня министр иностранных дел Великобритании Э. Бевин выразил желание усилить сотрудничество с Францией «при изучении нового американского подхода к Европе» [Pelling, Cox, 1988: 11]. 14 июня он сообщил в Вашингтон, что берет инициативу на себя и планирует подтолкнуть министра иностранных дел Франции Ж. Бидо к активным действиям. Днем ранее глава французского МИД положительно отреагировал на инициативу американцев.

20 июня Э. Бевин, выступая в Палате общин, заявил, что рассматривает речь Дж. Маршалла как «отличную возможность для Европы», которую британское правительство намеревается

⁹Times. 13.06.1947.

¹⁰The Secretary of State to the Embassy in France. June 12, 1947 // FRUS. 1947. Vol. 3. British Commonwealth and Europe. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1972. P. 250.

максимально использовать¹¹. На тот момент Э. Бевин был сторонником западноевропейской военно-политической интеграции без формального участия США, но при тесном сотрудничестве с ними [Kent, Young, 1992: 216–217]. Когда предложения Дж. Маршалла были озвучены, глава британского МИД ухватился за них “обеими руками” [Pelling, Cox, 1988: 12]. По его мнению, появилась хорошая возможность рассматривать экономику Европы как единое целое. Э. Бевин призвал как можно скорее пойти навстречу инициативе госсекретаря США — подготовить одобренную всеми странами, желавшими участвовать в реализации «плана Маршалла», совместную программу восстановления Европы¹². Похожим образом действовал Ж. Бидо¹³. При этом некоторое время он стремился продемонстрировать, что Париж не отказывается от своих требований касательно германского вопроса [Hitchcock, 1998: 74]. В целом до ноября 1947 г. Франция продолжала в определенной мере политику лавирования между СССР и англо-американскими союзниками, рассчитывая получить выигрышную позицию для реализации своих требований по Германии [Béziás, 2006: 362].

18 июня Ж. Бидо и Э. Бевин провели встречу в Париже и по ее итогам пригласили министра иностранных дел СССР В.М. Молотова в трехстороннем формате обсудить инициативу Дж. Маршалла. В тот же день состоялись консультации французского и британского министров иностранных дел с американским послом в Париже Дж. Кэффери. По его свидетельствам, и Ж. Бидо, и Э. Бевин заявили о нежелательности участия СССР в реализации «плана Маршалла» [Наринский, 1996а: 114].

Безусловно, Вашингтон занимал аналогичную позицию. 18 июня заместитель госсекретаря США У. Клейтон отметил, что его руководство планирует в первую очередь оказывать помощь именно государствам, испытывающим дефицит долларов для своих нужд в сфере внешней торговли. СССР, по мнению заместителя госсекретаря, не относился к данной группе [Наринский, 1995: 31]. Заявление У. Клейтона было сделано с определенной целью — спровоцировать негативный ответ Москвы на предложения Вашингтона.

Сначала на речь Дж. Маршалла сталинское руководство отреагировало со «смесью недоверия, интереса и неопределенности»

¹¹ Times. 20.06.1947.

¹² Documents on British policy overseas. P. 326.

¹³ Memorandum of conversation, by the Secretary of State (Marshall). June 13, 1947 // FRUS. 1947. Vol. 3. British Commonwealth and Europe. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1972. P. 252.

касательно ее «подлинных мотивов» [Печатнов, 2006: 451]. 23 июня В.М. Молотов все же официально согласился участвовать в Парижском совещании. Во время переговоров с французами и британцами, согласно указаниям руководства, делегация СССР должна была выяснить масштабы и условия предлагаемой помощи, а также настоять на составлении заявок отдельными странами [Печатнов, Манькин, 2012: 318].

27 июня Парижское совещание начало свою работу. Во вступительном слове Ж. Бидо заявил, что запрос европейских стран на получение помощи, адресованный США, должен быть сформулирован после разработки совместной программы экономических мероприятий, основанной на общей «балансовой ведомости»¹⁴. Для достижения данной цели Ж. Бидо призвал учредить руководящий комитет.

В ходе заседания 28 июня В.М. Молотов признал, что при определенных условиях помощь со стороны американцев могла бы стать полезной. При этом он охарактеризовал инициативу Дж. Маршалла как продиктованную желанием Вашингтона с выгодой для себя предоставить кредит в целях расширения внешних рынков. Глава МИД СССР выразил уверенность в том, что каждая из стран Европы по отдельности сможет лучше сформулировать свои потребности. Предложения Э. Бевина и Ж. Бидо, направленные на выработку общей экономической программы ради получения американской помощи, Москва не рассматривала в качестве приемлемой основы для сотрудничества. После второго заседания В.М. Молотов докладывал в Москву о том, что в ходе переговоров с британцами и французами подчеркивал разницу между своим предложением и позицией Ж. Бидо [Наринский, 1995: 35].

На заседании 30 июня Э. Бевин высказался за существенное усиление координации действий стран Европы при составлении запроса на получение помощи от США. В.М. Молотов снова возразил.

Между тем 24–27 июня прошли англо-американские переговоры. По мнению М.М. Наринского, тогда «была достигнута договоренность об осуществлении плана Маршалла применительно только к Западной Европе, без Советского Союза» [Наринский, 1995: 36]. Тогда же, 25 июня, У. Клейтон призвал Э. Бевина сформулировать «конкретные предложения по углублению европейской экономиче-

¹⁴ French Yellow Book: Documents of the Conference of Foreign Ministers of France, the United Kingdom, and the U.S.S.R. Held in Paris from the 27th June to the 3rd July, 1947. London: Hutchinson, 1947. P. 28.

ской интеграции»¹⁵. Глава британского МИД одобрил эту идею, но заявил о существовании противоречий между ней и требованиями международных финансовых институтов. К 30 июня В.М. Молотову стало известно об итогах англо-американских переговоров.

Во время заседания 30 июня глава МИД СССР предложил создать франко-англо-советский координационный комитет и сформировать при нем три комиссии, ответственные за изучение вопроса об объеме требуемой помощи со стороны США. В состав каждой из комиссий Москва предлагала включить, помимо представителей СССР, Великобритании и Франции, граждан еще двух европейских держав из числа тех, которые пережили немецкую оккупацию и внесли вклад в победу союзников. Э. Бевин категорически не согласился с В.М. Молотовым.

Ж. Бидо занял менее жесткую позицию, чем его британский коллега, поскольку часть французских правительственных кругов положительно воспринимала перспективу участия СССР в «плане Маршалла», но 1 июля заявил: «Я хотел бы сейчас продемонстрировать, что идея кооперации, содержащаяся в нашем предложении, не подразумевает никакого вмешательства во внутренние дела европейских государств, никакого посягательства на их суверенитет»¹⁶. Между тем В.М. Молотов продолжал отстаивать собственные предложения. 2 июля Парижское совещание завершилось при полном отсутствии сближения позиций сторон.

Отказ СССР от участия в «плане Маршалла» вызвал удовлетворение у высокопоставленных американских дипломатов¹⁷. Иная реакция Москвы могла бы крайне затруднить осуществление замысла госсекретаря. При этом отчасти итоги Парижского совещания были выгодны и для сталинского руководства, так как в результате этих событий произошла консолидация просоветского блока [Steil, 2018: 119].

Следует признать, что в целом результаты Парижского совещания нанесли сокрушительный удар по перспективам реализации планов, которые могли смягчить логику блокового противостояния в Европе, в частности предотвратить раскол Германии [Филитов, 2009: 127].

¹⁵ Memorandum of Conversation, by the First Secretary of Embassy in the United Kingdom (Peterson). June 25, 1947 // FRUS. 1947. Vol. 3. British Commonwealth and Europe. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1972. P. 281.

¹⁶ DDF. P. 24.

¹⁷ Memorandum prepared by the Policy Planning Staff. July 21, 1947 // FRUS. 1947. Vol. 3. British Commonwealth and Europe. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1972. P. 335–337.

В свою очередь Франция и Великобритания сразу после завершения Парижского совещания приступили к формированию европейских структур, необходимых для реализации «плана Маршалла». 3 июля Ж. Бидо и Э. Бевин издали совместное коммюнике, в котором пригласили 22 страны принять участие в выработке плана восстановления Европы.

4 июля из Москвы пришли указания семи лидерам восточноевропейских компартий направить на Парижское совещание делегации, готовые предотвратить единодушное одобрение англо-французского плана, обосновать его неприемлемость и лишь затем на определенном этапе покинуть столицу Франции. Однако 7 июля В.М. Молотов составил новые инструкции, запрещавшие участие восточноевропейских стран просоветского блока в обсуждении «плана Маршалла». Албания, Болгария, Венгрия, Польша, Румыния и Югославия сразу солидаризировались с новой дипломатической линией Кремля. Определенные возражения высказывало руководство Чехословакии, но после встречи делегации из Праги с И.В. Сталиным 9 июля оно также вынуждено было отказаться от участия в американской инициативе [Наринский, 1995: 121]. Восточная Европа осталась вне сферы ее действия. 11 июля британский и французский послы в Праге выразили «глубочайшее сожаление», когда министр иностранных дел Чехословакии В. Клементис сообщил им, что его страна не будет участвовать в Парижской конференции¹⁸. При этом представитель Великобритании категорически возразил против заявления В. Клементиса, утверждавшего, что Лондон и Вашингтон готовят неприемлемый для Чехословакии план развития промышленности Рура¹⁹.

Между тем для представителей Лондона, Парижа и Вашингтона на первый план вышло обсуждение перспектив европейских интеграционных процессов. Вскоре после завершения Парижского совещания, 9 июля, состоялась беседа между У. Клейтоном, П. Рамадье и Ж. Бидо. Первый дал понять французам, что Германия должна получить свое место при строительстве единой Европы [Bossuat, 1997: Электронный ресурс]. Неслучайно американский историк Дж. Гимбел рассматривал как одну из целей «плана Маршалла» преодоление сопротивления Франции росту германской экономики [Gimbel, 1976: 98]. Во время встречи 9 июля Ж. Бидо осторожно заговорил о сотрудничестве при взаимном уважении суверенитетов.

¹⁸ Documents on British policy overseas. P. 410.

¹⁹ Ibidem.

В целом П. Рамадье тогда проявил больше приверженности интеграционным идеям по сравнению с главой МИД Франции.

Позже, 22 сентября, французский премьер в беседе с Э. Бевином отметил: «Германский вопрос — это главный вопрос для Европы, и если мы сможем должным образом организовать положение дел в Европе, то германская проблема получит свое решение»²⁰. П. Рамадье был готов идти на большие, чем Ж. Бидо, уступки в отношении Германии ради процесса европейской интеграции. В данном случае германский вопрос рассматривался как частный случай проблемы будущей организации Европы.

В целом в ходе Парижского совещания руководство Франции и Великобритании быстро пришло к консенсусу относительно осуществления «плана Маршалла» без участия Советского Союза. Во французской политической элите были сторонники иного варианта реализации инициативы госсекретаря (к ним, например, вероятно, можно отнести руководителя французского Генерального комиссариата планирования Ж. Монне²¹), но они составляли меньшинство.

«План Маршалла» и Комитет европейского экономического сотрудничества

12 июля в Париже началась трехдневная конференция с участием 16 государств: Австрии, Бельгии, Великобритании, Греции, Дании, Ирландии, Исландии, Италии, Франции, Нидерландов, Норвегии, Люксембурга, Португалии, Турции, Швеции и Швейцарии. В результате был сформирован Комитет европейского экономического сотрудничества (КЕЭС) во главе с британцем О. Фрэнксом. Комитет поставил перед собой задачу разработать общий западноевропейский план экономического развития. В Европу прибыл У. Клейтон, которому предстояло негласно контролировать ход работы КЕЭС.

По-видимому, американское руководство беспокоило сохранение противоречий с Парижем по германскому вопросу. Накануне открытия Парижской конференции (12–15 июля 1947 г.) Великобритания и США достигли договоренности о повышении уровня промышленного производства в Бизонии, но Ж. Бидо потребовал не предавать гласности эти планы. Смягчению разногласий между Парижем и Вашингтоном, Парижем и Лондоном способствовало соглашение, подписанное 14 августа [Steil, 2018: 125]. Данная договоренность отчасти удовлетворяла требования Франции по интернационализации Рура.

²⁰ DDF. P. 439.

²¹ Ibid. P. 18.

Согласно «Французским дипломатическим документам» британцы и американцы пригласили Францию участвовать в переговорах о будущих пределах роста промышленности на территории Бизонии²².

Как бы ни складывались эти переговоры, Вашингтон стремился ограничить определенными рамками запросы европейских союзников и конкретизировать их планы по использованию американской помощи. Представители Западной Европы в свою очередь хотели добиться по ряду пунктов уступок от США.

К середине августа Госдепартамент, по одной из версий, был недоволен тем, что «КЕЭС вместо разработки плана организации интегрированной европейской экономики, достигающей самодостаточности к 1952 г., подготавливал <...> счет для оплаты Вашингтоном» [Steil, 2018: 132]. Французский исследователь Ж. Боссюа указывал, анализируя события лета 1947 г.: «На деле они [американцы. — П.Ф.] добивались единства Западной Европы. А Франция летом 1947 г. не ставила вопрос таким образом» [Bossuat, 1997]. Подобные тезисы нуждаются в пояснениях.

Идею экономической интеграции Западной Европы на личном уровне действительно поддерживал У. Клейтон. Однако его непосредственное руководство занимало не столь однозначную позицию. 10 июля заместитель госсекретаря получил от своего коллеги Р. Ловетта следующие указания: «Мы все, как и Вы, согласны с тем, что европейский таможенный союз – желательная долгосрочная цель, но в то же время и с тем, что попытка инициировать его создание сейчас <...> отвлечет Европу от работы по основному направлению»²³. Таким образом, в американском руководстве сложился консенсус, согласно которому в принципе экономическая интеграция Европы была для Старого Света наилучшим способом рационально использовать помощь США, но добиваться немедленного формирования таможенного союза американцы летом 1947 г. не планировали.

В начале августа У. Клейтон в беседе с представителями КЕЭС, тем не менее, потребовал учреждения именно такой организации. Однако сделал он это по собственной инициативе, так как его непосредственное начальство заняло более осторожную позицию, понимая, что единая Европа потенциально может в будущем стать конкурентом США. Среди британских политиков также были ак-

²² DDF. P. 330–338.

²³ The Secretary of State to the Consulate at Geneva. July 10, 1947 // FRUS. 1947. Vol. 3. British Commonwealth and Europe. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1972. P. 325.

тивные сторонники интеграции в экономической сфере. В ходе совещания различных департаментов МИД Великобритании 7 августа 1947 г. О. Фрэнкс заявил, что правительству необходимо более явно поощрять создание в Европе таможенных союзов и активнее продумывать формы возможного участия Лондона в одном из них²⁴.

14 августа Р. Ловетт сформулировал шесть требований к программе экономического восстановления Европы. Странам — участницам «плана Маршалла», по его мнению, следовало в максимальной степени содействовать «взаимообмену товарами и услугами, сокращая и стремясь ликвидировать зависимость от приграничного валютного контроля <...> и других препятствий для свободного перемещения товаров»²⁵. Конечно, Р. Ловетт упоминал и об иных экономических вопросах, но образования западноевропейского таможенного союза он не требовал.

В августе 1947 г. идеи его создания, однако, стали приобретать все большую популярность и среди французской политической элиты. Эволюция позиции Парижа обуславливалась и инициативами американцев, и внутривнутриполитическими тенденциями, характерными для Западной Европы. Для понимания их сути необходимо вновь обратиться к истории Второй мировой войны. Ж. Бидо играл заметную роль в организации французского Сопротивления «Комба», которая активно отстаивала интеграционные идеи. В начале 1943 г. ее руководство выдвинуло следующий лозунг: «Соединенные Штаты Европы <...> скоро станут повседневной реальностью, за которую мы сражаемся. Вместо Европы, поработанной под немецким шомполом, мы создадим единую Европу <...> в духе свободы, равенства и братства»²⁶. После завершения Второй мировой войны проекты части организаций европейского Сопротивления стали одним из важных факторов, подталкивавших руководство стран Западной Европы к практической реализации интеграционных идей. В 1945 — начале 1947 г. серьезные экономические трудности препятствовали воплощению в жизнь планов подобного рода, но предложения Дж. Маршалла в июне 1947 г. в понимании Ж. Бидо и ряда других политиков могли послужить существенной предпосылкой к зарождению интеграционных объединений. Фактор благожелательного отношения США

²⁴ Documents on British policy overseas. P. 451.

²⁵ The Acting Secretary of State to the Embassy in France. August 14, 1947 // FRUS. 1947. Vol. 3. British Commonwealth and Europe. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1972. P. 358–359.

²⁶ Documents on the history of the European integration. Vol. 1. Continental plans for the European Union / Ed. by W. Lipgens, W. Loth. Berlin: De Gruyter, 1985. P. 272.

к идее экономической интеграции Западной Европы действительно играл важную роль. Однако всё же Франция воспринимала идею таможенного союза не только как возможное обязательное условие получения американской помощи, но и как следствие внутриевропейских политических и экономических тенденций.

В итоге 20 августа У. Клейтон и Дж. Кэффери, получив новые указания из Вашингтона, в ходе разговора с О. Фрэнксом еще раз отметили, что «США на данный момент не требуют от стран-участниц обязательств по формированию таможенного союза»²⁷.

Впрочем, тематика переговоров между американскими и западноевропейскими дипломатами включала далеко не только этот вопрос. 24 августа О. Фрэнкс заявил в беседе с Р. Ловеттом, что Европе нужна финансовая помощь объемом 29 млрд долл.²⁸ Представители США сразу назвали подобную цифру нереалистичной, о чем сообщили Дж. Маршаллу²⁹. 30 августа У. Клейтон и Дж. Кэффери при полной поддержке со стороны своего руководства снова подвергли критике выдвинутую КЕЭС цифру по объему дефицита экономик стран — участниц «плана Маршалла» и потребовали ее снижения.

Между тем работа КЕЭС неуклонно приближалась к завершению. 22 сентября Э. Бевин передал Дж. Маршаллу солидный по объему доклад. Реализация задуманного европейцами плана требовала американской помощи в размере как минимум 19,3 млрд долл. (де-факто они признали нереалистичным свой первоначальный запрос). Представители 16 стран-участниц и США пришли к компромиссу и по ряду иных пунктов.

Что касается вопроса об интеграции Европы, то в докладе КЕЭС отмечалось: «Таможенный союз <...> требует сложных переговоров по техническим аспектам, которые могут быть завершены только поэтапно и в течение нескольких лет»³⁰. При этом составители данного документа всё же отмечали положительные стороны идеи европейского таможенного союза³¹, поэтому страны-участницы

²⁷ The Ambassador in France (Caffery) to the Secretary of State. August 20, 1947 // FRUS. 1947. Vol. 3. British Commonwealth and Europe. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1972. P. 365.

²⁸ Ibid. P. 377.

²⁹ Ibid. P. 372–375.

³⁰ Committee of European Economic Co-operation. Vol. 1. General report. Washington, D.C., 1947. P. 34. Available at: http://www.marshallfoundation.org/library/wp-content/uploads/sites/16/2014/04/Committee_of_European_Economic_Co-operation_General_Report_1947.pdf (accessed: 20.09.2018).

³¹ Committee of European Economic Co-operation. 1947. P. 34.

пообещали приложить все усилия к тому, чтобы «постепенно устранить все препятствия для свободного перемещения лиц внутри Европы»³². Появление пусть осторожных, но благожелательных по отношению к интеграции пунктов в докладе Комитета объясняется совокупностью факторов: как наличием определенной политической заинтересованности в этом Вашингтона, так и внутриевропейскими процессами, напрямую не связанными с американскими требованиями об усилении взаимодействия между странами — участниками «плана Маршалла». 25 сентября Г. Трумэн официально поддержал принципы, определявшие суть предложений европейцев³³.

Анализ итогов работы КЕЭС показывает, что обсуждение «плана Маршалла», его условий, перспектив и возможных последствий реализации имело большое значение для сближения подходов ведущих западноевропейских государств, прежде всего Великобритании и Франции. Свою роль сыграла и необходимость отстаивать собственную позицию перед лицом давления со стороны США. На различных стадиях переговорного процесса по стратегическим вопросам и Лондон, и Париж часто вынуждены были идти на уступки американской дипломатии. При этом Вашингтон периодически выказывал недовольство подходом западноевропейских правительств к решению различных экономических и политических проблем.

Вступление в силу «плана Маршалла»

После завершения работы над докладом КЕЭС Западной Европе предстояло некоторое время подождать получения реальной материальной поддержки со стороны США в рамках «плана Маршалла». Между тем эксперты Комитета подчеркивали необходимость срочных мер финансовой помощи³⁴.

Со своей стороны Г. Трумэн 17 ноября 1947 г., обращаясь к конгрессменам, вновь в целом положительно оценил предложения западноевропейских политиков касательно «плана Маршалла», адресованные США³⁵. В речи, произнесенной 19 декабря, президент заявил о необходимости дополнительных усилий для предоставле-

³² Ibid. P. 15.

³³ The President's news conference. September 25, 1947 // Harry S. Truman Library. Available at: <https://www.trumanlibrary.gov/library/public-papers/191/presidents-news-conference-0> (accessed: 03.11.2019).

³⁴ Le Monde. 23.09.1947.

³⁵ Special Message to the Congress on the First Day of the Special Session // Harry S. Truman Library. Available at: <https://www.trumanlibrary.gov/library/public-papers/224/special-message-congress-first-day-special-session> (accessed: 03.11.2019).

ния Европе экономической помощи³⁶. Г. Трумэн призвал направить на эти цели «17 млрд долл. в течение периода с 1 апреля 1948 г. по 30 июня 1952 г.». По его словам, нужны были также двусторонние соглашения между Вашингтоном и каждым из государств — участников программы. Как отметил Г. Трумэн, для подписания подобных документов европейские страны должны были выполнить ряд условий, в том числе предоставить полную информацию об использовании американской помощи³⁷. О подобном требовании широкая общественность узнала впервые.

22 декабря во французской газете «Le Monde» отмечалось: «Государства — получатели помощи должны будут предоставлять США информацию о том, как именно они ее использовали; в обмен на бесплатные поставки товаров различных категорий страны-получатели должны будут создать денежный фонд и тратить его лишь после согласования подобных действий с американским правительством; государства-участники должны будут заключить с США договоренности о поставках определенных групп ресурсов <...>; наконец, готовится учреждение контрольного органа, и США сохраняют право лишить поддержки любую из стран, если она, с точки зрения Вашингтона, ненадлежащим образом использует ранее предоставленную помощь»³⁸. Французские эксперты указывали, что подобные условия могут стать или удовлетворительными, или обременительными по причинам, не зависящим от стран-получателей, и одобрили желание Г. Трумэна распространить «план Маршалла» на Восточную Европу. Вскоре Э. Бевин однозначно приветствовал речь американского президента³⁹. В целом западноевропейские политические лидеры на том этапе были готовы при согласовании отдельных аспектов реализации «плана Маршалла» вступать в спор с американцами по тактическим, но не по стратегическим вопросам.

В итоге в рамках программы помощь предоставлялась главным образом в виде поставок из США промышленных товаров, в том числе в форме безвозмездных субсидий [Наринский и др., 2012: 56]. К 31 марта 1948 г. законопроект о «Программе восстановления Европы», т.е. о «плане Маршалла», поддержали обе палаты Конгресса⁴⁰.

³⁶ Message from US President Harry S. Truman to Congress. 19.12.1947 // The American Presidency Project. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=12805> (accessed: 29.08.2018).

³⁷ Ibidem.

³⁸ Le Monde. 22.12.1947.

³⁹ Times. 23.12.1947.

⁴⁰ Times. 01.04.1948.

3 апреля 1948 г. Г. Трумэн подписал «Закон о Программе восстановления Европы», позволивший начать ее реализацию на практике⁴¹.

В течение периода с сентября 1947 по апрель 1948 г., от завершения деятельности КЕЭС до ратификации американской законодательной властью «Закона о Программе восстановления Европы», и британская, и французская дипломатия стремилась найти определенные рычаги воздействия на США. При этом, конечно, Лондон и Париж шли на уступки Вашингтону по ключевым вопросам. Сравнивая позицию Великобритании и Франции в начале 1947 г. и после выдвижения Г. Трумэном законопроекта о «плане Маршалла», необходимо отметить, что в начале 1948 г. европейцы уже открыто выражали стремление к военно-политической интеграции Запада с участием США и уведомили об этом Госдепартамент⁴².

16 апреля 1948 г. была учреждена Организация европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС). Конвенция, предусматривавшая ее создание, распространялась на 16 стран — участниц «плана Маршалла», а также на Бизонию и французскую зону оккупации в Германии. Именно ОЕЭС занималась распределением помощи между европейскими государствами. Видный отечественный франковед Н.Н. Наумова отмечает значимость учреждения данной структуры [Наумова, 2010: 49]: опыт функционирования ОЕЭС в 1948–1952 гг. послужил основой для будущего углубления интеграции Европы.

Для перехода к реализации «плана Маршалла» на практике предстояло завершить подготовку двусторонних соглашений. Их обсуждение подробно освещалось на страницах ведущих европейских СМИ. 23 июня 1948 г. «Le Monde» отмечала: «В Госдепартаменте США продолжаются переговоры между американцами и послами Франции, Великобритании, Дании и Швеции [подобные обсуждения, естественно, велись и с другими европейскими странами. — П.Ф.]. <...> Американский проект предусматривал, что государства —

⁴¹ Foreign Assistance Act of 1948. Economic Cooperation Act // The George C. Marshall Foundation. Available at: https://www.marshallfoundation.org/library/wp-content/uploads/sites/16/2014/06/Foreign_Assistance_Act_of_1948.pdf (accessed: 05.02.2020).

⁴² The Chargé in Belgium (Millard) to the Secretary of State. March 4, 1948; Memorandum by the Director of the Office of European Affairs (Hickerson) to the Secretary of State. March 8, 1948; The Chargé in Belgium (Millard) to the Secretary of State. March 10, 1948; The Consul in Iceland (Trimble) to the Secretary of State. March 11, 1948; Memorandum of Conversation, by Frederick Nolting of the Division of Northern European Affairs. March 11, 1948; The Ambassador in Norway (Bay) to the Secretary of State. March 11, 1948; The Secretary of State to the Embassy in Italy. March 11, 1948; The British Embassy to the Department of State. Aide-mémoire. March 11, 1948 // FRUS. 1948. Vol. 3. Western Europe. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1974.

получатели помощи обязаны консультироваться с Вашингтоном по поводу девальвации своих валют, когда это посчитает необходимым руководство США»⁴³. Автор публикации полагал, что данный пункт соглашения будет переформулирован. Как следует из переписки американского посла в Лондоне с госсекретарем США, при подготовке англо-американского соглашения касательно «плана Маршалла» возникли аналогичные разногласия⁴⁴.

28 июня 1948 г. было подписано соглашение между Парижем и Вашингтоном, ознаменовавшее собой начало действия во Франции «плана Маршалла». Во время подготовки данного документа французскому руководству удалось смягчить ряд его условий [Обичкина, 2012: 37]. В частности, Франция не стала брать на себя обязательства регулировать курс своей валюты по прямому указанию Вашингтона⁴⁵.

В начале июня 1948 г. британцы ознакомились с предложениями США, касавшимися аналогичного двустороннего договора. Наиболее острые возражения вызвали три требования американцев: «найти и идентифицировать» британские активы в США и наладить их надлежащее использование (Лондон полагал, что данное требование уже было выполнено); согласиться с правовой нормой, в соответствии с которой на рассмотрение Международного суда ООН передавались бы иски тех американцев, кто считал, что действия британских властей затрагивают их собственность и интересы; принять пункт, обязывавший Великобританию установить «обоснованный» обменный курс национальной валюты и консультироваться по данному вопросу с американцами [Hopkins, 2003: 71–72]. К 15 июня наметился компромисс по второму требованию, к 19 июня он был достигнут по третьему, к 24 июня — по первому [Hopkins, 2003: 74–77]. Помимо этого британская дипломатия стремилась переформулировать несколько других положений договора и частично добилась своей цели [Hopkins, 2003: 72–77].

6 июля 1948 г. был заключен двусторонний англо-американский договор. Правительство Великобритании взяло на себя обязательство принять все возможные меры для стабилизации валютного курса, сбалансировать свой государственный бюджет, установить и сохранить внутреннюю финансовую стабильность, восстановить доверие

⁴³ Le Monde. 23.06.1948.

⁴⁴ The Ambassador in the United Kingdom (Douglas) to the Secretary of State. June 23, 1948 // FRUS. 1948. Vol. 3. Western Europe. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1974. P. 1110–1113.

⁴⁵ European Recovery Program in France, 1948. Economic Cooperation Administration, Special mission to France. Paris, 1948. P. 237–247.

к своей валютной системе [Pelling, Cox, 1988: 153–165]. Британское руководство обязывалось в соответствии с условиями двустороннего договора «накопить» определенный объем материалов для передачи американцам. Сумма данной операции не должна была превысить 5% объема предоставляемой Вашингтоном помощи. Средства, эквивалентные остальным 95%, должны были размещаться на специальном счете и расходоваться по согласованию с американскими властями⁴⁶.

Таким способом удалось регламентировать ряд аспектов воплощения в жизнь «плана Маршалла» в двух странах — крупнейших получателях американской помощи. В итоге в рамках данной программы 17 стран — реципиентов (включая ФРГ — с 1949 г.) получили помощь объемом 13 млрд долл. [Согрин, 2015: 333].

По оценкам британского исследователя А. Милварда, Западная Европа в основном (за некоторыми исключениями) добилась бы тех же результатов в сфере экономики и при отсутствии «плана Маршалла» [Milward, 1984: 92–113]. Ему возражает Б. Стейл [Steil, 2018: 291–292]. Английский историк Ф. Линч утверждает, что программа американской помощи позволила Франции получить дополнительные инвестиции без формирования отложенного спроса [Lynch, 1997: 103–110]. Номинальный ВВП Франции вырос с 1949 по 1952 г. на 67% [Mitchell, 2003: 915–916]. И все же в рамках «плана Маршалла» американская администрация «меняла по своему усмотрению французский импорт для удовлетворения запросов тех или иных лоббирующих групп в США» [Обичкина, 2012: 38].

* * *

Реализация «плана Маршалла» закрепила раскол Европы на два лагеря. В то же время в результате американской инициативы Западная Европа получила реальный импульс для восстановления своей экономики. Государства — получатели помощи прилагали (иногда небезуспешно) усилия для того, чтобы скорректировать ради собственных интересов отдельные аспекты первоначальных намерений США касательно послевоенного восстановления Европы. Впрочем, при решении принципиальных, стратегических вопросов верх неизменно одерживала позиция американцев.

В этих условиях при урегулировании различных вопросов, касавшихся разработки и согласования «плана Маршалла», достаточно быстро возникла необходимость формирования особых структур, которые охватывали бы все ключевые страны региона и решали как чисто экономические, так и политические проблемы.

⁴⁶ Ibidem.

Изучение «плана Маршалла» выявляет ряд особенностей идеи европейской интеграции в конце 1940-х годов. Представляется обоснованным тезис о том, что ее актуальность обуславливалась комплексом факторов: прямым и косвенным влиянием инициатив США, добивавшихся, исходя из собственных интересов, углубления экономического взаимодействия между государствами Западной Европы, и в то же время стремлением части западноевропейской политической элиты при сохранении союзных отношений с американцами наметить путь к, возможно, успешной в перспективе конкуренции с Вашингтоном в области, например, экономики или в целом к ослаблению зависимости от заокеанского союзника.

Введение в научный оборот новых источников позволяет подробнее осветить в этой связи эволюцию взглядов руководителей Франции и Великобритании на широкий круг вопросов, касавшихся возможностей и перспектив европейской интеграции, отношений с СССР и США, проведения собственной экономической и внешней политики. А эволюция действительно была достаточно существенной. Правящие элиты обеих стран смогли достаточно быстро преодолеть основные разногласия по германскому вопросу и выстраиванию отношений с Советским Союзом (в обоих случаях большую гибкость проявили французские политики) и выступили в качестве активных сторонников углубления сначала экономического взаимодействия государств Западной Европы, а после начала реализации «плана Маршалла» — и создания западного военно-политического блока с участием США.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Божик К.Б. Внешнеполитическая эволюция германской проблемы // Новая и новейшая история. 2019. № 1. С. 64–78. DOI: 10.31857/S013038640003805-3.
2. Наринский М.М. План Маршалла и Советский Союз // История европейской интеграции / Под ред. А.С. Намазовой, Б. Эмерсон. М.: Институт всеобщей истории РАН, Институт Европы РАН, 1995. С. 30–45.
3. Наринский М.М. СССР и «план Маршалла» // Осмысление истории / Под ред. Г.Н. Севостьянова. М.: Просвещение, 1996. С. 113–122.
4. Наринский М.М. И.В. Сталин и Морис Торез. Запись беседы в Кремле. 1947 г. // Исторический архив. 1996. № 1. С. 4–26.
5. Наринский М.М., Дубинин Ю.А., Мартынов Б.Ф., Юрьева Т.В. История международных отношений. Т. 3: Ялтинско-Потсдамская система / Под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского. М.: Аспект Пресс, 2012.
6. Наумова Н.Н. Западноевропейская интеграция: история и современность // Модели региональной интеграции: прошлое и настоящее / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Олби Принт, 2010. С. 29–178.

7. Обичкина Е.О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940–2012). М.: Аспект Пресс, 2012.
8. Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2006.
9. Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США. М.: Международные отношения, 2012.
10. Согрин В.В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М.: Весь мир, 2015.
11. Филитов А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании, 1941–1990. М.: Наука, 2009.
12. Bézias J.-R. Georges Bidault et la politique étrangère de la France: Europe, Etats-Unis, Proche-Orient, 1944–1948. Paris: L'Harmattan, 2006.
13. Bossuat G. La France, l'aide américaine et la construction européenne. 1944–1954. Vol. 1. Paris: Comité pour l'histoire économique et financière de la France, 1997. Available at: <https://books.openedition.org/igpde/2692> (accessed: 20.08.2020). DOI: 10.4000/books.igpde.2692.
14. Britain and Europe. A political history since 1918 / Ed. by N.J. Crowson. New York: Routledge, 2011.
15. Gimbel J. The origins of the Marshall Plan. Stanford, California: Stanford University press, 1976.
16. Hitchcock W. France restored. Cold War diplomacy and the quest for leadership in Europe, 1944–1954. Chapel Hill, London: The University of North Carolina Press, 1998.
17. Hogan M.J. The Marshall plan: America, Britain and the reconstruction of Western Europe, 1947–1952. Cambridge: Cambridge University press, 1987.
18. Holm M. The Marshall Plan: A New Deal for Europe. New York: Routledge, 2017. DOI: 10.4324/9781315690087.
19. Hopkins M.F. Oliver Franks and the Truman administration. Anglo-American relations, 1948–1952. London: Frank Cass Publishers, 2003.
20. Kent J., Young J.W. The 'Western Union' concept and British defence policy, 1947–8 // British intelligence, strategy and the Cold War, 1945–51 / Ed. by R.J. Aldrich. London, New York: Routledge, 1992. P. 215–247.
21. Layne C. The peace of illusions. American Grand Strategy from 1940 to the present. Ithaca, London: Cornell University Press, 2006.
22. Lynch F. France and the international economy. From Vichy to the Treaty of Rome. London: Routledge, 1997.
23. Milward A.S. The reconstruction of Western Europe, 1945–1951. London: Routledge, 1984.
24. Mitchell B.R. International historical statistics: Europe, 1750–2000. New York: Macmillan, 2003.
25. Pelling H., Cox M. Britain and the Marshall plan. London: Macmillan, 1988.
26. Soutou G.-H. La France libre et la place de l'URSS dans le système européen // L'URSS et l'Europe de 1941 à 1957 / Sous la dir. de G.-H. Soutou, R.-E. Hivert. Paris: Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2008. P. 137–185.

27. Steil B. Marshall Plan, dawn of the Cold War. Oxford: Oxford University press, 2018.

28. Wall I.M. The United States and the making of postwar France, 1945–1954. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

P.I. Falaleev

**THE MARSHALL PLAN
AND THE EUROPEAN INTEGRATION:
THE STANCE OF GREAT BRITAIN AND FRANCE
(1947–1948)**

*Pirogov Russian National Research Medical University
1 Ostrovityanova st., Moscow, 117997*

The development and implementation of the Marshall Plan has been studied quite thoroughly in both Russian and foreign academic literature. Nevertheless, certain aspects of this problematique require further examination, particularly the reaction of the Western European countries to the initiative of the Secretary of State G. Marshall, as well as the impact of the Plan on the process of the European integration in general. The paper demonstrates that this reaction was far from simple and often contradictory since the key Western states had very different views on the future of mutual relations, as well as on the prospects for post-war recovery and development of Europe. The paper examines the evolution of the French and British leaders' views on these issues from the first discussions of the projects to provide US aid to Western Europe to the implementation of the Marshall Plan. The negotiations revealed significant points of disagreement among the parties particularly regarding the relations with the USSR, the German question, and conditions for receiving assistance from the United States. The author stresses that the need to defend their interests during the course of negotiations with the US representatives contributed greatly to the rapprochement of Britain and France and, at the same time, catalyzed debates on the integration of Western Europe. In this regard the author emphasizes that the idea of regional economic integration received mixed reaction in the American elites. While some considered this process as an effective means of bringing the Western countries together, particularly, over the German question, others feared that integration of Western Europe could potentially lead to the emergence of a new competitor to the USA. The author concludes that the growing popularity of integration projects in Europe in 1947–1948 stemmed from a range of factors, including both a combination of internal European political processes and short-term and long-term consequences of the Marshall Plan. Whereas in terms of economic development of Western Europe the latter were rather ambiguous and are still the subject of controversy, in terms of

world politics the Marshall Plan exacerbated block-to-block confrontation in Europe, characteristic of the Cold War period.

Keywords: Marshall Plan, H. Truman, Western Europe, the United States, Great Britain, France, post-war reconstruction, European integration, the Cold War.

About the author: Petr I. Falaleev — PhD (History), Associate Professor at the Chair of History of Medicine and Social and Human Sciences, Pirogov Russian National Research Medical University (e-mail: petr.falaleev@gmail.com).

REFERENCES

1. Bozhik K.B. 2019. Vneshnepoliticheskaya evolyutsiya germanskoi problemy [Foreign-policy evolution of the German problem]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 1, pp. 64–78. DOI: 10.31857/S013038640003805-3. (In Russ.)
2. Narinskii M.M. 1995. Plan Marshalla i Sovetskii Soyuz [Marshall Plan and the Soviet Union]. In Namazova A.S., Emerson B. (eds.). *Istoriya evropeiskoi integratsii* [History of the European integration]. Moscow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences Publ., pp. 30–45. (In Russ.)
3. Narinskii M.M. 1996a. SSSR i ‘plan Marshalla’ [USSR and the Marshall Plan]. In Sevostyanov G.N. (ed.). *Osmyslenie istorii* [Comprehension of the history]. Moscow, Prosveshchenie Publ., pp. 113–122. (In Russ.)
4. Narinskii M.M. 1996b. I.V. Stalin i Moris Torez. Zapis’ besedy v Kremlе. 1947 [I.V. Stalin and Maurice Thorez. A record of the conversation in Kremlin. 1947]. *Istoricheskii arkhiv*, no. 1, pp. 4–26. (In Russ.)
5. Narinskii M.M., Dubinin Yu.A., Martynov B.F., Yur’eva T.V. 2012. *Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii. Vol. 3. Yaltinsko-Potsdamskaya sistema* [History of the international relations. Vol. 3. Yalta-Potsdam system of international relations]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)
6. Naumova N.N. 2010. Zapadnoevropeiskaya integratsia: istoriya i sovremennost’ [Western European integration: History and present]. In Manykin A.S. (ed.). *Modeli regional’noi integratsii: proshloe i nastoyashchee* [Models of the regional integration: Past and present]. Moscow, Olbi Print Publ., pp. 29–178. (In Russ.)
7. Obichkina E.O. 2012. *Vneshnyaya politika Frantsii ot de Gollya do Sarkozi (1940–2012)* [Foreign policy of France from de Gaulle to Sarkozy (1940–2012)]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)
8. Pechatnov V.O. 2006. *Stalin, Ruzvel’t, Trumen. SSSR i SShA v 1940-kh gg. Dokumental’nye ocherki* [Stalin, Roosevelt, Truman. The Soviet Union and the United States in the 1940s]. Moscow, Terra Publ. (In Russ.)
9. Pechatnov V.O., Manykin A.S. 2012. *Istoriya vneshnei politiki SShA* [History of the United States foreign policy]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)

10. Sogrin V.V. 2015. *SShA v XX–XXI vekakh. Liberalizm. Demokratiya. Imperiya* [United States in the 20th — 21st centuries. Liberalism. Democracy. Empire]. Moscow, Ves' mir Publ. (In Russ.)
11. Filitov A.M. 2009. *Germaniya v sovetskom vneshnepoliticheskom planirovanii, 1941–1990* [Germany in the Soviet foreign policy planning, 1941–1990]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
12. Bézias J.-R. 2006. *Georges Bidault et la politique étrangère de la France: Europe, Etats-Unis, Proche-Orient, 1944–1948*. Paris, L'Harmattan.
13. Bossuat G. 1997. *La France, l'aide américaine et la construction européenne. 1944–1954. Vol. 1*. Paris, Comité pour l'histoire économique et financière de la France. Available at: <https://books.openedition.org/igpde/2692> (accessed: 20.08.2020). DOI: 10.4000/books.igpde.2692.
14. Crowson N.J. (ed.). 2011. *Britain and Europe. A political history since 1918*. New York, Routledge.
15. Gimbel J. 1976. *The origins of the Marshall Plan*. Stanford, California, Stanford University press.
16. Hitchcock W. 1998. *France restored. Cold War diplomacy and the quest for leadership in Europe, 1944–1954*. Chapel Hill, London, The University of North Carolina Press.
17. Hogan M.J. 1987. *The Marshall plan: America, Britain and the Reconstruction of Western Europe, 1947–1952*. Cambridge, Cambridge University press.
18. Holm M. 2017. *The Marshall Plan: A New Deal for Europe*. New York, Routledge. DOI: 10.4324/9781315690087.
19. Hopkins M.F. 2003. *Oliver Franks and the Truman administration. Anglo-American relations, 1948–1952*. London, Frank Cass Publishers.
20. Kent J., Young J.W. 1992. The 'Western Union' concept and British defence policy, 1947–8. In Aldrich R.J. (ed.). *British intelligence, strategy and the Cold War, 1945–51*. London, New York, Routledge, pp. 215–247.
21. Layne C. 2006. *The peace of illusions. American Grand Strategy from 1940 to the present*. Ithaca, London, Cornell University Press.
22. Lynch F. 1997. *France and the international economy. From Vichy to the Treaty of Rome*. London, Routledge.
23. Milward A.S. 1984. *The reconstruction of Western Europe, 1945–1951*. London, Routledge.
24. Mitchell B.R. 2003. *International historical statistics: Europe, 1750–2000*. New York, Macmillan.
25. Pelling H., Cox M. 1988. *Britain and the Marshall Plan*. London, Macmillan.
26. Soutou G.-H. 2008. La France libre et la place de l'URSS dans le système européen. *L'URSS et l'Europe de 1941 à 1957*. Sous la dir. de G.-H. Soutou, R.-E. Hivert. Paris, Presses de l'Université Paris-Sorbonne, pp. 137–185.
27. Steil B. 2018. *Marshall Plan, dawn of the Cold War*. Oxford, Oxford University Press.
28. Wall I.M. 1991. *The United States and the making of postwar France, 1945–1954*. Cambridge, Cambridge University Press.

А.М. Фомин*

БРИТАНСКАЯ ПОЛИТИКА И СТРАТЕГИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В 1941 ГОДУ: ТРИ ВОЙНЫ «К ВОСТОКУ ОТ СУЭЦА»

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

После разгрома Франции нацистской Германией летом 1940 г. Великобритания осталась один на один с рейхом. Она выдержала первый акт «битвы за Англию», но вести полномасштабную войну на континенте не могла. В этих условиях особое значение приобретала защита позиций в Средиземном море и на Ближнем Востоке. Именно изучению борьбы Великобритании за Ближний Восток в 1941 г. посвящена данная статья. В ней предпринята попытка последовательно проанализировать три эпизода этой борьбы (в Ираке, Сирии и Иране), вписав их в контекст общей логики германо-британского противостояния в рассматриваемый период.

Как подчеркивает автор, потенциальное утверждение германской гегемонии на Ближнем Востоке сделало бы почти безнадежной оборону Суэца, крайне затруднило бы сообщение с Индией и дало бы рейху доступ к неисчерпаемым запасам топлива. Реализации этого, катастрофического для Великобритании, сценария способствовали антианглийские настроения части ближневосточных политических и военных элит. В этих условиях правительство У. Черчилля перешло к решительным действиям. В статье подробно рассмотрены операции Великобритании в Ираке и Сирии. При этом особое внимание уделено сложной динамике отношений британского кабинета с режимом Виши и движением «Свободная Франция». Как отмечает автор, особой напряженностью характеризовались вопросы, связанные с определением будущей судьбы Сирии и Ливана, предоставлением им независимости. В случае с Ираном на первый план выходила выработка общей позиции с Советским Союзом. Угроза роста германского влияния в регионе, а также необходимость установления еще одного канала поставок союзной помощи в СССР способствовали тому,

* Фомин Александр Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: almif@list.ru).

что стороны быстро пришли к согласию. После совместной англо-советской военной операции в августе–сентябре 1941 г. Иран был поделен на зоны оккупации. Наконец, отдельно в статье рассмотрена позиция Великобритании в отношении нейтралитета Турции. Автор заключает, что в результате описанных военных операций на Ближнем Востоке был создан своеобразный «временный режим» британского доминирования. Однако никуда не исчезло англо-французское и англо-советское соперничество, к которому добавилось растущее присутствие на Ближнем Востоке Соединенных Штатов. Все это закладывало базу для новых конфликтов уже в послевоенный период.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великобритания, Ближний Восток, Ирак, Сирия, Иран, У. Черчилль, Ш. де Голль, Виши, «Свободная Франция», ленд-лиз, колониализм, нейтралитет.

Один на один с Гитлером: битва кита со слоном

После разгрома Франции вермахтом летом 1940 г. единственным реальным противником гитлеровской Германии на протяжении целого года оставалась Великобритания. Отбросив идею «мира по соглашению», правительство У. Черчилля не оставило себе иного выбора, кроме затяжной борьбы с врагом «на истощение». Флот и авиация, как показала «битва за Англию», защищали Туманный Альбион от прямого вторжения сухопутных армий Третьего рейха, но англичане ничем не могли помешать установлению безраздельной германской гегемонии на Европейском континенте. Как и в прежние века, Англия была не способна вести полноценную сухопутную войну без помощи «континентального солдата», который принял бы на себя основную тяжесть сражений на твердой земле. В этих условиях война превращалась в традиционную «битву кита со слоном», исход которой не мог быть решен, пока один из противников не нашел бы себе надежного союзника во «враждебной» стихии.

В ожидании лучших времен Великобритания могла сосредоточиться только на «периферийной» войне — защите своих позиций в Средиземноморье и на Ближнем Востоке, которые оказались под серьезной угрозой после вступления в конфликт Италии за считанные дни до капитуляции Франции. Сами по себе итальянцы не представляли для Лондона серьезной угрозы: на Африканском Роге и в Киренаике британские войска уже в начале 1941 г. одержали над ними впечатляющие победы, а на Балканах даже попытка захватить Грецию обернулась для Б. Муссолини унижительным поражением. Однако сама логика развития конфликта неизбежно вела к прямому

вовлечению в средиземноморские дела Германии, вынужденной помогать своему неудачливому союзнику. Появление в Северной Африке сравнительно небольшого Африканского корпуса Э. Роммеля резко изменило ситуацию на этом фронте и спасло итальянцев от полного разгрома. Провал итальянского нападения на Грецию делал практически неизбежным вторжение Германии на Балканы, которое и было осуществлено в апреле 1941 г. Таким образом, для Великобритании в тот момент стало критически важным удержание контроля над странами Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока, лежавшими в промежутке между Североафриканским и Балканским театрами военных действий. Угроза потери англичанами своих позиций в Ближневосточном регионе была в тот момент реальной, как никогда ранее. Причем дело было не только в перспективе прямого вторжения рейха на эти территории, но и в опасности установления там германской гегемонии без боя, выражаясь современным языком, с помощью одной только «мягкой силы». Ведя завоевательную политику в Европе, Германия вполне могла предстать на Ближнем Востоке под личиной «освободителя» стран региона от влияния британского империализма.

1941 г. стал временем стремительного развития событий на ближневосточном направлении. Именно в тот период был принципиально решен вопрос, какая из двух коалиций будет контролировать регион до конца войны. Три эпизода британской борьбы за Ближний Восток в 1941 г. (в Ираке, Сирии и Иране) по отдельности неоднократно становились предметом исследований. В советской историографии иракский и сирийский эпизоды традиционно рассматривались как подтверждение «империалистического» характера войны со стороны Великобритании на начальном ее этапе. Действия Лондона в этом контексте представляли как борьба за сохранение завоеванных ранее позиций британского империализма (Ирак) и как стремление к вытеснению из региона Франции — своего старого конкурента (Сирия)¹. Участие СССР в иранском эпизоде по понятным причинам делало такую интерпретацию затруднительной, поэтому в советской историографии ему уделялось сравнительно мало внимания. Лишь

¹ Наибольший вклад в изучение данной проблематики в отечественной историографии внесли исследователи уральской школы историков-международников из Свердловска/Екатеринбурга. Она была основана в 1960-х годах И.Н. Чепаловым. Кроме него интересующей нас проблематикой занимались такие историки этой школы, как В.Н. Грак и А.Г. Чевтаев, а также (в отношении более раннего периода «Странной войны») В.А. Бабинцев. Названия их работ, затрагивающих нашу тему, приведены в списке литературы к статье.

с недавнего времени отечественные исследователи стали подходить к политике всех держав антигитлеровской коалиции, используя более «реалистические» (т.е. характерные для школы «политического реализма») понятия защиты национальных интересов, которые определяются не социальным и политическим строем государства, а таким объективным фактором, как его положение в системе международных отношений [см., например: Голуб, 2015; Kozhanov, 2012].

Распространенная проблема, обсуждаемая в исторических работах, — оправданность силовых акций Великобритании на Ближнем Востоке с точки зрения не только формального международного права (оно, совершенно очевидно, во всех трех случаях было нарушено), но и объективных интересов Лондона и его союзников — соответствия принятых жестких мер реальным угрозам. В связи с этим неизбежно возникает вопрос о разграничении «причин» и «предлогов» каждой из силовых акций. Однако, как и во всех подобных случаях, ответ на него зависит от субъективной позиции каждого автора [Beaumont, 1981; Cox, 1987; De Wally, 2006; Eshraghi, 1984; Gaunson, 1987]. При этом, как уже было отмечено, исследователи, как правило, рассматривают только какой-то один из эпизодов британского «ближневосточного блицкрига» 1941 г. В немногочисленных обобщающих работах по международным отношениям на Ближнем Востоке авторы в большинстве случаев сосредоточиваются на изложении фактической стороны событий, в силу специфики жанра уделяя основное внимание наиболее «захватывающим» подробностям [Barr, 2011; Destremau, 2011].

В настоящей работе мы воздержимся от участия в дискуссии об оправданности отдельных силовых акций Великобритании. Вместо этого мы попытаемся свести эти события воедино и рассмотреть их в контексте общей британской стратегии во Второй мировой войне.

Война на распутье

Весна 1941 г. началась для англичан далеко не обнадеживающе — с впечатляющих успехов стран «оси», которые они, правда, так и не смогли закрепить. В Северной Африке на помощь итальянцам пришел «Лис пустыни» Э. Роммель, начавший 24 марта мощное наступление в Киренаике. За несколько недель англичане потеряли плоды почти всех побед над Италией и были отброшены к ливийско-египетской границе. В тылу у Э. Роммеля остался осажденный порт Тобрук с англо-австралийским гарнизоном. Перейти границу немцам не позволил недостаток ресурсов. Берлин не мог направить

серьезное подкрепление, так как войска были нужны для других операций [Фуллер, 1956: 145–148].

Судьба Средиземноморья теперь зависела от положения на Балканах. У Черчилля еще с Первой мировой войны проявлял большой интерес к этому региону — он представлялся ему «мягким подбрюшьем», через которое удобно наносить болезненные или даже смертельные удары по врагам Великобритании в центре Европы. Однако на сей раз англичан ждало фиаско, пожалуй, еще более унижительное, чем Галлиполийская кампания 1915–1916 гг. В апреле вермахт молниеносным ударом разгромил Югославию и Грецию, выйдя к берегам Эгейского моря. Небольшой британский экспедиционный корпус, направленный в помощь грекам, в серьезные столкновения с немцами так и не вступил и вел только арьергардные бои, прикрывая собственное отступление и эвакуацию [Фуллер, 1956: 138–145]. А. Гитлеру удалось не допустить создания нового «Салоникского фронта» накануне войны против СССР. Попытка британцев укрепиться на Крите также закончилась провалом спустя месяц после захвата континентальной Греции. Эгейское море целиком оказалось под контролем «оси».

Для Германии весна 1941 г. теоретически могла стать моментом стратегического выбора между «русским» и «ближневосточным» направлениями экспансии. В руководстве рейха не было единства мнений на этот счет. С одной стороны, план «Барбаросса», который начали разрабатывать еще летом, был 18 декабря 1940 г. утвержден фюрером. С другой стороны, военно-морской штаб во главе с адмиралом Э. Редером еще в сентябре 1940 г. предложил другой, «южный» вариант: наступление на Египет с выходом в Палестину и далее «вплоть до Турции, если бы это было необходимо» [Чевтаев, 1979: 87–89]. Затем путь лежал на Ирак к нефтяным месторождениям. В это время под прямым контролем Германии был только один крупный источник нефти — в Румынии, и его для растущих потребностей рейха было явно недостаточно. Только быстрая победа на Востоке и прорыв к нефтяным скважинам Баку могли обеспечить Германию необходимым «черным золотом». Любая задержка в этой кампании была бы фатальной, поэтому план Э. Редера мог представляться вполне разумной альтернативой. Адмирал призывал фюрера «расширять сеть наших баз на западном побережье Африки, если сможем получить согласие Франции. При ее активном содействии и при помощи Италии мы могли бы контролировать все Средиземноморье, а также все африканское побережье вплоть до Суэцкого канала. Торговые пути Англии, связывавшие ее через Средиземно-

морье с Индией, были бы перерезаны. И таким же образом мы могли бы включить Северную Африку в европейскую торговую систему, которой жизненно необходимы африканские поставки для обеспечения Европы. Контроль над Средиземноморьем стал бы также и средством давления на Россию, заставив ее быть крайне осторожной при вынашивании каких-либо враждебных планов против нас, а это устранило бы всякую необходимость военных действий на севере против Советов»². Последнее соображение, правда, Э. Редер мог добавить уже постфактум, работая над мемуарами. Схожий план был представлен А. Гитлеру 7 марта 1941 г. в меморандуме главы политического департамента МИД Э. Вёрмана, составленном по указанию И. Риббентропа. План предполагал удар по Турции со стороны Болгарии с последующим выходом в сторону Сирии и Ирака. Для этого нужно было заручиться поддержкой арабских националистов в этих странах, убедив их в необходимости совместной борьбы против Англии [Грак, 1972: 167–169].

Однако подобные планы не имели шансов на реализацию. А. Гитлер в принятии ключевых решений руководствовался прежде всего собственной интуицией, до тех пор его не подводившей. Он ни на минуту не сомневался в необходимости скорейшего нападения на СССР, поэтому предпочел договориться с Турцией, а не пробивать через нее дорогу на Ближний Восток. 17 марта фюрер получил из Анкары заверения, что Турция останется нейтральной при вторжении германских войск на Балканы, т.е. она фактически отказывалась выполнять свои обязательства по отношению к Англии по договору 1939 г. [Грак, 1972: 169–170]. Адмиралу Э. Редеру, снова пытавшемуся возражать, А. Гитлер заявил, что «нынешняя политическая ситуация и намерения России вмешаться в балканские дела делают необходимым устранить этого последнего противника на континенте до того, как мы сможем сконцентрировать наши усилия на Англии»³.

Очевидно, в Лондоне догадывались, а может, и были осведомлены о существовании альтернативного «южного» плана, и даже малейшая вероятность его реализации не сулила Британской империи ничего хорошего [Грак, 1972: 170]. Именно с этой ситуацией связан один из самых дискуссионных вопросов истории Второй мировой войны. В советской историографии еще в 1960-е годы было высказано предположение, что весной 1941 г. между Великобританией и Германией

²Редер Э. Воспоминания командующего ВМФ Третьего рейха. 1935–1943 гг. М., 2004. С. 403.

³Там же. С. 406.

было достигнуто негласное «взаимопонимание», согласно которому англичане без сожаления отдавали в руки Гитлера весь Балканский полуостров, чтобы он смог сосредоточиться на подготовке нападения на СССР. В этом контексте британские экспедиции в континентальную Грецию и на Крит представляются лишь маневром с целью не допустить преждевременной и «сепаратной» капитуляции греков, а с военной точки зрения они сознательно обрекались на поражение. Германия в свою очередь гарантировала неприкосновенность ближневосточных владений Великобритании, а буфером между двумя империями должна была служить нейтральная Турция. Историки, которые придерживаются такой точки зрения, не приводят прямых доказательств этого сговора между Берлином и Лондоном, основывая свои выводы только на косвенных данных [см., например: Чемпалов, 1968: 108–109; Чевтаев, 1982: 82–83; 103–104.]. Мы не беремся здесь подтверждать или опровергать это предположение, однако нам представляется очевидным, что главным фактором, который помешал Германии развернуть наступление на Ближний Восток, несмотря на все успехи в Северной Африке и на Балканах, была подготовка к осуществлению плана «Барбаросса», требовавшая максимальной концентрации сил против СССР. Операции на Ближнем Востоке планировалось развернуть только после успешной реализации этого плана⁴. Впоследствии, в марте 1944 г., А. Гитлер жаловался в беседе с Лени Рифеншталь, что незапланированная балканская кампания весной 1941 г., предпринятая для помощи итальянцам, отняла у него драгоценное время, которого спустя полгода ему не хватило для разгрома СССР до начала зимних холодов⁵.

Неблагоприятное для англичан развитие событий на Балканах и в Северной Африке делало особенно уязвимыми их позиции в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Потенциальное утверждение германской гегемонии в этом регионе сделало бы почти безнадежной оборону Суэца, крайне затруднило бы британские коммуникации с Индией и другими заморскими владениями и дало бы рейху доступ к практически неисчерпаемым запасам топлива. Очевидно, что Лондон не мог допустить подобного развития событий, при этом для такого сценария весной 1941 г. имелись серьезные предпосылки. Сирия и Ливан находились тогда под властью фран-

⁴ Директива № 32. Подготовка к периоду после осуществления плана «Барбаросса». Верховное командование вооруженных сил. 19.06.1941 // Дашичев В.И. Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе. 1933–1945. Исторические очерки, документы и материалы: В 4 т. Т. 3. М., 2005. С. 158–161.

⁵ Рифеншталь Л. Мемуары. М., 2006. С. 168.

цузского режима Виши, который сам был во всем послушен Берлину. В Ираке прогерманские настроения были сильны среди части военно-политической элиты молодого государства, и в апреле 1941 г. именно эта часть оказалась у власти. Правительство Ирана видело в Германии долгожданного «третьего союзника», который помог бы ему ослабить традиционные «объятия» двух непосредственных соседей: Британской империи и России. Все это подтолкнуло правительство У. Черчилля к решительным действиям весной и летом 1941 г., в результате которых надежный британский контроль над этим регионом был восстановлен и уже не подвергался сомнению до самого конца войны.

Ирак: изгнание «золотого квадрата»

Первый удар британского «ближневосточного блицкрига» пришелся на Ирак, который согласно подписанному в 1930 г. договору с Великобританией получил формальную независимость уже в 1932 г. и был принят в Лигу Наций как суверенное государство. Таким образом, он стал первой страной, в которой держава-мандатарий выполнила свой «священный долг цивилизации» по подготовке к полной независимости, закрепленный в ст. 12 Устава Лиги Наций. Однако по договору 1930 г.⁶ Великобритания оставляла в Ираке свои военные объекты (базы ВВС в Хаббании и Шуайбе) и могла использовать территорию страны для транзита военных контингентов. Британское доминирование сохранялось также благодаря многочисленным экономическим, политическим и военным советникам. Впрочем, на практике степень влияния Лондона на иракские дела обычно определялась фигурой, стоявшей во главе правительства. Годы правления короля Гази (1933–1939) прошли под знаком постоянной борьбы проанглийской партии, руководимой Нури Саидом, и более националистически настроенной группы во главе с Рашидом аль-Гайлани. Их противостояние продолжилось и после загадочной гибели Гази в автокатастрофе весной 1939 г., когда государство возглавил двоюродный брат покойного короля Абд эль-Илах в качестве регента при малолетнем короле Фейсале II.

В начале апреля 1941 г. в Ираке произошел переворот, во главе которого стояли группа из четырех военных, получившая прозвище «золотой квадрат», и Р. аль-Гайлани, возглавивший новое правительство. В результате переворота от власти были отстранены регент

⁶ Anglo-Iraqi Treaty of 1930 // Wikisource. Available at: https://en.wikisource.org/wiki/Anglo-Iraqi_Treaty (accessed: 22.06.2020).

Абд эль-Илах и весь прежний кабинет министров, который с января фактически находился под контролем Нури Саида. Это был далеко не первый переворот в недолгой истории молодого иракского государства. Однако, поскольку свергнутая политическая клика была откровенно проанглийской, У. Черчилль с первого дня убедил себя, что имеет дело с антибританской провокацией, организованной из Берлина. В этом, конечно, была доля правды, но только доля. Население Ирака восприняло переворот с энтузиазмом — как начало национальной революции против английского засилья. И в Лондоне, и в Каире большинство британских политиков и военных были решительно против силового вмешательства в иракские дела и старались убедить У. Черчилля пойти на переговоры с новым правительством. Главнокомандующий британскими силами на Ближнем Востоке генерал А. Уэйвелл, только что отправивший свои лучшие части в Грецию, прямо заявлял, что для третьего фронта у него войск просто нет. У. Черчилль, однако, был непреклонен. Свободные войска для смены иракского режима нашлись в Индии. В апреле они начали прибывать в Басру якобы для дальнейшей переброски в сторону Палестины. Когда в мае стало очевидно, что это лишь надуманный предлог, иракские власти сами пошли на обострение ситуации. В Багдаде было блокировано здание британского посольства, а база британских королевских ВВС Хаббания была взята в кольцо осады иракской армией.

Очевидно, что У. Черчилль в тот момент рассматривал Ирак как нового германского сателлита вроде Венгрии или Румынии. Однако в самой Германии так не считали. После начала военной конфронтации с англичанами правительство Р. аль-Гайлани стало отчаянно добиваться германской помощи, но Берлин не торопился ее оказывать. Роль посредника взял на себя бывший германский посол в Ираке Фриц фон Гробба — личность в известном смысле легендарная: до войны в его руках находились едва ли не все нити германской политики на Ближнем Востоке. Дипломат убеждал свое руководство оказать действенную помощь Ираку, прежде всего поставками вооружений и боеприпасов, но положительного ответа долго не было. Ситуация с каждым днем становилась все более критической. Англо-индийские войска, не встречая сопротивления, продвигались вдоль Тигра и Евфрата, а из Трансиордании на помощь гарнизону Хаббании пришел Арабский легион. После снятия осады был сформирован объединенный англо-арабский отряд («Хабфорс»), который после скоротечного столкновения с иракскими войсками у Эль-Фалуджи стремительно двигался к Багдаду. Лишь в середине

мая в иракский Мосул прибыл немецкий авиационный отряд из 24 самолетов с иракскими опознавательными знаками. 23 мая А. Гитлер издал военную директиву № 30 о военной поддержке Ирака⁷. В сторону Мосула через Турцию отправились эшелоны с германским и итальянским вооружением (преимущественно легким стрелковым оружием), кроме того, немцы заставили французское правительство Виши согласиться на передачу иракцам части арсеналов французских войск в Сирии. Однако к тому моменту английская операция уже близилась к завершению. Никакой реальной помощи иракским «революционерам» Германия оказать не могла, и к концу мая британские силы взяли под полный контроль все стратегически важные пункты Ирака. Р. аль-Гайлани и другие «путчисты» бежали в Иран, а в Багдаде к власти вернулись регент и Нури Саид, который с октября вновь получил и формальные полномочия премьер-министра [Климентов, 2001: 49–53]. В краткосрочной перспективе лояльность Ирака по отношению к Великобритании была обеспечена, однако иракцы не забыли, что правительство Нури вернулось в Багдад на английских штыках [Destremau, 2011: 61–123].

Сирия: с французами и против французов

Иракская «опереточная» война дала толчок еще одному конфликту в Ближневосточном регионе, который был столь же скоротечным, но значительно более кровопролитным и вызвал серьезные последствия еще до окончания мировой войны. В ходе англо-иракского конфликта германские самолеты летели в Ирак через французскую Сирию, где они совершали промежуточные посадки для дозаправки. Более того, как мы уже говорили, по требованию А. Гитлера правительство Виши приказало направить иракским «революционерам» оружие с французских складов в Сирии. Этого было более чем достаточно, чтобы убедить У. Черчилля военным путем избавиться от ставленников Ф. Петена на Ближнем Востоке. Но англичане не были бы англичанами, если бы не подумали сразу о будущем страны. Простая замена вишистов голлистами в Сирии Лондон не устраивала.

В секретном меморандуме, который глава Форин Офис А. Иден представил военному кабинету 27 мая 1941 г., говорилось: «В том, что касается Сирии <...>, я рекомендую, чтобы “свободные французы” получили шанс склонить ее на нашу сторону. Если вдруг станет ясно, что “свободные французы” не желают выступить с

⁷ Директива № 30 «Средний Восток». 23.05.1941 // Дашичев В.И. Указ соч. Т. 2. С. 569–571.

декларацией, обещающей независимость Сирии и Ливана <...>, мы должны чувствовать себя свободными повернуться от “свободных французов” к сирийским арабам. Затем мы должны сами издать декларацию, обещающую независимость Сирии. Это можно сделать одновременно с британским наступлением. Не должно быть непреодолимых препятствий в установлении независимого арабского правительства в Сирии <...>. Такое государство не сможет выжить в одиночку, и его независимость будет предварительно гарантирована его соседями — Великобританией и Турцией»⁸. Вряд ли можно было более откровенно подтвердить извечные французские подозрения о наличии у англичан своекорыстных планов в отношении Сирии. Но А. Иден пошел еще дальше: он предполагал возможность включить эту страну в обширную «Арабскую федерацию» из дружественных или подконтрольных Лондону стран региона, но в то же время передать Турции район Алеппо, чтобы заручиться ее безоговорочной поддержкой в войне⁹.

Вопрос о привлечении Турции к участию в будущей сирийской кампании вызвал оживленные дискуссии в британском руководстве. У. Черчилль и А. Иден были горячими сторонниками этой идеи, считая возможным «расплатиться» с турками за счет северных областей Сирии. Однако практически все британские представители на местах, а также руководители профильных департаментов Форин Офис были категорически против. По их мнению, такая уступка безнадежно испортила бы отношения Великобритании с арабами, а разбуженные турецкие «аппетиты» потом крайне сложно было бы ограничить: за Алеппо могли последовать претензии на Мосул. Как бы то ни было, эта идея была оставлена после того, как первый осторожный зондаж в Анкаре, предпринятый британским послом, показал, что турки не намерены ввязываться в военные действия даже ради очень соблазнительных территориальных приобретений [Olmert, 1987: 437–452]. Руководство Великобритании, оставив политические вопросы на будущее, пока решило сосредоточиться на непосредственных военных задачах.

8 июня сирийскую и ливанскую границы перешли британские войска (на самом деле, по большей части австралийские и индийские), а также первая дивизия «Свободной Франции» (на тот момент — практически все сухопутные силы голлистов) [Destremau, 2011: 125–165].

⁸ Memo by A. Eden. May 27, 1941 // The National Archives. Cabinet Papers. Cab/66/16/39.

⁹ Ibidem.

Ш. де Голль надеялся, что вишисты не окажут серьезного сопротивления, а солдаты и офицеры с радостью примкнут к «свободным французам». Он оказался неправ. Верховный комиссар Сирии и Ливана генерал А. Дентц, получив из Виши приказ сопротивляться всеми силами, ни минуты не колебался в своей решимости его исполнять, а французская «Армия Леванта», которая накануне войны готовилась сражаться бок о бок с англичанами, беспрекословно подчинилась своему командующему и встретила недавних союзников огнем. Бои в Сирии и Ливане были ожесточенными, но кратковременными. После упорных сражений на оборонительных рубежах у южных границ Сирии и Ливана (8–13 июня) вишисты даже смогли перейти в контрнаступление на отдельных участках (14–22 июня) [Gislain de Bontin, 1985: 273–275], однако шансов на стратегический успех у них не было. Англо-голлистские войска (примерно 60 тыс. человек) почти вдвое превосходили по численности силы генерала А. Дентца. 20 июня был взят Дамаск. Вскоре на помощь основным британским силам, наступавшим с юга, пришли войска со стороны Ирака, только что принимавшие участие в английском вторжении в эту страну. Парадоксальным образом успеху англичан в Сирии способствовал их новый провал в Северной Африке. Наступление против Э. Роммеля с целью деблокировать Тобрук (операция «Боевая секира»), начатое 15 июня, захлебнулось через двое суток. Часть «освободившихся» войск А. Уэйвелл приказал срочно перебросить в Сирию. Вскоре оборона вишистов фактически сконцентрировалась на дальних подступах к Бейруту. На подкрепление им рассчитывать не приходилось: небольшой контингент войск, направленный на помощь А. Дентцу по приказу Ф. Дарлана, пересек по железной дороге всю Европу, но застрял в Салониках. Турция не разрешила транзит через свою территорию, а морской путь был перерезан британским флотом, базировавшимся на Кипре [De Wailly, 2006: 336–441]. Положение генерала А. Дентца и его армии становилось безнадежным. 12 июля боевые действия были прекращены, а через два дня подписано перемирие, фактически означавшее капитуляцию вишистов. Операция обернулась потерей примерно 7000 британских и голлистских солдат и офицеров. Потери вишистов составили около 2600 человек, в том числе 800 убитыми [Gislain de Bontin, 1985: 275]. Для сравнения: в Ираке британская армия потеряла не более 60 человек.

Успех сирийской операции означал установление практически полного британского господства в арабских странах к востоку от Суэца. У. Черчилль впоследствии так описывал ее значение: «Успешная кампания в Сирии значительно улучшила наше стратегическое

положение на Среднем Востоке. Она закрыла дверь для всяких дальнейших попыток проникновения врага на восток из района Средиземного моря, отодвинула на 250 миль к северу нашу оборону от Суэцкого канала и избавила Турцию от тревоги за ее южную границу. Теперь в случае нападения на нее Турция могла быть уверенной в помощи дружественной державы <...>. Операции в Ираке, на Крите, в Сирии и Западной пустыне <...> велись одновременно и влияли друг на друга, создавая в своей совокупности ощущение кризиса и осложнений. Тем не менее можно утверждать, что конечным результатом была, в сущности, хотя и не по виду, несомненная важная победа английских и имперских армий на Среднем Востоке. Заслуга в этом принадлежит нашим властям в Лондоне и Каире»¹⁰.

Важность этой кампании заключается не только в военно-стратегических изменениях, которые она вызвала, но и в политических вопросах, которые она породила. Англичанам пришлось иметь дело сразу с двумя проблемами: отношениями между французами, верными Ф. Петену, и «свободными французами», а также между последними и лидерами арабских националистов в Сирии и Ливане.

Эти подмандатные территории оставались в подвешенном состоянии с начала 1939 г., когда Франция отказалась ратифицировать договоры с ними, подписанные тремя годами раньше¹¹. Администрация Виши, разумеется, не собиралась идти навстречу арабам. Ш. де Голль понимал, что завоевать симпатии сирийцев можно, только пообещав им нечто гораздо большее, чем злосчастный договор 1936 г. 8 июня, в день начала сирийской кампании, генерал Ж. Катру опубликовал от имени «Свободной Франции» декларацию о том, что после войны французский мандат будет прекращен, а страны Леванта получат независимость [Оганесян, 1968: 41–43]. Правда, практическое осуществление этого решения и вывод французских войск откладывались на неопределенный срок. Англичане поспешили объявить себя «гарантами» будущей независимости Сирии и Ливана. Как выяснилось позже, «свободные французы» вкладывали в обещание независимости совсем иной смысл, нежели англичане или арабы, поэтому неудивительно, что после разгрома войск Виши в июле 1941 г. страны Французского Леванта превратились в арену постоянных и весьма жестких столкновений между представителями «Свободной Франции» и британским военным командованием.

¹⁰Черчилль У. Вторая мировая война: В 3 кн. Кн. 2. Т. 3. Великий союз. М.: Воениздат, 1991. С. 150–151.

¹¹Vienot P. Le traité franco-syrien. Paris: Imprimerie F. Jalloux, Rocroi, 1939.

В ходе сирийской кампании командование вишистских войск категорически отказывалось иметь дело со своими соотечественниками-голлистами, которых они считали предателями [Barr, 2011: 221]. Англичане пошли навстречу вишистам и даже не пригласили представителей «Свободной Франции» к подготовке перемирия. По его условиям солдаты и офицеры «Армии Леванта» подлежали репатриации во Францию, если они не пожелают примкнуть к Ш. де Голлю. Однако голлисты никак не могли влиять на их решение. Разоруженная армия размещалась в нескольких лагерях, где ждала отправки домой. Представители голлистов в эти лагеря доступа не получили и вынуждены были вести пропаганду среди своих соотечественников только с помощью листовок и звукоусилителей. Из более чем 30-тысячной армии на сторону Ш. де Голля перешли, по разным данным, от 5500 до 7000 человек. Сыграли свою роль лояльность французов «законному» правительству в Виши, а также опасения за оставшиеся во Франции семьи. Эвакуация солдат и офицеров «Армии Леванта» на родину затянулась до конца сентября. В Марселе их встречали как героев, а генерал А. Дентц даже устроил по этому случаю парад [Грак, 1984: 122].

Условия перемирия между англичанами и войсками Виши, «которое выглядело так, словно Дентцу предлагали передать Сирию Англии»¹², вызвали резкое недовольство Ш. де Голля. Он срочно отправился в Каир, где уже 21 июля встретился с О. Литтлтоном, британским министром-резидентом на Ближнем Востоке. Первое объяснение прошло на повышенных тонах. Генерал угрожал вывести войска «Свободной Франции» из-под оперативного подчинения британскому штабу, если условия перемирия не будут изменены. Хотя это был очевидный блеф (движение во всем зависело от британских спонсоров), англичане пошли на компромисс. Было заключено соглашение между Ш. де Голлем и О. Литтлтоном. Оно было оформлено как обмен нотами по вопросу «интерпретации» перемирия с вишистами в Сирии, но содержание документа выходило за эти узкие рамки¹³. Фактически он устанавливал порядок управления Сирией и Ливаном до конца войны. Гражданская власть в них передавалась «Свободной Франции», под ее командование переходили местная полиция, служба безопасности и «специальные войска» — военные формирования из местных жителей, которые были прообразом

¹² Де Голль Ш. Военные мемуары: В 2 т. Т. 1. М., 1957. С. 214.

¹³ L'accord Lyttelton-de Gaulle, le 27 juillet 1941 // The Middle East and North Africa in world politics / Ed. by J.C. Hurewitz. New Haven; London: Yale, 1979. P. 578–580.

будущих сирийской и ливанской армий. Должность представителя «Свободной Франции» в Леванте вскоре занял генерал Ж. Катру. Он имел те же полномочия, что и прежние верховные комиссары. Военная власть сохранялась за британским командованием, оно получало право держать там свои войска до конца войны, но Лондон заявлял об отсутствии у него политических планов в отношении этих стран [Оганесян, 1968: 41–44]. Как показал дальнейший опыт, разграничить гражданское и военное управление на практике было крайне сложно, и соглашение не устранило англо-французских противоречий.

Как и всякий компромисс, соглашение не устраивало в полной мере ни одну из сторон. Ш. де Голль был убежден, что под предлогом военной необходимости англичане делали все возможное, чтобы вытеснить Францию из Леванта и установить над этим регионом свой контроль. Живым воплощением такой политики стал британский генерал и дипломат Э. Спирс. Изначально он испытывал большую симпатию к Ш. де Голлю, будучи личным представителем У. Черчилля при лидере «Свободной Франции». Э. Спирс приехал на Ближний Восток вместе с генералом, но здесь высокомерие и «империализм» Ш. де Голля заставили британского дипломата изменить свое мнение о нем. Когда Э. Спирс оказался в Бейруте, У. Черчилль назначил его своим представителем в регионе. До конца войны Э. Спирс уже в качестве британского посланника прилагал максимальные усилия, чтобы подорвать французское присутствие в Леванте, устанавливая широкие связи с местными национальными лидерами. Ш. де Голль в свою очередь не нашел ничего лучше, как назначить на прежние должности многих чиновников-вишистов, поскольку в его организации не было нужного числа компетентных управленцев. Это, разумеется, никак не способствовало повышению престижа Франции среди арабов [Barr, 2011: 224–227]. У. Черчилль полностью одобрял действия Э. Спирса в отношениях с французами, и именно Сирия стала поводом для первого серьезного конфликта между британским премьером и генералом Ш. де Голлем.

Очень быстро скрытые противоречия проявились и на местах. Ш. де Голль в своих мемуарах приводил многочисленные факты в подтверждение этого. Так, в районе Джазира на северо-востоке Сирии английские власти препятствовали французскому эмиссару в формировании вооруженных отрядов из местных жителей (преимущественно ассирийцев-христиан). В сирийской пустыне командир Арабского легиона англичанин Дж.Б. Глэбб агитировал местных бедуинов в пользу трансйорданского эмира Абдаллы, своего номинального начальника, тем же занимались английские агенты в

области Хауран на юге страны. Наконец, в области Джебель-Друз дело едва не дошло до вооруженного конфликта между союзниками. Вошедшая в регион английская бригада заняла административное здание в главном городе эс-Суэйде, спустив французский флаг и подняв британский. В ответ Ж. Катру по согласованию с Ш. де Голлем направил туда французскую колонну с целью восстановить прежнее положение и принять командование над эскадронами друзов, которые англичане переподчинили себе. Британский командующий генерал Г. Вильсон потребовал отозвать колонну, Ш. де Голль отказался. Офицеры двух держав на месте уже готовы были «драться». Дело шло к новой Фашоде в разгар войны с общим врагом. До этого, однако, не дошло.

Англичане уступили и вскоре покинули Джебель-Друз, однако Г. Вильсон недвусмысленно заявил, что намерен объявить чрезвычайное положение и взять в свои руки всю полноту власти. Ш. де Голль ответил, что «Свободная Франция» этого не признает. Для того чтобы найти решение, из Каира в Бейрут срочно прибыл О. Литтлтон, который 7 августа после переговоров с лидером «свободных французов» письменно подтвердил отказ Великобритании от политических притязаний в Леванте. Только после этого Ж. Катру смог приступить к восстановлению французской администрации¹⁴ и одновременно — сирийского правительства. Вместе с тем под давлением англичан 27 сентября 1941 г. Ж. Катру подтвердил свою декларацию от 8 июня о намерении Франции предоставить Сирии и Ливану независимость [Оганесян, 1968: 46]. Не кто иной, как У. Черчилль 9 августа предельно ясно выразил британскую позицию относительно Сирии в своем письме лорду хранителю печати: «Передайте Идену, чтобы он был твердым с де Голлем, Катру и “свободными французами”. Они не должны иметь свободы рук, чтобы мешать нашим отношениям с арабами. Их претензии нужно умерить, если потребуется — то и силой. Важно, чтобы они научились подчиняться. Я не представляю, как они смогут сопротивляться» [De Wailly, 2006: 407]. Иными словами, англичане очень своеобразно понимали свой отказ от политических притязаний в Сирии: они не собирались включать ее в свою империю, но отношения с лидерами будущей независимой страны собирались строить без оглядки на французов. Как видим, принципы британской политики в отношении стран Леванта, изложенные А. Иденом накануне сирийской кампании, не претерпели особых изменений после ее окончания.

¹⁴ Де Голль Ш. Указ соч. С. 226–232.

Иран: встреча старых «заклятых друзей»

Пока бои в Сирии были в самом разгаре, весь ход Второй мировой войны принял новый оборот: 22 июня Германия напала на СССР.

Известие о начале советско-германской войны вызвало у У. Черчилля, который до этого с трудом представлял себе дальнейшую борьбу один на один с Гитлером, большую радость: Британия теперь была не одна [Трухановский, 1989: 310–311]. Правда, быстрое продвижение вермахта на Восточном фронте вызывало сомнение в надежности нового союзника. Поражение СССР сделало бы обстановку для Великобритании по-настоящему критической, а исход боев во многом зависел от качества и количества вооружений у Красной армии. У. Черчилль сразу обозначил свою готовность оказать Москве всю посильную помощь, но гораздо важнее было, что Ф. Рузвельт быстро принял решение о включении Советского Союза в программу ленд-лиза. Возникал вопрос о путях доставки помощи в СССР. Помимо хорошо известных маршрутов через Мурманск и Архангельск, весьма опасных из-за захвата гитлеровцами Норвегии, был еще один путь — через Иран.

Во главе этого государства стоял человек, сам сделавший себя шахом, — Реза Пехлеви. В предшествующие годы он приложил немало усилий, чтобы модернизировать свою страну по образцу Турции. Однако иранского Атаатюрка из Реза-шаха не получилось: Иран изначально был гораздо более отсталым и бедным, а число людей, готовых поддержать реформы, — намного меньшим. К тому же если Турция традиционно была объектом борьбы множества великих держав, то за Иран соперничали только два соседа: Британская империя и Россия. То обстоятельство, что царскую империю сменило первое социалистическое государство, с точки зрения иранских властей, ничего не меняло. С Англией страну связывали концессионные соглашения о добыче нефти, а с Советами — договор 1921 г., официально позволявший советскому государству вводить войска в Иран в случае угрозы своей безопасности¹⁵.

Для того чтобы ослабить зависимость от двух старых соседей, Иран стал искать третью точку опоры и нашел ее в лице Германии. К началу войны в Иране работали около 3000 немецких технических специалистов и советников. Под прикрытием германских фирм и предприятий («АЕГ», «Бауэр», «Сименс», «Крупп», «Мерседес

¹⁵ Договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Персией // Исторические материалы. Доступ: <http://istmat.info/node/46893> (дата обращения: 22.06.2020).

Бенц» и др.) действовали сотни агентов германской разведки. Сторонники Германии прямые ставленники спецслужб рейха занимали ключевые посты в 50 государственных учреждениях Ирана. Перед самым началом войны в страну прибыли дополнительно около 6500 немецких граждан [Оришева, 2003: 51–52]. Германия явно готовилась использовать Иран в качестве коридора на Ближний Восток после захвата советского Закавказья, что не могло не внушать беспокойство и Лондону. В свою очередь руководство СССР имело основания опасаться подрывной деятельности германской агентуры на советско-иранской границе в Закавказье и Туркмении [Салихов, 2008: 18–19].

После начала Второй мировой войны правительство Ирана заявило о своем нейтралитете и еще раз подтвердило это заявление после вторжения Германии в СССР [Голуб, 2015: 14]. Однако уже само географическое положение страны делало сохранение действительно строгого нейтралитета практически невозможным. В известном смысле иранские власти оказались заложниками развития событий на советско-германском фронте. С возможной победой Германии иранское руководство связывало ликвидацию зависимости от двух старых имперских соседей. Стремительное продвижение вермахта по территории СССР в первые недели войны, казалось, давало основание для подобных надежд. В этих условиях официальный Тегеран избрал тактику затягивания переговоров с Москвой и Лондоном, которые всё настойчивее требовали ликвидировать в стране всякое германское влияние.

Впервые вопрос об Иране возник уже 26 июня 1941 г. во время встречи А. Идена с советским послом И.М. Майским. Глава Форин Офис заявил о желательности «общей позиции» двух держав в отношении Ирана и Афганистана для ликвидации в этих странах германского влияния. Эта тема уже на следующий день была подхвачена В.М. Молотовым в беседе с британским послом С. Криппсом. 8 июля сам И.В. Сталин, принимая у себя С. Криппса, напрямую поинтересовался мнением англичан о конкретных мерах в отношении Ирана. Советский лидер считал, что действовать нужно «сейчас, так как потом это будет сделать трудно» [Голуб, 2015: 44–45].

Столь решительный настрой И.В. Сталина заставил и самих англичан выработать четкую позицию в отношении иранской проблемы. После успехов в Ираке и Сирии неподконтрольный Иран оставался последним звеном, мешавшим формированию сплошной британской сферы влияния от Египта до Индии. Именно в Иран бежали руководители антианглийского «путча» в Ираке, там же находился и злейший враг англичан — бывший муфтий Иерусалима

Хадж Амин аль-Хусейни. Военная необходимость требовала также установления прямого контроля над иранскими нефтепромыслами, которые в соответствии с концессией принадлежали Англо-Персидской нефтяной компании. В то же время появление в Иране советских войск неизбежно вело бы к усилению влияния Москвы в этой стране, что в долгосрочной перспективе никак не соответствовало интересам Британской империи. Однако такие соображения отступали на второй план по сравнению с текущими военными задачами. А. Иден и У. Черчилль были настроены решительно, горячими сторонниками совместной силовой операции были С. Криппс и генерал А. Уэйвелл, перебравшийся к тому времени из Каира в Индию на должность командующего англо-индийской армией.

Период с середины июля до середины августа прошел в напряженных дипломатических столкновениях между Великобританией и СССР, с одной стороны, и Ираном — с другой. Излагать все подробности этих переговоров здесь нет необходимости [Голуб, 2015; Eshraghi, 1984]. Главные требования союзников сводились к скорейшей высылке из страны всех граждан Германии (в том числе 80% из них — немедленно), а также к безусловному согласию шаха на транзит через территорию Ирана любых английских и советских грузов, включая военные. Тегеран неуклонно отвечал, что высылка немцев нарушила бы иранский нейтралитет. По той же причине иранское правительство возражало против транзита оружия и боеприпасов через свою территорию. С точки зрения формального международного права позиция Тегерана выглядела вполне обоснованной, но, как впоследствии признавался У. Черчилль, он в этой ситуации следовал принципу «когда грохочут пушки, законы молчат»¹⁶. Иранцам оставалось рассчитывать либо на быструю победу вермахта (премьер-министр Али Мансур 19 августа заверял германского посла Э. Эттеля, что «Иран никогда не присоединится к лагерю врагов Германии» [Голуб, 2015: 94–95]), либо на сдерживающее влияние США. Иранские дипломаты и в Вашингтоне, и в Тегеране настойчиво пытались выяснить позицию американского руководства в случае англо-советского вторжения на территорию суверенного Ирана. Ответы американцев всегда были уклончивыми, но при этом они категорически отрицали, что дали свое согласие на интервенцию [Юнгблуд и др., 2010: 82–83]. Это, однако, не отменяло их молчаливого одобрения и отказа от любого заступничества за Тегеран перед Лондоном и Москвой.

¹⁶Черчилль У. Указ. соч. С. 223.

В августе 1941 г. Советский Союз и Великобритания фактически перешли в общении с Ираном на язык ультиматумов. Сочтя иранский ответ на очередную ноту с требованием высылки немцев неудовлетворительным, союзники приступили к военной операции. 25 августа советские войска пересекли иранскую границу со стороны Закавказья, а британские (точнее, англо-индийские) — со стороны Ирака. Чуть позже началось советское наступление из Туркмении и британское — из Индии. Иранские части в большинстве случаев беспорядочно отступали, не оказывая противодействия, лишь в отдельных местах было довольно слабое сопротивление. В военной операции участвовали корабли Каспийской флотилии и британской эскадры в Персидском заливе. Через четыре дня правительство Али Мансура пало, и шах отдал приказ прекратить огонь. Иранская армия как боевая единица практически рассыпалась. Советские войска в ходе операции потеряли только 40 человек убитыми [Голуб, 2015: 114], а британские — 22¹⁷. Вскоре армии союзников встретились в окрестностях Тегерана, а 17 сентября они без боя на один день вступили в иранскую столицу. Эта акция носила уже скорее символический характер: еще 8 сентября Иран подписал продиктованное союзниками соглашение об урегулировании конфликта, пообещав немедленно выслать всех немцев и разрешить свободный транзит любых грузов через свою территорию. Важнейшие стратегические пункты и линии коммуникаций были теперь под англо-советским контролем. Под давлением союзников Реза-шах отрекся от престола и был выслан в Южную Африку. Трон занял его сын Мухаммед Реза, во всем покорный Лондону и Москве. Две державы поделили Иран на оккупационные зоны, фактически — на сферы влияния. По Трансиранской железной дороге от Персидского залива к Каспию, а также по автомобильным дорогам потекла союзная помощь. Для обеспечения доставки грузов американцы отправили в Иран специалистов по снабжению и военных водителей — они стали первыми американскими военнослужащими, оказавшимися на Среднем Востоке [Destremau, 2011: 327–328]. 29 января 1942 г. был заключен трехсторонний англо-советско-иранский договор, который закреплял итоги конфликта и конкретизировал обязательства Тегерана по отношению к союзникам на период войны¹⁸. Вместе с тем две державы гарантировали на будущее территориальную целостность

¹⁷ Там же.

¹⁸ Англо-советско-иранский договор о союзе // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: В 3 т. Т. 1. М., 1944. С. 217–221.

и суверенитет Ирана. Как известно, проблема выполнения этих обязательств впоследствии спровоцировала один из первых кризисов «холодной войны».

Конец года: удар выдержан

Летом и осенью 1941 г. судьба Ближнего Востока решалась вдалеке от него — на советско-германском фронте. Мало кто сомневался, что в случае победы А. Гитлера над СССР именно Ближний Восток станет его следующей целью. Советское Закавказье представляло собой прекрасный плацдарм для этого. В британской прессе упорно ходили слухи, что еще до победы на Восточном фронте фюрер намерен предпринять наступление через Турцию, чтобы выйти в тыл советских войск в Закавказье и одновременно получить доступ к Ближнему Востоку. Как бы то ни было, создавалась реальная угроза, что британские позиции в регионе будут атакованы не только с юга — из Ливии, но и с Севера — со стороны Кавказа. Так, французский генерал, отвечавший осенью 1941 г. за эвакуацию вишистских войск из Сирии и Ливана на родину, в своем донесении командованию высказывал предположение, что ему, возможно, не придется покидать Левант и он увидит, как перед лицом наступающих с севера немцев англичане уберутся из Сирии так же быстро, как вошли [Грак, 1984: 119]. В те же дни английские войска в Иране «были заняты на строительстве оборонительных сооружений для защиты от возможного вторжения германских армий из Турции или с Кавказа и готовились к принятию крупных подкреплений, которые должны были прибыть в случае, если бы такое вторжение оказалось неминуемым»¹⁹. Британские позиции на Ближнем Востоке могли быть захвачены в огромные германские «клещи» от Кавказа до Египта. Для того чтобы избежать такой перспективы, англичане решили нанести упреждающий удар.

18 ноября 1941 г. началось новое наступление британских войск в Северной Африке — операция «Крестоносец». Возглавлял ее новый командующий британскими войсками на Ближнем Востоке генерал К. Окинлек. Первоначальные успехи англичан были впечатляющими: они деблокировали Тобрук, 24 декабря вступили в Бенгази и двинулись дальше на запад, остановившись у Эль-Агейлы на стыке Киренаики и Триполитании — примерно там, откуда Э. Роммель начинал свое наступление весной. Это происходило одновременно

¹⁹ Черчилль У. Указ. соч. С. 225.

с советским контрнаступлением под Москвой, что имело большое морально-психологическое значение. Мир впервые увидел, что германские армии вовсе не так непобедимы, как хотели казаться. Тем не менее в разгар боев в Ливии британцы серьезно готовились к открытию Северного фронта на Ближнем Востоке или на Кавказе. Это было возможно в случае либо поражения Советского Союза, либо даже просто прорыва немцев на южном фланге советско-германского фронта. В сентябре 1941 г. генерал А. Уэйвелл обсуждал с советскими коллегами в Тбилиси планы совместной обороны на Кавказе, и в то же время британский Генштаб подсчитывал, какую помощь он сможет выделить Турции в случае германского вторжения через Кавказ или Балканы [Tamkin, 2008: 317–320].

После относительного успеха операции «Крестоносец» дальнейшие планы англичан включали наступление на Триполитанию, окончательный разгром Э. Роммеля и выход к границам Туниса — к непосредственному соприкосновению с французской армией в Северной Африке (ее возглавлял генерал М. Вейган, которого англичане надеялись склонить на свою сторону). Но этим планам не суждено было сбыться: в ноябре 1941 г. немцы добились от Ф. Петена отставки М. Вейгана. В то же время остановка К. Окинлека у Эль-Агейлы дала Э. Роммелю необходимое время для передышки и пополнения своего корпуса, а англичане не могли уже направлять на Ближний Восток новые подкрепления. Вступление 17 декабря Японии в войну неизбежно привело к оттоку сил Британской империи на Дальний Восток. Надежды на вступление в войну Турции в этой ситуации приобрели новый оттенок: фактически англичанам приходилось просить Анкару о помощи. При этом, очевидно, Великобритания не могла предложить туркам никакой существенной поддержки и лишь надеялась задержать вермахт на естественном рубеже Тавра. Основная часть турецкой территории, таким образом, заранее приносилась англичанами «в жертву». Для Турции это был более чем убедительный мотив любой ценой оставаться в стороне от войны [Tamkin, 2008: 320–323].

Германское контрнаступление в Северной Африке, начавшееся 21 января 1942 г., обернулось одним из крупнейших поражений Великобритании в ее военной истории. В то же время успехи Красной армии под Москвой, вопреки первоначальным завышенным ожиданиям, не привели к перелому в войне. Впереди еще были Сталинград и Кавказ, Эль-Аламейн и Тунис.

Таким образом, в течение 1941 г. англичанам удалось практически полностью нейтрализовать реальное или вымышленное германское

влияние сразу в трех мусульманских странах. Оставалась Турция, но с ней такие грубые методы негодились.

Положение Турции накануне и в начале Второй мировой войны можно признать уникальным. В экономике страны абсолютно доминировала Германия, на нее приходилось три четверти турецкой внешней торговли, осуществлявшейся на основе клиринга. Германия была главным поставщиком промышленных товаров, машин и вооружений. Из Турции в рейх шли сельскохозяйственные товары и стратегическое сырье, прежде всего медь. В то же время турецкая хромовая руда, в поставках которой на европейские рынки Турция была почти монополистом, по условиям особого англо-франко-турецкого соглашения с января 1940 и до конца 1942 г. направлялась только противникам Германии (французская доля впоследствии перешла к США)²⁰. Кроме того, главную угрозу своей безопасности Анкара видела в Италии — ближайшем союзнике Берлина, поэтому политические симпатии турецкого руководства были всецело на стороне Великобритании, что и выразилось в подписании англо-франко-турецкого договора о взаимопомощи 19 октября 1939 г.²¹ Однако разгром Франции внес в обстановку серьезные коррективы: Италия 10 июня 1940 г. вступила в войну, что являлось *casus foederis* по условиям договора, но Турция уклонилась от своих обязательств, поскольку в тот момент поражение французов было уже очевидно, а договор 1939 г. обязывал Анкару вступить в войну в союзе с двумя великими державами, а не с одной Великобританией. Официальный Лондон не стал протестовать против такого поведения Анкары. Весной и летом 1941 г. войска враждующих сторон вплотную приблизились к границам Турции: германские — со стороны Греции и Болгарии, английские — со стороны Сирии и Ирака. Успехи Э. Роммеля в Северной Африке убедили турецкое руководство в опасности любых недружественных действий по отношению к Германии, поэтому оно предпочло перестраховаться: 18 июня 1941 г. был заключен турецко-германский договор о ненападении [Корхмазян, 1977: 82–90]. Осторожные турки добились включения в него статьи о том, что он ни в чем не противоречил «существующим

²⁰ Поставки турецкого хрома в Германию осуществлялись только с января 1943 г. по апрель 1944 г., после чего были полностью прекращены по требованию стран антигитлеровской коалиции. Подробнее см.: Корхмазян Р.С. Турецко-германские отношения в годы Второй мировой войны. Ереван, 1977. С. 46, 108–109, 139–140, 163.

²¹ Treaty of mutual assistance between Great Britain, France and Turkey. October 19, 1939 // The major international treaties of the twentieth century: A history and guide with texts / Ed. by J.A.S. Grenville, B. Wasserstein. London; New York: Routledge, 2001. P. 232.

обязательствам» Анкары, имея в виду не только договор в Великобритании от 1939 г., но и договор с СССР о дружбе и нейтралитете, подписанный еще в 1925 г.²²

В ходе войны между враждующими державами разгорелась борьба за влияние в Турции — она превратилась едва ли не в главный центр международных интриг и шпионажа. Несомненно, существовали в стране и прогерманская, и антигерманская группировки, но практическим результатом их противостояния оставался более или менее строгий нейтралитет. В 1941 г., находясь между враждующими армиями, Турция отказывалась предоставлять свою территорию для снабжения войск всех сторон: английских, германских и французских (вишистских), хотя такие запросы постоянно поступали. Великобритания, не имея ни возможности, ни, впрочем, и желания полностью подчинить Турцию своему влиянию, настаивала лишь на том, чтобы турецкая территория не стала для Лондона источником новой угрозы. Само географическое положение Турции превращало ее в буфер между враждующими коалициями на стыке Европы, Кавказа и Ближнего Востока. В ситуации глобального конфликта для самой республики такое положение, несомненно, было «наименьшим из зол». Активное участие в войне на любой стороне не могло принести ей ничего, кроме разрушений и жертв, поэтому руководители Турции на всем протяжении конфликта проявляли чудеса дипломатической изворотливости, чтобы сохранить нейтралитет. Англичане в итоге отнеслись к этой ситуации с пониманием.

* * *

Таким образом, британские вооруженные силы на фоне серьезных поражений в Северной Африке и Греции за несколько месяцев, с апреля по сентябрь 1941 г., провели три военные кампании, в которых их противниками были не страны «оси», а силы, до того времени не принимавшие участия в войне: французская мандатная администрация в Ливане и Сирии, а также правительства двух нейтральных государств региона — Ирака и Ирана. Можно сказать, что в результате этих операций на период войны был создан своеобразный «временный режим» британского доминирования на Ближнем Востоке. Этот режим опирался прежде всего на присутствие значительных контингентов войск Британской империи в

²² Договор о дружбе и нейтралитете между Союзом ССР и Турцией, заключенный в Париже (17 декабря) // Внешняя политика СССР: Сборник документов: В 6 т. Т. 3. 1925–1934 гг. М., 1945. С. 32.

Иране, Ираке, Сирии, Ливане и Египте, не говоря уже о Палестине и Трансиордании, но имел и формально-юридическое закрепление: довоенные документы (мандат на Палестину и Трансиорданию и договор с Трансиорданией от 1928 г., договоры с Ираком от 1930 г. и с Египтом от 1936 г.) дополнялись договоренностями, которые стали результатом силовых операций 1941 г. (соглашение Ш. де Голля — О. Литтлтона по Сирии и англо-советско-иранское соглашение от 29 января 1942 г.).

Все это, однако, еще не гарантировало утверждения в регионе безраздельного британского влияния. Сирия и Ливан оставались номинально французскими территориям, и до самого конца войны в этих странах продолжалось острое англо-французское соперничество, в ходе которого Великобритания всячески поддерживала стремление местных политических лидеров к независимости. В 1943 и 1945 гг. это приводило к серьезным кризисам в англо-французских отношениях. В Ираке сил дислоцированной там англо-индийской армии едва хватало на поддержание внутреннего порядка, а правительство Нури Саида, вернувшееся к власти на английских штыках, было крайне непопулярно. В Иране германские агенты не только остались, но и, уйдя в подполье, смогли организовать настоящую диверсионную войну, используя для этого некоторые местные племена. Советское военное присутствие на севере Ирана делало крайне маловероятным «самоустранение» Москвы от иранских дел после войны, а наличие в стране большого числа американцев, обеспечивавших поставки по иранскому маршруту ленд-лиза, создавало условия для того, чтобы именно США в дальнейшем стали для Тегерана долгожданным «третьим партнером». В этом смысле события 1941 г. ни в коей мере не предопределяли дальнейшую судьбу Ближнего Востока, они лишь подготавливали почву для новых процессов, развернувшихся в регионе уже после войны, когда расклад сил в мире коренным образом изменился.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабинцев В.А. Англо-франко-турецкий пакт от 19 октября 1939 г. // Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Вып. 5. Свердловск, 1976. С. 42–61.
2. Гасанлы Дж. СССР–Иран. Азербайджанский кризис и начало холодной войны. М.: Герои отечества, 2006.
3. Гасанлы Дж. СССР–Турция. От нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М.: Центр Пропаганды, 2008.

4. Голуб Ю.Г. Иран в фокусе политики великих держав. 1941–1943. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2015.
5. Грак В.Н. Борьба движения «Свободная Франция» за «Армию Леванта» (июль–сент. 1941) // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке, 1932–1945. Свердловск, 1984. С. 104–122.
6. Грак В.Н. Политика Германии на Ближнем Востоке в период Второй мировой войны (декабрь 1940 — апрель 1941 г.) // Международные отношения в новейшее время. Свердловск, 1972. С. 157–175.
7. Грак В.Н. Франко-германское сотрудничество на Ближнем Востоке в период англо-германского вооруженного конфликта // Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Свердловск, 1973. С. 120–140.
8. Дашичев В.И. Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе. 1933–1945. Исторические очерки, документы и материалы: В 4 т. Т. 3. М.: Наука, 2005.
9. Климентов В.П. Переворот 1 апреля 1941 г. в Ираке и Тридцатидневная война // Восток/Oriens. Афро-азиатские общества: история и современность. 2001. № 3. С. 49–51.
10. Корхмязян Р.С. Турецко-германские отношения в годы Второй мировой войны. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1977.
11. Мирский Г.И. Ирак в смутное время: 1930–1941. М.; Л., 1961.
12. Оганесян Н.О. Образование независимой Сирийской республики (1939–1946). М.: Наука, 1968.
13. Оришева А.Б. «Победит тот, кто будет владеть Востоком». Из дневника германского разведчика Ф. Майера. Иран. 1941–1942. Вступительная статья // Отечественные архивы. 2003. № 3. С. 51–56.
14. Салихов А.Ш. Красная армия в Иране. 1941–1944 г. // Военно-исторический журнал. 2008. № 3. С. 17–21.
15. Туманян Т.Г. Ирак в системе международных отношений на Ближнем Востоке. 1921–1941: Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1996.
16. Фуллер Дж.Ф.С. Вторая мировая война 1939–1945 гг. Стратегический и тактический обзор. М.: Воениздат, 1956.
17. Чевтаев А.Г. Миссия Идена на Ближний Восток и Балканы весной 1941 г. // Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Вып. 10. Свердловск, 1982. С. 79–104.
18. Чевтаев А.Г. Политика Англии в Восточном Средиземноморье летом и осенью 1941 г. // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке, 1932–1945. Свердловск, 1984. С. 123–138.
19. Чевтаев А.Г. Политика Англии в Восточном Средиземноморье накануне нападения Германии на Советский Союз (апель–июнь, 1941) // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск, 1983. С. 134–150.
20. Чевтаев А.Г. Разработка Англией и Германией планов военно-политической борьбы в Восточном Средиземноморье (июль–сентябрь 1940 г.) // Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Вып. 8. Свердловск, 1979. С. 72–89.

21. Чемпалов И.Н. Присоединение Болгарии к Тройственному пакту и позиция великих держав // Балканы и Ближний Восток накануне и в начале второй мировой войны. Свердловск, 1968. С. 56–174.
22. Шерстюков С.А. «Арабский вопрос» во внешней политике Третьего рейха. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014.
23. Юнгблуд В.Т., Чукалов А.В. США и ввод англо-советских войск в Иран в августе 1941 г. // США и Канада. Экономика, политика, культура. 2010. № 4. С. 81–92.
24. Barr J. A line in the sand. Britain, France and the struggle that shaped the Middle East. London; New York: Simon and Schuster, 2011.
25. Beaumont J. Great Britain and the rights of neutral countries: The case of Iran, 1941 // Journal of Contemporary History. 1981. Vol. 16. No. 1. P. 213–222.
26. Bou Assi M. La crise libanaise de 1941 ou la bataille de Levant // Les chemins de la décolonisation de l'empire français. Colloque organisé par l'Institut du Temps Ptesent, 4–5 oct. 1984. Paris: Editions du CNRC, 1986. P. 307–323.
27. Cox L.G. The background to the Syrian campaign, May-June 1941: A study in Franco-German wartime relations // History. 1987. Vol. 72. No. 236. P. 432–452.
28. De Wally H. Syrie 1941. La guerre occultée. Vichystes contre Gaullistes. Paris: Perrin, 2006.
29. Destremau Ch. Le Moyen Orient pendant la Seconde guerre mondiale. Paris: Perrin, 2011.
30. Eshraghi F. Anglo-Soviet occupation of Iran in August 1941 // Middle Eastern Studies. 1984. Vol. 20. No. 1. P. 27–52
31. Gaunson A.B. Anglo-French clash in Lebanon and Syria. 1940–1945. London, 1987.
32. Gislain de Bontin G. La crise de Syrie (1941) // Les armées françaises pendant la Seconde guerre mondiale. 1939–1945. Colloque international. École nationale supérieure de techniques avancées. Paris, du 7 au 10 mai 1985. Paris, 1985.
33. Khoury Ph. S. Syria and the French mandate. The politics of Arab nationalism. 1920–1945. London, 1987.
34. Kozhanov N.A. The pretexts and reasons for the Allied invasion of Iran in 1941 // Iranian Studies. 2012. Vol. 45. No. 4. P. 479–497. DOI: 10.1080/00210862.2012.673827.
35. Lenczowski G. Russia and the West in Iran, 1918-1948. A study in big-power rivalry. Ithaca–New York, 1949.
36. Motadel D. Islam and Nazi Germany's war. London, 2014.
37. Olmert Y. Britain, Turkey and the Levant question during the Second World War // Middle Eastern Studies. 1987. Vol. 23. No. 4. P. 437–452.
38. Tamkin N. Britain, Middle East and the 'Northern Front', 1941–1942 // War in History. 2008. Vol. 15. No. 3. P. 314–336.
39. Zamir M. De Gaulle and the question of Syria and Lebanon during the Second World War: Part I // Middle Eastern Studies. 2007. Vol. 43. No. 5. P. 675–708.

A.M. Fomin

**BRITISH POLICY AND STRATEGY
IN THE MIDDLE EAST IN 1941:
THREE WARS 'EAST OF SUEZ'**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

After the defeat of France in the summer of 1940, Great Britain was left face to face with the Nazi Germany. It managed to endure the first act of the 'Battle of Britain', but could not wage a full-scale war on the continent. Under these conditions, the defense of the British positions in the Mediterranean and in the Middle East became a top priority for W. Churchill's cabinet. The author examines three episodes of Great Britain's struggle for the Middle East in 1941 (Iraq, Syria, Iran), framing them into the general logic of the German-British confrontation during this period.

The author emphasizes that potential assertion of German hegemony in the Middle East could have made the defense of Suez almost impossible, as well as the communication with India, and would have provided the Reich with an access to almost inexhaustible supplies of fuel. Widespread anti-British sentiments on the part of the local political and military elites could contribute greatly to the realization of such, catastrophic for Britain, scenario. Under these circumstances, the British government decided to capture the initiative. The paper examines the British military operations in Iraq and Syria. Special attention is paid to the complex dynamics of relations of the British cabinet with the Vichy regime and the Free France movement. As the author notes, the sharpest disagreements aroused on the future of Syria and Lebanon, and the prospects of granting them independence. In the Iran's case, the necessity of harmonizing policies with the Soviet Union came to the fore. The growing German influence in the region, as well as the need to establish a new route for Lend-Lease aid to the USSR, fostered mutual understanding. After the joint Anglo-Soviet military operation in August-September 1941, Iran was divided into occupation zones. Finally, the paper examines the UK position with regard to the neutrality of Turkey. The author concludes that all these military operations led to the creation of a 'temporary regime' of the British domination in the Middle East. However, the Anglo-French and Anglo-Soviet rivalries had not disappeared and, compounded by the growing US presence in the region, laid basis for new conflicts in the post-war period.

Keywords: World War II, Great Britain, the Middle East, Iraq, Syria, Iran, W. Churchill, C. de Gaulle, Vichy, Free France, Lend-Lease, colonialism, neutrality.

About the author: *Aleksandr M. Fomin* — PhD (History), Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History, School of History, Lomonosov Moscow State University (e-mail: almif@list.ru).

REFERENCES

1. Babintsev V.A. 1976. Anglo-franko-turetskii pakt ot 19 oktyabrya 1939 g. [The Anglo-French-Turkish treaty of October 19, 1939]. In *Balkani i Blizhnii Vostok v noveyshee vremya* [The Balkans and the Middle East in modern times]. Pp. 42–61. (In Russ.)
2. Gasanly Dzh. 2006. *SSSR — Iran. Azerbaydzhanskii krizis i nachalo kholodnoi voyny* [USSR — Iran. Azerbaijani crisis and the beginning of the Cold War]. Moscow, 'Geroi otechestva' Publ. (In Russ.)
3. Gasanly Dzh. 2008. *SSSR — Turtsiya. Ot neytraliteta k kholodnoi voine (1939 — 1953)* [USSR — Turkey. From neutrality to the Cold War (1939–1953)]. Moscow, 'Tsentr Propagandy' Publ. (In Russ.)
4. Golub Yu. G. 2015. *Iran v fokuse politiki velikikh derzhav. 1941–1943* [Iran in the focus of Great Power politics. 1941–1943]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo un-ta Publ. (In Russ.)
5. Grak V.N. 1984. Bor'ba dvizheniya 'Svobodnaya Frantsiya' za 'Armiyu Levanta' (iyul' — sent. 1941). [The struggle of the 'Free France' movement for the 'Army of the Levant' (July — September 1941)]. In *Politika velikikh derzhav na Balkanakh i Blizhnem Vostoke, 1932–1945* [Great powers' policy in the Balkans and the Middle East]. Sverdlovsk, pp. 104–122. (In Russ.)
6. Grak V.N. 1972. Politika Germanii na Blizhnem Vostoke v period Vtoroy mirovoi voyny (dekabr' 1940 — aprel' 1941 gg. [German policy in the Middle East during the Second World War (December 1940 — April 1941)]. In *Mezhdunarodnyye otnosheniya v noveyshee vremya* [International relations in contemporary times]. Sverdlovsk, pp. 157–175. (In Russ.)
7. Grak V.N. 1973. Franko-germanskoe sotrudnichestvo na Blizhnem Vostoke v period anglo-germanskogo vooruzhennogo konflikta [Franco-German cooperation in the Middle East during the Anglo-German armed conflict]. In *Balkani i Blizhnii Vostok v noveyshee vremya* [The Balkans and the Middle East in contemporary times]. Sverdlovsk, pp. 120–140. (In Russ.)
8. Dashichev V.I. 2005. *Strategiya Gitlera. Put' k katastrofe. 1933–1945. Istoricheskie ocherki, dokumenty i materialy. T. 3.* [Hitler's strategy. The path to disaster. 1933–1945. Historical essays, documents and materials. Vol. 3]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
9. Klimentov V.P. 2001. Perevorot 1 aprelya 1941 g. v Irake i Tridsatidnevnyaya vojna [1941 Iraqi coup d'état and the Thirty Day War]. *Vostok / Oriens. Afroaziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, no. 3, pp. 49–51. (In Russ.)
10. Korkhmazyan R. S. 1977. *Turetsko-germanskiiye otnosheniya v gody Vtoroi mirovoi voyny* [Turkish-German relations during the Second World War]. Yerevan, Izd-vo AN Arm. SSR Publ.
11. Mirskiy G.I. 1961. *Irak v smutnoe vremya: 1930–1941* [Iraq in the time of troubles: 1930–1941]. Moscow, Leningrad. (In Russ.)
12. Oganessian N.O. 1968. *Obrazovanie nezavisimoi Siriyskoi respubliki (1939–1946)* [The establishment of an independent Syrian republic (1939–1946)]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

13. Orisheva A.B. 2003. 'Pobedit tot, kto budet vladet' Vostokom'. Iz dnevnika germanskogo razvedchika F. Mayyera. Iran. 1941–1942. Vstupitel'naya stat'ya ['The one who owns the East will win'. From the diary of the German intelligence officer F. Mayer. Iran. 1941–1942. Introductory article]. *Otechestvennyye arkhivy*, no. 3, pp. 51–56. (In Russ.)
14. Salikhov A.Sh. 2008. Krasnaya Armiya v Irane. 1941–1944 g. [Red Army in Iran. 1941–1944]. *Voyenno-istoricheskii zhurnal*, no. 3, pp. 17–21. (In Russ.)
15. Tumanyan T.G. 1996. *Irak v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii na Blizhnem Vostoke. 1921–1941*. [Iraq in the system of international relations in the Middle East. 1921–1941. PhD Thesis]. Saint-Petersburg. (In Russ.)
16. Fuller J.F.C. 1948. The Second World War. 1939–1945. A strategical and tactical history. [Rus ed.: Fuller J.F.S. 1956. *Vtoraya mirovaya vojna 1939–1945 gg. Strategicheskii i takticheskii obzor*. Moscow, Izd-vo inostrannoy literatury Publ.]. (In Russ.)
17. Chevtayev A.G. 1982. Missiya Idena na Blizhniy Vostok i Balkany vesnoi 1941 g. [Eden's mission to the Middle East and the Balkans in the Spring of 1941]. In *Balkany i Blizhnii Vostok v noveyshee vremya* [The Balkans and the Middle East in contemporary times]. Sverdlovsk, pp. 79–104. (In Russ.)
18. Chevtayev A.G. 1984. Politika Anglii v Vostochnom Sredizemnomor'e letom i osen'yu 1941 g. [The policy of England in the Eastern Mediterranean in the summer and autumn of 1941]. In *Politika velikikh derzhav na Balkanakh i Blizhnem Vostoke, 1932–1945*. [Great powers' policy in the Balkans and the Middle East, 1932–1945]. Sverdlovsk, pp. 123–138. (In Russ.)
19. Chevtayev A.G. 1983. Politika Anglii v Vostochnom Sredizemnomor'e nakanune napadeniya Germanii na Sovetskii Soyuz (apel' — iyun', 1941) [The policy of England in the Eastern Mediterranean on the eve of the German attack on the Soviet Union (April — June 1941)]. In *Politika velikikh derzhav na Balkanakh i Blizhnem Vostoke v noveyshee vremya* [Great powers' policy in the Balkans and the Middle East in contemporary times]. Sverdlovsk, pp. 134–150. (In Russ.)
20. Chevtayev A.G. 1979. Razrabotka Angliei i Germaniei planov voyenno-politicheskoi bor'by v Vostochnom Sredizemnomor'e (iyul' — sentyabr' 1940 g.) [The development of plans for military and political struggle in the Eastern Mediterranean by England and Germany (July — September 1940)]. In *Balkany i Blizhnii Vostok v noveyshee vremya* [The Balkans and the Middle East in contemporary times]. Sverdlovsk, pp. 72–89. (In Russ.)
21. Chempalov I.N. 1968. Prisoyedinenie Bolgarii k Troistvennomu paktu i pozitsiya velikikh derzhav [Bulgaria accession to the Tripartite Pact and the position of the Great Powers]. In *Balkany i Blizhniy Vostok nakanune i v nachale vtoroi mirovoi voyny* [The Balkans and the Middle East on the eve of the Second World War]. Sverdlovsk, pp. 56–174. (In Russ.)
22. Sherstyukov S. A. 2014. 'Arabskii vopros' vo vneshnei politike Tret'ego reikha ['The Arab question' in the foreign policy of the Third Reich]. Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta Publ. (In Russ.)

23. Yungblyud V.T., Chukalov A.V. 2010. SShA i vvod anglo-sovetskikh voisk v Iran v avguste 1941g. [The United States and the Anglo-Soviet invasion of Iran in August 1941]. *USA & Canada: Economics, politics, culture*, no. 4, pp. 81–92. (In Russ.)

24. Barr J. 2011. *A line in the sand. Britain, France and the struggle that shaped the Middle East*. London, New York, Simon and Schuster.

25. Beaumont J. 1981. Great Britain and the rights of neutral countries: The case of Iran, 1941. *Journal of Contemporary History*, vol. 16, no. 1, pp. 213–222.

26. Bou Assi M. 1986. La crise libanaise de 1941 ou la bataille de Levant. In *Les chemins de la décolonisation de l'empire français*. Colloque organisé par l'Institut du Temps Ptesent, 4–5 oct. 1984. Paris, Editions du CNRC, pp. 307–323.

27. Cox L.G. 1987. The background to the Syrian campaign, May–June 1941: A study in Franco-German wartime relations. *History*, vol. 72, no. 236, pp. 432–452.

28. De Wally H. 2006. *Syrie 1941. La guerre occultée. Vichystes contre Gaullistes*. Paris, Perrin.

29. Destremau Ch. 2011. *Le Moyen Orient pendant la Seconde guerre mondiale*. Paris, Perrin.

30. Eshraghi F. 1984. Anglo-Soviet occupation of Iran in August 1941. *Middle Eastern Studies*, vol. 20, no. 1, pp. 27–52.

31. Gaunson A.B. 1987. *Anglo-French clash in Lebanon and Syria. 1940 — 1945*. L., Palgrave Macmillan.

32. Gislain de Bontin G. 1985. La crise de Syrie (1941). In *Les armées françaises pendant la Seconde guerre mondiale. 1939–1945*. Colloque international. Paris, École nationale supérieure de techniques avancées.

33. Khoury Ph.S. 1987. *Syria and the French Mandate. The politics of Arab nationalism. 1920–1945*. London, Princeton University Press.

34. Kozhanov N.A. 2012. The pretexts and reasons for the Allied invasion of Iran in 1941. *Iranian Studies*, vol. 45, no. 4, pp. 479–497. DOI: 10.1080/00210862.2012.673827.

35. Lenczowski G. 1949. *Russia and the West in Iran, 1918–1948. A study in big-power rivalry*. Ithaca–New York.

36. Motadel D. 2014. *Islam and Nazi Germany's war*. Cambridge, London.

37. Olmert Y. 1987. Britain, Turkey and the Levant question during the Second World War. *Middle Eastern Studies*, vol. 23, no. 4, pp. 437–452.

38. Tamkin N. 2008. Britain, Middle East and the 'Northern front', 1941–1942. *War in History*, vol. 15, no. 3, pp. 314–336.

39. Zamir M. 2007. De Gaulle and the question of Syria and Lebanon during the Second World War: Part I. *Middle Eastern Studies*, vol. 43, no. 5, pp. 675–708.

Е.В. Корунова*

НЕЙТРАЛИТЕТ ИЛИ УЧАСТИЕ? ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В середине XX в. на севере Европы сложилась уникальная подсистема международных отношений, которая сделала этот регион одним из самых стабильных и мирных на протяжении всего периода «холодной войны». Сейчас, когда градус напряженности в региональных отношениях снова начинает возрастать, выступая проекцией общего роста конфликтности в современной мировой политике, обращение к урокам истории периода Второй мировой войны, а также ее кануна и первых послевоенных лет приобретает новую актуальность. В данной статье проводится комплексный анализ эволюции внешнеполитических концепций скандинавских стран по вопросам политики нейтралитета с середины 1930-х до конца 1940-х годов. В первой части рассмотрены их подходы к проблеме формирования системы коллективной безопасности в регионе в межвоенный период. В центре внимания находится шведский проект Северного оборонительного союза, согласно которому в качестве лучшей гарантии сохранения нейтралитета рассматривались упрочнение и углубление военной кооперации государств региона, их способности совместными усилиями сдерживать агрессию извне. Эта идея так и не была реализована, столкнувшись как с прохладной реакцией лидеров Норвегии и Дании, так и с подозрительным отношением ведущих мировых игроков. Ключевую роль, по мнению автора, сыграло то обстоятельство, что Швеция, Норвегия, Дания и Финляндия в тот момент ориентировались на разные, противостоявшие друг другу великие державы. Во многом это же обстоятельство предопределило и судьбу скандинавских стран в годы войны, когда практически все они, оказавшись зажатými в тисках двух сражавшихся блоков, были в той или иной форме втянуты в воронку мирового конфликта. Победа

* Корунова Евгения Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ekorunova@yandex.ru).

антигитлеровской коалиции открыла перед государствами региона новые возможности, но и поставила новые проблемы: в процессе формирования биполярного мира они стремительно превращались в объект борьбы сверхдержав за сферы влияния и союзников на северном фланге европейской подсистемы. В этих условиях Швеция снова выступила с идеей о необходимости сохранения мира посредством отстаивания политики нейтралитета, воплощением которой стал проект Скандинавского оборонительного союза. В заключительной части статьи подробно рассмотрена реакция на этот проект как скандинавских стран, так и СССР, США и Великобритании. Показано, что, хотя реакция эта снова носила по меньшей мере настороженный характер, а сам проект так и остался нереализованным, инициативы Швеции способствовали формированию на севере Европы особой архитектуры безопасности. В ее основе лежало условное распределение ролей для каждого из государств региона, а на нейтральную Швецию ложились функции уравнивающей силы в этой уникальной системе эквilibриума.

Ключевые слова: Вторая мировая война, нейтралитет, скандинавские страны, Дания, Швеция, Норвегия, Северный оборонительный союз, Скандинавский оборонительный союз, декларация о нейтралитете, оборона, безопасность.

Внешняя политика стран Скандинавии всегда была тесно связана с понятием «нейтралитет». Вплоть до Второй мировой войны Швеция, Норвегия и Дания как в Европе, так и на международной арене в целом стремились дистанцироваться от конфликтов и войн для сохранения территориальной целостности и взаимовыгодного сотрудничества с другими государствами. Свидетельством этого является долгая история неучастия скандинавских стран в вооруженных столкновениях, неоднократно возникавших на протяжении Нового времени.

Традиционно статус нейтралитета в этих государствах утверждался в результате принятия соответствующей декларации. В качестве превентивной меры на случай угрозы втягивания одного из них в войну принималось общее решение о заключении коллективного договора, в котором высказывалось намерение не участвовать в конфликте. Примером служат ранние декларации о нейтралитете, принятые современными скандинавскими странами в 1679, 1691, 1693, 1756, 1780, 1794, 1800 гг. и т.д. [подробнее см.: Neutrality, 1936: 161; Тиунов, 1968: 12–20].

Параллельно со скандинавским опытом неучастия в конфликтах и войнах вырабатывалась общая для всех государств система международного права, в которой нашлось место и дефиниции «нейтралитет».

тет». Так, с появлением системности в международных отношениях нейтралитет стал важным средством обеспечения безопасности, а нейтральные государства — своеобразными островами мира в море войны. К началу XX в. нейтралитет представлял собой устоявшееся в международно-правовой практике явление. Важным этапом в развитии института нейтралитета было, безусловно, подписание 5-й и 13-й Гаагских конвенций (1899, 1907), которые регулировали права и обязанности нейтральных государств на суше и на море в военное время¹. Впервые в практику вводился механизм четкого деления всех стран на две категории в случае войны: воюющие и нейтральные. Таким образом, во время военного конфликта нейтралы причислялись к особой категории участников международного процесса.

Именно с принятием указанных конвенций нейтралитет перестал восприниматься исключительно как субъективное понятие. Теперь нормы международного права требовали одинакового отношения и к воюющим сторонам, и к нейтралам [Karsh, 1988: 32]. На государства, которые выражали стремление остаться вне конфликта, распространялись общие правила независимо от типа их нейтралитета [подробнее о типах и видах нейтралитета см.: Прусаков, 1972: 12–28; Ганюшкин, 1958: 52–66]. В конвенциях были оговорены права и обязанности, вступающие в силу с начала войны в отношении не только постоянно нейтральных государств, таких как, например, Швейцария или Бельгия [Тиунов, 1968: 37–75], но и так называемых эвентуальных нейтралов², к которым относились скандинавские страны.

Для Швеции, Дании и Норвегии признание их права на нейтралитет послужило толчком к формированию устойчивой политической системы и успешному позиционированию на международной арене. В то же время положительный опыт предыдущих столетий и, главным образом, Первой мировой войны создал искаженное представление у ряда скандинавских политиков о прочности нейтрального статуса и эффективности деклараций. Часто игнорировался

¹ The Hague Conventions and Declarations of 1899 and 1907: Accompanied by tables of signatures, ratifications and adhesions of the various powers, and texts of reservations / Ed. by J.B. Scott. Oxford, 1915. P. 133–139; 209–217.

² Эвентуальный нейтрал (от лат. «eventualis» — «случай», применительно к понятию «нейтралитет» — «случайный», «при определенных обстоятельствах») — государство, чье положение предполагает наличие прав и обязанностей нейтрала при наступлении войны. Действует либо до момента насильственного или добровольного вовлечения государства в войну, либо до официального завершения военного конфликта.

тот факт, что в годы Первой мировой войны, участия в которой странам Скандинавии удалось избежать, ни Германия, ни Россия, ни Англия не ставили перед собой задачу превращать их территорию в зону военных действий и тем более оккупировать ее. Нейтралитет североευропейских государств оставался нетронутым, зато велась серьезная борьба за их лояльность, потребовавшая от скандинавов к середине войны вернуться к строгому выполнению взятых на себя обязательств, прописанных в Декларации о нейтралитете 1912 г.³ и закрепленных Гаагскими конвенциями.

Неучастие скандинавских стран в Первой мировой войне привело к парадоксальному эффекту в их взаимоотношениях в межвоенный период. Позиции по вопросу внешнеполитической стратегии в случае нового мирового конфликта у правительств Швеции, Норвегии и Дании разошлись принципиально, а сами государства напоминали героев басни И.А. Крылова «Лебедь, рак и щука».

В Дании, соседствующей с Германией, политики были изначально охвачены пораженческими настроениями и не стремились предпринимать действия, которые могли вызвать неодобрение со стороны немцев. В Норвегии, наоборот, мыслили утопическими идеями, уповав на помощь Великобритании. В Швеции придерживались более прагматичного подхода, который заключался в следовании политике нейтралитета, подкрепленной достаточной обороноспособностью всех видов войск.

Тематика, связанная с проблемами безопасности Скандинавии и Финляндии в межвоенный период и в годы Второй мировой войны, неоднократно привлекала внимание отечественных и зарубежных исследователей. При достаточно хорошей изученности вопросов участия Швеции, Дании, Норвегии и Финляндии в региональной, европейской и мировой политике в 1930–1940-е годы в скандинавской историографии наблюдаются тенденции рассматривать историю этих государств в контексте региональных взаимоотношений или в рамках двух- или трехстороннего сотрудничества [Andrén, 1965, 1967, 1996; Carlgren, 1977; Haskel, 1976; Rådehed, 1985; Thulstrup, 1950; Zetterberg, 2012]. Скандинавские исследователи, как правило, не ставили перед собой задачу проанализировать ситуацию, сложившуюся в регионе в предвоенные десятилетия и в годы Второй мировой войны, как часть общей международной системы.

³ Deklarationer växlade med Danmark och Norge rörande likartade neutralitetsbestämmelser. Stockholm den 21 december 1912 // Statens internationella överenskommelser (SÖ) 1912. S. 11.

Несмотря на оккупацию Дании и Норвегии, война воспринималась как конфликт крупных держав, в который скандинавские страны и Финляндия были насильственно втянуты вопреки их воле. В этой связи в шведской историографии преобладают исследования, касающиеся политики нейтралитета и проблем безопасности в регионе [например: Linder, 2005; Lindholm, 1987; Ottosson, 2000; Wahlbäck, 1997; и др.]. В норвежской и датской научной литературе много внимания уделяется периоду оккупации и освобождению территории от германского военного присутствия, а также проблемам выбора стратегического курса во второй половине 1940-х годов [например: Danmark, Norden og NATO, 1991; Molin, Olesen, 1995; Noreen, 1994; Nøkleby, 2016; Sønsteby, 2015; и др.]. В Финляндии Вторая мировая война традиционно рассматривалась через призму советско-финских отношений [Мейнандер, 2014; Manninen, 2004; Polvinen, 1986; и др.].

В отечественной историографии существует целый ряд работ, в которых отражена картина событий, происходивших в Скандинавии и Финляндии накануне и в период Второй мировой войны, а также в первые послевоенные годы [например: Барышников, 1989, 2006; Барышников, 2015, 2016; Веригин, 2016; Зарецкая, 2005, 2008; Комаров, 1999, 2003, 2009, 2011; Рупасов, 2014; Носков, 1977; Чернышева, 1980; и др.]. Огромный вклад в отечественную скандинавистику внес А.С. Кан, чей труд «История скандинавских стран» охватывает период с IX тыс. до н.э. вплоть до 1970-х годов. До сих пор историки-скандинависты обращаются к данной монографии, так как считают ее основополагающей в отечественной нордистике.

Начиная с 1990-х годов благодаря доступности скандинавских архивных материалов и рассекречиванию ряда отечественных документов появилась возможность по-новому взглянуть на комплекс проблем, связанных с вовлеченностью стран Скандинавии и Финляндии в процесс подготовки к войне в 1930-е годы, их стремлением отстаивать нейтралитет в годы конфликта, степенью участия в освобождении от нацистского бремени и причинами, обусловившими выбор внешнеполитического пути в годы биполяризации международных отношений.

Следует особо отметить два научных сборника, подготовленных по результатам международной конференции, посвященной 75-летию освобождения Советского Заполярья, Северной Норвегии и выхода Финляндии из Второй мировой войны [Заполярье 1944–1945, 2020], и круглого стола, которые состоялись осенью 2019 г. в Москве и Мурманске соответственно [Битва за Север, 2020]. Статьи сборников были подготовлены коллективом авторов из России, Норвегии, Шве-

ции и Финляндии. Основанные на архивных материалах и актуальных исследованиях работы раскрывают проблемы дипломатической и военной подготовки важнейших событий на севере Европы в годы войны, затрагивают малоизученные сюжеты, поднимают вопросы, связанные с исторической памятью, и содержат оценку имеющейся по данным темам историографии.

Данная статья посвящена комплексному анализу ситуации, сложившейся накануне и в годы Второй мировой войны в Скандинавии и обусловившей переформатирование общерегиональных подходов к внешнеполитической деятельности и положению скандинавских стран на международной арене во второй половине XX в. Сегодня, когда памятная дата 75-летия Победы держав антигитлеровской коалиции превратилась в повод для попыток пересмотреть итоги и содержание событий Второй мировой войны, а вся система мировой политики вступила в период качественной трансформации, обращение к этой теме приобретает особую актуальность. Анализ деятельности скандинавских акторов, являющихся, что немало важно, нашими близкими северными соседями, накануне, в годы войны и после ее завершения может быть полезен и сегодня, когда отношения России с ними весьма турбулентны и, как и тогда, во многом находятся на перепутье.

В статье используется комплекс российских и скандинавских источников (преимущественно на шведском языке)⁴, а также впервые в отечественной историографии привлекаются документы из базы данных Национального архива Великобритании («Secret Files from World Wars to Cold War»).

Скандинавское сотрудничество по вопросам безопасности: быть или не быть?

Кооперация скандинавских стран незадолго до начала Первой мировой войны и сохранение провозглашенного нейтралитета давали стимул правительствам северных государств развивать региональное сотрудничество и в последующие годы. Так, в середине 1930-х годов на волне отказа ряда стран от выполнения условий версальских договоренностей и по причине слабости Лиги Наций в решении

⁴В архивах стран Скандинавии и Финляндии все дела, касающиеся общескандинавской политики, как правило, дублируются на языках тех государств, в архивах которых они находятся. Это позволяет получить доступ к ряду документов в любой из четырех стран. Например, в статье привлечены документы на шведском языке, касающиеся встреч министров иностранных дел Швеции, Норвегии, Дании и Финляндии и хранящиеся в государственном архиве Швеции в Стокгольме.

международных конфликтов среди шведских политиков получила распространение идея кооперации с государствами Скандинавии и Финляндией для обеспечения безопасности в регионе Фенноскандии. Целью проекта, названного впоследствии Северным оборонительным союзом, было предотвратить использование территорий Балтийского и Северного морей в качестве театров военных действий и избежать превращения Северной Европы в военный плацдарм в случае вооруженного столкновения великих держав [подробнее см.: Корунова, 2011, 2019]. В основе лежал традиционный подход шведов к их собственной политике безопасности, заключавшийся в сохранении нейтралитета, в том числе благодаря способности государства сдерживать агрессию извне.

Шведское руководство при этом заручилось поддержкой своих северных коллег. Например, Дания и Норвегия в перспективе имели возможность блокировать проливы в Балтийском море, имевшем для нацистской Германии огромное значение, так как здесь укрывались основные силы ее флота, а согласованная стратегия Швеции и Норвегии, располагающихся на Скандинавском полуострове, который окружен обширными морскими акваториями (Балтийским морем с востока, Баренцевым морем, Северным Ледовитым океаном с севера и Норвежским морем с запада), позволяла обеспечить неприкосновенность их границ. Тем более шхерный характер побережья, сильная изрезанность береговой линии, глубокие узкие фьорды Норвегии и резко пересеченный рельеф, обилие лесов, болот, а также неразвитая дорожная сеть делали Скандинавский полуостров и так труднодоступной территорией для боевых действий [Носков, 1977: 20–21].

Тем не менее на пути формирования Северного оборонительного союза, конечной целью которого должно было стать неучастие скандинавских экс-нейтралов⁵ в войне, возникло множество преград. Объединению усилий в области обороны и безопасности не способствовали как внешние, так и внутренние факторы.

Дипломатические ведомства Дании и Норвегии высказывали опасения, что этот союз только своим созданием мог бросить вы-

⁵ Экс-нейтрал — государство, провозгласившее нейтралитет накануне войны, но вынужденное отказаться от продолжения политики нейтралитета ввиду агрессии со стороны другого государства или по собственному желанию. Понятие получило распространение после Первой мировой войны и применялось в отношении ряда бывших нейтралов, объединившихся в неофициальную группу в рамках Лиги Наций ради защиты прав нейтральных государств, положение которых ущемлялось отсутствием соответствующих статей в Уставе организации.

зов всему европейскому и международному сообществу, так как подобная внешнеполитическая деятельность малых стран в рамках сложившейся Версальской системы требовала согласия ведущих политических игроков, т.е. Великобритании и Франции⁶.

Больше всех созданию подобного альянса противились в Дании. Министр иностранных дел Петер Мунк полагал, что до тех пор, пока северные страны будут стоять на позициях нейтралитета, им ничего не угрожает, а военное сотрудничество не отвечает потребностям времени [История Дании, 1998: 109]. В своем убеждении он руководствовался опытом Первой мировой войны.

Главную задачу своей внешней политики с середины 1930-х годов наряду с сохранением нейтралитета датские государственные деятели видели прежде всего в поддержании добрососедских отношений с Германией путем проведения «чрезвычайно щепетильной нейтральной политики, подкрепленной тесными торговыми отношениями» [История Дании, 1998: 110].

Действительно, для Дании немецко-фашистская угроза была наиболее явственной. На юге страны нацистские представители немецкого нацменьшинства проводили активную антидатскую пропаганду, рассчитывая на воссоединение Северного Шлезвига с рейхом, а значит, на непризнание проведенного на этой территории после Первой мировой войны плебисцита, согласно которому 75% населения проголосовало за присоединение к Дании и лишь 25% — к Германии, а также решения Парижской мирной конференции, официально передавшей Северный Шлезвиг Дании [История Дании, 1998: 68].

В Копенгагене опасались, что в Германии отрицательно отнесутся к идее создания Северного оборонительного союза, поэтому еще в декабре 1934 г. премьер-министр Дании Торвальд Стаунинг публично заявил: положение в Скандинавии не может быть упрочено никакими военными объединениями или укреплениями. Затем на заседании Комитета сотрудничества социал-демократических партий и профсоюзов северных стран, проводившемся в ноябре 1936 г., он настойчиво подчеркивал, что «военный альянс между скандинавскими странами является утопией»⁷. Военные союзы и любые действия в этом направлении могли, как он полагал, вызвать

⁶ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВПРФ). Ф. 140. Оп. 20. П. 28. Д. 3. Л. 419; Ф. 140. Оп. 18. П. 26. Д. 6. Л. 152.

⁷ АВПРФ. Ф. 140. Оп. 20. П. 28. Д. 3. Л. 41.

подозрения у других участников мирового сообщества и настроить их скептически по отношению к нейтралитету, который желал сохранить датский народ⁸. Идея северного сотрудничества в той форме, которую предлагали правительства Швеции и Финляндии, датский премьер назвал невозможной. В 1937 г. для прекращения всех разговоров о гипотетическом объединении стран Скандинавии и Финляндии в Северный оборонительный союз Т. Стаунинг резко «обрубил», что его страна не собирается уподобляться «цепному псу», охраняющему северные пути⁹.

В отличие от датского правительства, норвежское руководство идею координированной деятельности северных стран в области обороны полностью не отвергало, но его готовность к сотрудничеству выражалась в намерении создать некий блок мирных государств, что позволило бы осуществлять мероприятия по изолированной охране нейтралитета в регионе. В мае 1935 г. министр иностранных дел Хальвдан Кут сделал следующее замечание: «Скандинавский блок — это укоренившееся заблуждение. Не существует никакого блока скандинавских стран. Имеется лишь налицо солидарность этих стран и их сотрудничество по вопросам европейской политики. С давних пор, едва ли не со времен мировой войны, министры северных стран съезжаются от случая к случаю для обмена мнениями и обсуждения актуальных вопросов международной политики»¹⁰. Фактически это означало отрицание какой-либо параллельной межгосударственной деятельности со странами Скандинавии и Финляндией вне конференций министров иностранных дел.

Так или иначе, попытка договориться с Норвегией относительно Северного оборонительного союза также не увенчалась успехом. После продолжительных переговоров между Осло и Стокгольмом было достигнуто только довольно ограниченное соглашение об обмене разведывательной информацией по линии военно-морского командования, а также принято решение об унификации ряда видов вооружения, снабжении и перевозках в случае европейской войны. Это, естественно, было крайне незначительным результатом

⁸ АВПРФ. Ф. 140. Оп. 18. П. 26. Д. 6. Л. 152.

⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 15. Д. 26. Л. 53.

¹⁰ Из записи беседы полномочного представителя в Норвегии И.С. Якубовича с министром иностранных дел Норвегии Х. Кутом 8 мая 1935 г. // Советско-норвежские отношения. 1917–1955: Сборник документов / Ред. комиссия: Чубарьян А.О., Ристе У., Комаров А.А. и др. М., 1997. С. 222.

с точки зрения организации военного объединения [Барышников, 2000: 19].

В итоге идея создания Северного оборонительного союза, целью которого было формирование системы коллективной безопасности в Балто-Скандинавском регионе, успехом не увенчалась [подробнее см.: Корунова, 2017, 2018, 2019]. Государства Скандинавии и Финляндия, что характерно для малых стран, не располагали должными средствами для обеспечения собственной безопасности и вследствие этого в большинстве случаев выступали объектами политики великих держав. Так и накануне Второй мировой войны каждая из четырех стран искала сильного покровителя. Именно ориентация Швеции, Норвегии, Дании и Финляндии на разных, противостоявших друг другу крупных игроков и стала, как представляется, ключевым препятствием на пути развития их военно-политического сотрудничества.

На одной из регулярных встреч министров иностранных дел стран Скандинавии и Финляндии, проводившейся в конце апреля 1937 г., глава шведского МИД Рикард Сандлер пытался убедить своего датского коллегу П. Мунка не доверять всецело Германии, СССР и даже Великобритании¹¹. Утверждение датского политика, что Берлин крайне заинтересован в сохранении спокойной обстановки в Балтийском море, Р. Сандлер резко раскритиковал и выразил обеспокоенность такой недалекновидностью датчан. Согласно той информации, которой располагали шведские дипломаты, и немцы, и русские, и англичане проявляли глубокий интерес к северной Скандинавии¹².

Шведский министр указал на стремительный рост военного потенциала соседних Германии и СССР и, как следствие, угрозу, которая исходила от обоих государств. Он позволил себе дать прогноз возможного развития событий и описал сценарий, при котором в скором будущем, в частности, Аландские острова и Карелия могли стать территориями столкновения интересов Москвы и Берлина¹³. На все реплики своего датского коллеги, оптимистически заключавшего, что Германия и Англии еще не завершили стадию подготовки к войне, а значит, она в ближайшее время не начнется и Балтийское пространство останется безопасным для государств Севера, швед-

¹¹ Riksarkivet, Stockholm, Utrikesdepartementets arkiv, 1920 års Doss. HP 20 D Ministermöten och skandinaviskt samarbete: Anteckningar över förhandlingarna vid det nordiska utrikesministermötet i Helsingfors den 20–22 april 1937. S. 3–4.

¹² Ibidem.

¹³ Ibid. S. 4.

ский министр отвечал, что это не должно стать поводом для прекращения совместной работы в области безопасности¹⁴.

Р. Сандлер утверждал, что самолеты-разведчики СССР, Германии и Англии давно изучают территорию Скандинавии¹⁵, однако Х. Кут опроверг факт шпионажа в отношении Норвегии. В случае с СССР он сослался на заверения советских коллег, с которыми у него состоялся разговор накануне поездки в Финляндию. Тогда на вопрос относительно непрекращавшихся слухов о появлении советских самолетов над севером Норвегии полпред И.С. Якубович назвал это провокацией, имевшей место всякий раз, когда в стортинге обсуждались вопросы обороны¹⁶. Х. Кут был склонен верить словам И.С. Якубовича, впрочем, как и аналогичным заверениям германского представителя в Осло¹⁷.

Неудачей закончились и попытки шведского руководства навязать Норвегии и Дании идею вооруженного нейтралитета. Иначе обстояло дело с декларацией о нейтралитете, в необходимости которой никто из государств — участников конференций министров иностранных дел не сомневался. Впрочем, обсуждение содержания этой декларации тоже заняло не один месяц.

На очередной встрече министров иностранных дел стран Скандинавии и Финляндии, в начале апреля 1938 г., Р. Сандлер высказал мнение, что в сложившихся условиях правильнее не сходить с нейтралистской линии, поддерживая друг друга, как это было в годы Первой мировой войны, а также дополнительно зафиксировать общую позицию подписанием новой декларации о нейтралитете, подобной той, что была заключена в 1912 г. В ответ на это предложение П. Мунк парировал своему коллеге, приведя пример с Чехословакией. Он сравнил положение Дании на датско-германской границе в районе Южной Ютландии с ситуацией в Судетской области¹⁸. Действия немцев он назвал вполне предсказуемыми, и в этой связи

¹⁴ Ibid. S. 2–3.

¹⁵ Ibid. S. 4.

¹⁶ Из письма полномочного представителя СССР в Норвегии И.С. Якубовича заместителю народного комиссара иностранных дел СССР Н.Н. Крестинскому о беседе с министром иностранных дел Норвегии Х. Кутом о состоянии советско-норвежских отношений // Советско-норвежские отношения. 1917–1955. С. 262–263.

¹⁷ Riksarkivet, Stockholm, Utrikesdepartementets arkiv, 1920 års Doss. HP 20 D Ministermöten och skandinaviskt samarbete: Anteckningar över förhandlingarna vid det nordiska utrikesministermötet i Helsingfors den 20–22 april 1937. S. 8.

¹⁸ Riksarkivet, Stockholm, Utrikesdepartementets arkiv, 1920 års Doss. HP 20 D Ministermöten och skandinaviskt samarbete: Förhandlingarna vid det nordiska utrikesministermötet i Oslo den 5 och 6 april 1938. S. 4–5.

его волновал вопрос, окажут ли Дании поддержку северные страны в случае, если ее отношения с Германией ухудшатся¹⁹. В этом контексте слово «нейтралитет» не внушало П. Мунку оптимизма, хотя принципиально он был согласен с коллегой из Швеции, что желательно закрепить намерение скандинавских стран быть не вовлеченными в какие-либо конфликты подписанием новой декларации²⁰.

Документ увидел свет за год с небольшим до начала Второй мировой войны, 27 мая 1938 г.²¹ По сути, он повторял содержание декларации 1912 г., ориентиром для которой стали Гаагские конвенции. Этот факт не получил широкого освещения в скандинавской прессе и померк на фоне других событий, происходивших в Европе. Редкие статьи не на первых полосах указывали на второстепенность данного вопроса в условиях нарастания конфликтного потенциала в мире²². Таким образом, все последовавшие европейские события, имевшие судьбоносное значение для Скандинавии и Финляндии, подтвердили, что декларации отводилась роль ни от чего не защищавшей ширмы.

Схватка за Скандинавию

Тем временем становилось ясно, что страны Скандинавии займут особое место в предстоявшей схватке государств. Практически за год до развязывания войны в советской региональной газете «Полярная правда» вышла статья под заголовком «Планы германского фашизма в Скандинавии». В статье главным образом осуждалась настойчивость Берлина в попытках обеспечить себя продовольствием и стратегическим сырьем за счет скандинавских государств: «С исключительной наглостью она [Германия. — *Е.К.*] <...> стремится в страны Скандинавии, рассчитывая получать из Дании сметану, овощи и мясо, из Швеции — руду, а из Финляндии — древесину. Гитлер не без основания считает скандинавские страны важнейшим экономическим, но и стратегическим плацдармом для осуществления своих захватнических планов»²³.

Вместе с тем автор статьи подчеркнул, что интерес к Северной Европе проявляли не только немцы. В последнее время, писал он, «Скандинавия стала ареной преимущественно английского влия-

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Ibid. S. 5.

²¹ Declaration med Danmark, Finland, Island och Norge angående likartade neutralitetsbestämmelser // Statens internationella överenskommelser (SÖ) 1938. S. 17.

²² См., например: Neutralitetsreglerna för Norden renoveras // Svenska Dagbladet. 28.05.1938.

²³ Полярная правда. 06.06.1938.

ния», свидетельством чего было усиление напряжения в борьбе за скандинавский рынок между Лондоном и Берлином²⁴.

Масла в огонь добавляла продолжавшаяся советско-финляндская война, вызывавшая серьезные опасения, главным образом у шведов, которые полагали, что следующим шагом могло стать нападение Советского Союза на нейтральную Швецию. Московский мирный договор, ознаменовавший завершение «зимней войны», был подписан только 12 марта 1940 г. К тому времени Вторая мировая война была уже в полном разгаре. Жесткие условия перемирия, которые были выдвинуты советским руководством, рассматривались в Финляндии как диктат. Ее правительство стало еще активнее искать поддержку на Западе с целью добиться корректировки условий договора [Барышников, 1989: 336–368]. Новые императивы изменили геополитическую картину в Северной Европе, сделав положение скандинавских стран еще более шатким. Ситуация вокруг Дании и Норвегии резко накалилась.

При этом к моменту начала Второй мировой войны тяжелое стратегическое положение Дании представлялось вполне очевидным. Опасения датских политиков были небезосновательны: Германия своими действиями транслировала идею, что Дания — зона исключительно немецких интересов. Это в свою очередь укрепляло в сознании датчан уверенность, что защищать их территорию никто не станет.

Буквально за месяц до вторжения армии вермахта в Данию и Норвегию на встрече министров иностранных дел стран Скандинавии и Финляндии в Копенгагене политики северных государств еще раз выразили солидарность по поводу объявленного нейтралитета²⁵, однако благовидные декларации шли вразрез с их реальными действиями. Это разобщение было очевидно как самим скандинавам, так и великим державам.

Помимо действий Германии тревогу вызывал жесткий тон СССР и Великобритании, которые намеревались разорвать торговые нити, связывавшие Третий рейх с источниками сырья. Так, во время встречи министров иностранных дел скандинавских стран было озвучено мнение английского правительства, выражавшего обеспокоенность действиями Швеции, у которой сохранялись тесные торгово-экономические контакты с Германией²⁶.

²⁴ Там же.

²⁵ Kommunique genom T.T. 25 februari 1940 // Förspelet till det tyske angreppet på Danmark och Norge den 9 april 1940. Stockholm, 1947. S. 98.

²⁶ Ibidem.

Действительно, по мере вовлечения стран Скандинавии в воронку войны актуализировался вопрос о поставках железной руды из Швеции в Германию. Так как Ботнический залив в зимние месяцы покрывался льдом, менялся и маршрут доставки ценного сырья для гитлеровской военной машины. В таком случае роль транзитной страны могла взять на себя нейтральная Норвегия. Железнодорожный путь из шведского г. Лулео в норвежский порт г. Нарвик составлял порядка 380 км. Оттуда железная руда по Северному морю с заходом в территориальные воды Норвегии благополучно достигала контролируемых немецким флотом проливов Каттегат и Скагеррак и оказывалась в Германии. Об этом стратегически важном коридоре У. Черчилль высказывался следующим образом: «Примириться с наличием такого коридора значило допустить, <...> чтобы под прикрытием нейтралитета весь этот грузопоток шел беспрепятственно. Военно-морской штаб был сильно обеспокоен этим важным преимуществом, которое предоставлялось Германии, и я при первой возможности поднял этот вопрос перед кабинетом»²⁷.

В начале апреля 1940 г. Великобритания подготовила ноты шведскому и норвежскому правительствам, цель которых была указать нейтралам на имевшиеся явные нарушения обязательств по соблюдению нейтралитета. Это в свою очередь могло послужить предлогом для осуществления британским военным руководством операции-провокации под кодовым названием «Уилфред» [Lunde, 2009: 34]. Ее суть заключалась в минировании участка в территориальных водах Норвегии. Как предполагалось, это спровоцирует гитлеровскую Германию на активные военные выступления в регионе, что позволит британским военным опередить армию вермахта и занять Нарвик, Тронхейм, Берген и Ставангер, оправдывая свои действия защитой нейтральной Норвегии от агрессора. Всё указывало на то, что Норвегия фактически оказалась в тисках двух мощных противников: Англии и Германии [Häikiö, 1983: 59–61]. Четкое осознание великими державами, какие преимущества влечет обладание норвежской территорией, не оставляло ее правительству практически ни единого шанса сохранить нейтралитет и суверенитет.

Свой план по минному заграждению территориальных вод Норвегии в районе Нарвика англичане осуществили в первых числах апреля 1940 г., о чем незамедлительно уведомили дипломатической нотой норвежское правительство [Scandinavia during the Second World War, 1983: 92]. На вопрос, какие цели ставили перед

²⁷ Черчилль У. Вторая мировая война: В 3 кн. Кн. 1. Т. 1. М., 1991. С. 249.

собой англичане этой акцией, ответ был закономерный: нарушить германскую торговлю в нейтральных водах, «отрезать германский экспорт из Нарвика», не дать совершиться гитлеровской операции по нападению на Скандинавию²⁸. Такое развитие событий фактически предопределило ход дальнейшей войны в Скандинавии.

Действия Великобритании были использованы нацистской Германией для оправдания собственной агрессии в регионе. Вторжение гитлеровских войск в Данию и Норвегию («Везерубунг» (нем. «Weserubung»), или «Учения на Везере») началось в ночь с 8 на 9 апреля 1940 г. Германское командование проигнорировало коллективное заявление скандинавских стран и Финляндии о нейтралитете, а также нарушило датско-германский пакт о ненападении, подписанный накануне войны, в мае 1939 г. [Корунова, 2020: 111].

Как доносил в шифротелеграмме нарком судостроительной промышленности СССР И. Тевосян, во время его беседы с рейхсмаршалом Германии Г. Герингом последний утверждал, что, по данным немецкой разведки, англичане планировали вторгнуться на территорию Норвегии. Германия же, якобы руководствуясь намерением защитить нейтрала, предотвратила его захват, опередив Англию всего на 8 часов. В качестве доказательства предоставлялась информация о нахождении на территории нейтрального государства пяти английских транспортов с оружием²⁹.

Из беседы В.М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом явствует, что советская сторона приняла объяснения германского правительства и, со слов советского наркома иностранных дел, посчитала их убедительными, «так как, видимо, Англия слишком далеко зашла в отношении нарушения нейтралитета Норвегии и Дании» и «действительно готовилась к занятию побережья»³⁰.

Незадолго до начала военного вторжения вермахта в Скандинавию через немецкого дипломата Сесиль фон Ренте-Финка П. Мунку были переданы два документа. Один из них — ультиматум, содержащий 13 пунктов с требованиями о капитуляции и неоказании сопротивления немецким вооруженным силам. Таким образом, правительству Т. Стаунинга предписывалось беспрепятственно

²⁸ Там же. С. 267.

²⁹ Шифротелеграмма И. Тевосяна И. Сталину, В. Молотову, К. Ворошилову, А. Микояну от 12 апреля 1940 г. // Вестник Архива Президента Российской Федерации. СССР–Германия: 1933–1941 / Ред. С.В. Кудряшов, Б. Бонвеч. М., 2009. С. 290–291.

³⁰ Из записи беседы народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом о германском вторжении в Норвегию и Данию. 9 апреля 1940 г. // Советско-норвежские отношения. 1917–1955. С. 294.

пропустить нацистские войска через территорию Дании в обмен на сохранение целостности и политической независимости королевства. Помимо этого ряд пунктов касались вопросов создания благоприятных экономических условий для германской экономики и контроля над местными СМИ³¹. Вторым документом представлял собой меморандум с разъяснением причин, побудивших гитлеровское командование занять территории нейтральных государств.

В день нападения на две скандинавские страны шведский министр иностранных дел Кристиан Гюнтер получил ноту от немецкого посланника в Стокгольме Виктора цу Вида с требованием воздержаться от каких-либо мер, направленных на срыв планов Германии по оккупации Дании и Норвегии. Шведским властям было настоятельно рекомендовано сохранять строжайший нейтралитет, в отношении которого, подчеркивалось, правительство Германии выражало свое глубокое уважение. Берлин указывал, что шведским вооруженным силам не следовало появляться за пределами своих территориальных вод в районе проливов Каттегат и Зунд, а также вдоль всего южного побережья вплоть до г. Карлскруна до особого распоряжения.

Кроме того, в германской ноте высказывались намерения использовать Швецию в качестве транзитной территории для телеграфного и телефонного сообщения между Германией и оккупированной Норвегией и сохранить экспорт шведской руды в Третий рейх³².

В ответе на ноту германского правительства шведский МИД напомнил, что Стокгольм неоднократно заявлял о своей нейтральной позиции с момента начала войны и в дальнейшем не планировал отказываться от провозглашенного статуса. Более того, чтобы и в дальнейшем сохранять строгий нейтралитет, Швеции требовалась свобода действий для его охраны. При этом шведское правительство заявляло, что не намерено предпринимать какие-либо шаги, которые могли бы вызвать конфликт между двумя государствами³³.

Важно отметить: четырьмя днями раньше скандинавские страны были уведомлены британским МИД, что любое двустороннее соглашение с Берлином будет рассматриваться как недружественный акт, а формирование скандинавского политического союза в целях

³¹ Kommunique genom T.T. 25 februari 1940 // Förspelet till det tyske angreppet på Danmark och Norge den 9 april 1940. S. 97–98.

³² Note från tyska beskickningen 9 april 1940 // Handlingen rörande Sveriges politik under andra världskriget. Transiteringsfrågor sammanhängande spörsmål april–juni 1940. Stockholm, 1947. S. 3, 4.

³³ Ibidem.

сотрудничества для получения какой-либо помощи от нацистов — как прямая угроза государствам, находящимся в положении войны с Германией³⁴. Ситуация, в которую попали скандинавские страны, казалась безвыходной.

При всей строгости тона ноты британского МИД в документе подчеркивалось благожелательное отношение к нейтралам, чей торговый флот нес потери по вине немецких подводных лодок, мин и авиации. Подчеркивалось, что англичане не собираются уподобляться немцам в их нечестной борьбе за Скандинавию³⁵. Могло сложиться впечатление, что для того чтобы остановить войну, скандинавским странам было достаточно вернуться к строгому нейтралитету, однако это было не так: войну в Скандинавии уже ничем остановить было нельзя.

Таким образом, наметившееся сотрудничество государств Скандинавии и Финляндии в предвоенные годы было разрушено поочередным втягиванием каждой из стран в глобальный конфликт. Единственная сохранявшая нейтралитет Швеция также испытывала сильное давление гитлеровской Германии, что ограничивало ее возможности для политических маневров [подробнее см.: Andreen, 1972; Karlsson, 1974: 17–52].

Послевоенная судьба Скандинавии

Ситуация на Севере Европы начала меняться только после коренного перелома во Второй мировой войне, когда стало очевидно, что силы вермахта ослабевают. Это обеспечило возможность сотрудничества малых стран с союзниками по антигитлеровской коалиции, которые направили свои усилия на освобождение Севера от гитлеровских захватчиков [подробнее см.: Корунова, 2020].

Вместе с тем в конце войны проявилась эрозия антигитлеровской коалиции, потребовавшая от стран Скандинавии и Финляндии мобилизации всех их дипломатических умений и возможностей. Так как в процессе формирования биполярного мира эти государства продолжали играть существенную роль, активизировалась и борьба бывших союзников за сферы влияния на северном фланге европейской подсистемы.

Короткий период с 1945 по 1948 г. стал для четырех стран Северной Европы моментом определения их внешнеполитического курса

³⁴ Note från brittiska beskickningen 5 april 1940 // Handlingar rörande Sveriges politik under andra världskriget. Förspelet till det tyske angreppet på Danmark och Norge den 9 april 1940. S. 235–236.

³⁵ Ibidem.

на долгие десятилетия вперед. Это был совершенно новый опыт, включавший и многообещающую политику «наведения мостов»³⁶ [Noreen, 1994; Holtsmark, 1999], и попытки реализации идеи региональной системы безопасности, и обсуждение проблемы нейтралитета, и многое-многое другое. Складывавшаяся новая биполярная система международных отношений в итоге потребовала от каждого из скандинавских государств и Финляндии сделать свой выбор, который мог гарантировать им безопасность в будущем.

Результатом стало формирование на территории Скандинавии и Финляндии нового баланса сил, в основе которого лежали три типа политики безопасности в одном регионе. И Швеции выпала роль уравнивающей силы в этой уникальной системе эквилибрума.

Сразу после завершения Второй мировой войны Швеция выступила с инициативой создания Скандинавского оборонительного союза. Идея была высказана шведским руководством на встрече Комитета северного сотрудничества 13–14 июля 1945 г. в Стокгольме [Rådehed, 1985: 3]. В основе нового предложения по кооперации в области обороны и безопасности лежала сформулированная шведским министром иностранных дел Эстеном Унденом идея сохранения мира посредством отстаивания политики нейтралитета. При этом он видел важным участие в данном проекте соседних Дании, Норвегии и Финляндии³⁷.

Шведские политики действительно активно вовлекали Финляндию в обсуждение Скандинавского оборонительного союза. Так, в марте 1947 г. шведский премьер-министр Таге Эрландер посетил Хельсинки с неофициальным визитом для переговоров о возможности подобного объединения. Однако в ходе беседы президент Финляндии Юхо Кусту Паасикиви выразил намерение его страны воздержаться от участия в готовившейся в апреле встрече министров иностранных дел государств Северной Европы. Он назвал это необходимой мерой предосторожности, объяснив, что СССР воспринимал данную инициативу как недружественную [Rentola, 2018: 36]. В дальнейшем Финляндия участия в переговорах, касавшихся Скандинавского оборонительного союза, не принимала.

³⁶ Политика «наведения мостов» (с норв. «brobyggingspolitikken») — послевоенная политика Норвегии, основанная на стремлении стать связующим звеном между СССР и Атлантическими державами и иметь доверительные отношения с Советским Союзом, с которым у Норвегии после подписания Московского перемирия (19 сентября 1944 г.) появилась общая граница.

³⁷ Riksdagens protokoll den 4 februari 1948. № 5. Första Kammaren. S. 12.

Советское руководство идею подобной кооперации действительно воспринимало с подозрением. Шведская инициатива подверглась критике советских дипломатов задолго до проведения официальных встреч на высшем уровне для обсуждения планов создания регионального военно-политического союза.

Так, советский дипломат А.М. Александров-Агентов, работавший в 1942–1947 гг. в миссии СССР в Швеции, в своих воспоминаниях называл проект Скандинавского оборонительного союза северным отражением «холодной войны». Ссылаясь на целый комплекс имевшихся в его распоряжении данных, он убежденно заявлял, что «Скандинавский блок, каким бы нейтральным ни изображали его творцы, будет не чем иным, как северным филиалом антисоветского западного блока»³⁸. На это указывал и заведующий V отделом Народного комиссариата иностранных дел А.Н. Абрамов, когда в марте 1946 г. писал члену коллегии МИД СССР К.В. Новикову о том, что «усилившаяся <...> работа» англичан и американцев в Швеции стала восприниматься как попытка превратить страну в «военный плацдарм в будущей войне» [цит. по: Комаров, Коробочкин, 2019: 353].

Безусловно, нельзя было отрицать тот факт, что в Великобритании и США с большим вниманием следили за ситуацией в Скандинавии. Идея кооперации и создания регионального оборонительного союза вызывала в Лондоне не меньше беспокойства, чем в Москве. На одной из встреч комитета британской разведки в ноябре 1947 г. обсуждались основные вопросы, которые следовало задать руководителям шведских военных ведомств, предложивших инициативу формирования Скандинавского оборонительного союза. Основной целью англичан было убедить скандинавов в хрупкости объединения малых стран перед реальной угрозой и уговорить их сотрудничать с западными структурами. Подготовленные вопросы включали три аспекта: отношение скандинавов к возможной поддержке со стороны Великобритании и США, проблема выпуска оборудования по единому стандарту, перспективы переговоров начальников штабов скандинавских стран между собой и с западными партнерами³⁹.

³⁸ Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. М.: Международные отношения, 1994. С. 49–50.

³⁹ CAB 159/2. Ministry of Defence and Cabinet Office: Central Intelligence Machinery: Joint Intelligence Sub-Committee Later Committee: Minutes (JIC Series), 1947–1968: Minutes of the eighteenth Meeting of the Sub-Committee, 19.11.1947 // The National Archives (далее — TNA). Available at: <http://www.secretintelligencefiles.com/Content/swwf.cab159/0002/022> (accessed: 10.04.2020).

В США и вовсе не видели смысла в продолжении скандинавской политики нейтралитета. Целесообразным американской администрации представлялось вовлечение государств Северной Европы в западные структуры, которые могли обеспечить малым странам необходимый уровень безопасности. Так, в меморандуме министра обороны США Кларка Клиффорда президенту Гарри Трумэну было рекомендовано через дипломатические каналы сообщить Норвегии, Швеции, Дании и Исландии о готовности подписать с ними соглашение в целях объединения усилий западноевропейских и североамериканских государств для коллективной обороны⁴⁰. И от датского, и от норвежского правительств в целом был получен положительный отклик. В отношении Швеции, которая настойчиво пыталась держаться в стороне от союзов и вести самостоятельную линию, американская администрация высказывалась скептически, называя шведскую политику наивной, а ее сторонников — склонными к самообману [Рупасов, Самуэльсон, 2014: 91].

В Стокгольме были взволнованы перспективой втягивания скандинавских стран в военный союз и провала политики нейтралитета. Особую обеспокоенность вызывало недоверие великих держав к стремлению шведов оставаться на позициях государства, не участвующего в блоках и союзах. На протяжении всего 1947 г. шведский МИД испытывал давление со стороны американской администрации, которая через своего посла Фримена Метьюза продолжала склонять шведское руководство к отказу от нейтралитета [Sverige inför en ny världsordning, 1945–50, 1995: 13].

Точки над «и» расставила известная речь британского министра иностранных дел Эрнеста Бевина, произнесенная им в палате общин в январе 1948 г. Он подверг резкой критике действия Советского Союза на внешнеполитической арене и призвал к объединению европейских стран против коммунистической угрозы. Реакцией шведского правительства стала речь Э. Ундена перед депутатами риксдага. Глава МИД подчеркнул, что Швеция не желает лишать себя права и возможности оставаться вне новой войны⁴¹. Фактически это означало, что страна не намеревалась присоединяться ни к од-

⁴⁰ The Development of the North Atlantic Treaty Organization (NATO): Memo, Clark Clifford to Harry S. Truman. // Harry S. Truman National Archives. Available at: <https://www.trumanlibrary.gov/library/research-files/memo-clark-clifford-harry-s-truman-1> (accessed: 10.04.2020).

⁴¹ Undén Ö. Sveriges utrikespolitik. Tal i riksdagen den 4 februari 1948. Stockholm, 1948.

ному из формировавшихся блоков и рассчитывала вновь разыграть карту вооруженного нейтралитета.

На протяжении всего 1948 г. шведские дипломаты вели активные переговоры с норвежцами и датчанами по вопросу о сотрудничестве, однако практически с первых шагов натолкнулись на скептическое отношение политиков в обоих государствах. На майской встрече шведского министра иностранных дел с норвежским премьер-министром Эйнаром Герхардсеном в г. Осло последний высказался категорически против вооруженного союза между скандинавскими государствами, аргументировав это слабостью малых стран. Он подчеркнул, что Скандинавский оборонительный союз неизбежно привел бы к зависимости от помощи более сильных государств, и добавил, что его страна больше никогда не намерена следовать изолированному нейтралитету [Bring, 2008: 219].

8–9 сентября 1948 г. состоялась встреча министров иностранных дел трех скандинавских государств в Стокгольме [Hirschfeldt, 1949: 20–23]. Шведский МИД снова выступил с инициативой обсуждения перспектив коллективной деятельности в области безопасности. Всего месяц спустя был дан старт работе совместного комитета с участием трех стран, целью которого было проанализировать перспективы военного сотрудничества⁴². Однако с самого начала обнаружились непреодолимые разногласия. Взаимопонимания не было ни по форме, ни по содержанию данного объединения. У сторон не имелось единого мнения, должен ли это быть союз в полном его понимании, на чем настаивали шведы, или достаточно выработать механизм координации совместных действий в рамках отдельного соглашения в области обороны, подобно тем, что заключались накануне Первой и Второй мировых войн.

Различалось и видение конечной цели оборонительного союза. В то время как для шведов он служил гарантией их нейтралитета в случае войны, для датчан и норвежцев, наоборот, представлялся совершенно бесполезным предприятием без привлечения стран Запада [Molin, Olesen, 1995: 62].

За процессом переговоров пристально наблюдали бывшие союзники по антигитлеровской коалиции. В начале ноября 1948 г. Комиссия Объединенного разведывательного комитета Великобрита-

⁴² Bilaga 4: Den skandinaviska försvarskommittén // Om kriget kommit... Förberedelse för mottagande av militärt bistånd 1949–1969. Bilagor. Statens offentliga utredningar (SOU) 1994:11. Stadsrådsberedningen. Betänkande av Neutralitetspolitikkommissionen. Stockholm, 1994. S. 37.

тании во главе с Уильямом Хейтером подготовила доклад в целях передачи его норвежской стороне для ознакомления и принятия к сведению содержащейся в нем важной информации с последующим рассмотрением и обсуждением в Министерстве обороны Норвегии и в правительстве. В документе отмечалась высокая вероятность скорой кампании русских против западных государств. Скандинавия, по мнению его составителей, не была главной целью СССР, но они подчеркивали, что в стороне ей остаться всё равно не удастся⁴³. В случае нападения на страны Скандинавии Советский Союз будет стремиться к контролю над выходами из Балтийского моря и к захвату военно-морских и воздушных баз.

Основными маршрутами продвижения советских войск, по мнению британских разведчиков, должны были стать не северные территории из-за суровых климатических условий и слабо развитой в регионе дорожной инфраструктуры, а юг Швеции, датские острова и полуостров Ютландия. Нападение на Швецию, по мнению британских военных, было легко осуществить с датского о. Зеландия с задействованием семи сухопутных и одной морской дивизий, 15 авиационных полков с 560 самолетами тактической авиации. Наступление на Осло и Стокгольм должно было стать следующим этапом продвижения советских войск в Скандинавии: три дивизии были бы направлены в шведскую столицу и четыре — в норвежскую. Для взятия Стокгольма советское командование могло привлечь дополнительно одну морскую дивизию ВМС. Предполагалось также, что часть советских войск после этого осталась бы в южной Швеции для контроля ситуации.

Крайне важно для русских, как отмечалось в докладе, было захватить железорудные районы Швеции и порты Северной Норвегии, и для реализации этих планов советское Министерство обороны затратит максимум сил. Главными целями должны были стать города Нарвик и Лулео и железная дорога, соединявшая их, — объекты, продемонстрировавшие свое стратегическое значение в годы Второй мировой войны⁴⁴.

Дальше в докладе подробно описывалось, какими средствами и способами можно было оказать сопротивление гипотетической

⁴³ CAB 158/5. Ministry of Defence and Cabinet Office: Central Intelligence Machinery: Joint Intelligence Sub-Committee later Committee: Memoranda (JIC Series), 1946–1968. Scandinavian Defence. Report by the Joint Intelligence Committee, 04.11.1948 // TNA. Available at: <http://www.secretintelligencefiles.com/Content/swwf.cab158/0005/013> (accessed: 10.04.2020).

⁴⁴ Ibidem.

советской агрессии, с перечислением количества дивизий и единиц военной техники, необходимых для сдерживания атак на указанных выше территориях в Скандинавии. Расчеты производились, исходя из ситуации отсутствия взаимодействия между Данией, Швецией и Норвегией, т.е. пребывания их в положении так называемой изоляции.

Вывод, к которому пришли авторы доклада, заключался в невозможности скандинавских государств обеспечить необходимую обороноспособность в одиночку в случае нападения СССР. Эксперты указывали, что скандинавы нуждаются в материальной помощи в мирное время и вооруженной поддержке, чтобы сдерживать войну в Скандинавии в случае ее начала⁴⁵.

Давление западных партнеров и разочарование в политике «наведения мостов» уверили датских и в еще большей степени норвежских политиков в том, что их странам не удастся осуществить в будущем какие-либо военные программы без одобрения и согласия ведущих держав. С самого начала оба государства настаивали на тесном взаимодействии с Западом. В диалоге со шведскими коллегами они подчеркивали, что оборонительный союз, состоящий из малых стран, не способен решить насущную проблему быстрого перевооружения его членов и не может обеспечить необходимую взаимную материальную поддержку в случае нападения более сильного соперника [Skodvin, 1971: 31]. Шведский подход, который представлял собой попытку усидеть на двух стульях сразу, совмещающая политику нейтралитета с практикой тесного взаимодействия с западными партнерами, не подходил ни Норвегии, ни Дании ввиду их геополитического положения. В этой связи в Копенгагене и Осло очень быстро отказались от бесплодных переговоров со шведами в пользу перспективного диалога с Западом.

В итоге, несмотря на разницу в мотивах великих держав, в отношении Скандинавского оборонительного союза, как это ни парадоксально, их взгляды совпадали. Ни в СССР, ни в Великобритании, ни в США не видели смысла в военно-политической конструкции, усложнявшей и без того накалившуюся до предела ситуацию в мире. Западным державам было куда выгоднее участие малых стран Северной Европы в Атлантическом пакте.

В начале 1949 г. скандинавским странам было предложено присоединиться к Североатлантическому договору. Спустя некоторое время данный вопрос был внесен в повестку дня съезда Народной партии Норвегии, который состоялся 17–20 февраля 1949 г. в Осло.

⁴⁵ Ibidem.

В результате большинство членов партии (329 против 35) проголосовали за вступление в НАТО⁴⁶.

Как рассказывал впоследствии шведский премьер-министр Т. Эрландер, его страну обвиняли в эгоизме и стремлении навязать свои интересы братским скандинавским государствам. Норвежский министр иностранных дел Хальвард Ланге, со слов Т. Эрландера, утверждал, что Осло, в отличие от Стокгольма, наблюдает за происходящим в мире, и в тот момент «ветер дул в паруса» в направлении НАТО, так как в Норвегии остро ощущали угрозу со стороны коммунистической России [Harrison, 2017: 223].

Встреча представителей трех скандинавских государств в Карлстаде 5–6 января 1949 г. продемонстрировала, что в Норвегии достаточно серьезно рассматривали вариант подписания Североатлантического пакта и находились в тесном контакте с американской администрацией [Wahlbäck, 2000: 38]. На очередной встрече спустя три недели разногласия норвежской и шведской сторон подтвердились. И уже на переговорах, состоявшихся 22 января в Осло, ни у кого не было сомнений, что от шведского предложения как Дания, так и Норвегия откажутся.

Завершивший свою работу в январе 1949 г. специальный комитет по проблемам межскандинавского сотрудничества постановил, что для обеспечения безопасности в регионе скандинавским государствам недостаточно объединить свои усилия в области обороны: им необходимо укреплять партнерские отношения с Западом. Причиной такого заключения стала убежденность (главным образом норвежцев и датчан) в угрозе, исходившей для них со стороны Советского Союза⁴⁷. В этом же месяце норвежское правительство официально озвучило намерение присоединиться к Североатлантическому пакту. Его примеру последовала и Дания.

После вхождения этих стран в альянс в США и Великобритании согласились с особым положением Швеции, так как не видели в нем стремления сблизиться с СССР. В сложившихся условиях советское руководство вынуждено было изменить свое отношение к шведской политике неучастия в союзах. Министерство иностранных дел СССР стало придерживаться более взвешенного курса, сменив критику шведского нейтралитета на поддержку выбранного пути [Komarov, 2018: 84].

⁴⁶ Landsmøtet 1949 protokoll over forhandlingene på det 33. ordinære landsmøte 17–20 Februar 1949 i Oslo. Oslo, 1950. S. 189.

⁴⁷ Bilaga 4: Den skandinaviska försvarskommittén // Om kriget kommit... Förberedelse för mottagande av militärt bistånd 1949–1969. S. 75–79.

Таким образом, к концу 1940-х годов на Севере Европы возникла сложная конфигурация безопасности. Система северного баланса [Noreen, 1983: 44–51] базировалась на условном делении стран Скандинавии и Финляндии на три части, статус-кво в регионе обеспечивался четким распределением ролей для каждого из государств. Первым элементом этой североευропейской подсистемы биполярного порядка стал Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Финляндией и СССР, подписанный в апреле 1948 г. В государствах Запада, в том числе в соседних скандинавских странах, этот шаг навстречу друг другу недавно воевавших государств был воспринят как переход Финляндии в сферу интересов СССР. Последовавшее спустя некоторое время подписание правительствами Норвегии, Дании и Исландии Североатлантического пакта завершило деление региона на две части.

В сложившихся условиях создание нейтральной зоны было необходимо для функционирования системы. Великие державы не стали чинить препятствия стремлению шведского руководства занять позицию нейтрального буфера. С этого момента на плечи шведского МИД ложилась сложная задача при явных симпатиях к странам западной демократии и антипатии к советской власти выработать сбалансированный подход во взаимоотношениях с обоими лагерями. Шведским политикам удалось выработать новую концепцию, получившую формулировку «свобода от союзов в мирное время для сохранения нейтралитета в период войны»⁴⁸, которая вполне укладывалась в новые реалии международной политики. Благодаря созданной архитектуре безопасности регион оставался одним из самых спокойных на протяжении длительного периода «холодной войны».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барышников В.Н. К вопросу о выходе Финляндии из Второй мировой войны: визит финской правительственной делегации в Москву в марте 1944 года и его значение (по материалам архива Министерства иностранных дел Финляндии) // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. Вып. 16. СПб., 2016. С. 140–156.
2. Барышников В.Н. К вопросу об объективности выхода Финляндии из Второй мировой войны на стороне Германии в 1944 г.: экономический аспект // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2015. № 16. С. 73–87.

⁴⁸ Эта формулировка принадлежит шведскому министру иностранных дел Э. Ундену и стала широко применяться в годы «холодной войны».

3. Барышников В.Н. О попытке создания в начале 1940 г. тройственного оборонительного союза северных стран // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2000. Вып. 2. С. 18–29.
4. Барышников Н.И. Поворот в политике Финляндии в отношении СССР в 1944–1948 гг. // Скандинавские чтения 2004 года. СПб.: Кунсткамера, 2006. С. 172–175.
5. Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Г. Финляндия во Второй мировой войне. Л.: Лениздат, 1989.
6. Битва за Север. 1944–1945 / Отв. ред. В.В. Ищенко. М.: РОССПЭН, 2020.
7. Веригин С.Г. Советско-финляндские дискуссии по вопросу демаркации границы по Московскому мирному договору 12 марта 1940 г. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2016. № 16. С. 130–139.
8. Вехвилайнен О. Мир или перемирие? // Зимняя война 1939–1940. Книга первая. Политическая история. М.: Наука, 1999. С. 362–374.
9. Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к биполярному миру / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Манькина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2020.
10. Ганюшкин Б.В. Современный нейтралитет. М., 1958.
11. Заполярье 1944–1945. Война, повседневность, память / Отв. ред. А.А. Комаров. М., 2020.
12. Зарецкая О.В. Регионализм во внешней политике Норвегии и Швеции (1945–2000 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2008.
13. Зарецкая О.В. Создание Северного оборонительного союза: норвежская и шведская политика в конце 40-х годов XX века // Скандинавские чтения 2005 года. СПб., 2005. С. 81–87.
14. История Дании / Отв. ред. Ю.В. Кудрина, В.В. Рогинский. М.: Наука, 1998.
15. Кен О.Н., Рупасов А.И., Самуэльсон Л. Швеция в политике Москвы в 1930–1950-е гг. М.: РОССПЭН, 2005.
16. Комаров А.А. Окончание Второй мировой войны и советские интересы в Финляндии и Норвегии (1944–1947) // Северная Европа и Норвегия: проблемы истории. 1999. Вып. 3. С. 220–232.
17. Комаров А.А. Северная Норвегия в советской внешней политике // Северная Европа: проблемы истории. 2011. Вып. 7. С. 196–206.
18. Комаров А.А. Советско-финляндские отношения в 1944–1948 гг. // Россия и Финляндия в многополярном мире: 1809–2009. Материалы Международной российско-финляндской научной конференции (19–22.10.2009). Петрозаводск, 2009. С. 70–81.
19. Комаров А.А. СССР и Скандинавский оборонительный союз (1948–1949) // Северная Европа: проблемы истории. 2003. Вып. 4. С. 90–105.
20. Комаров А.А., Коробочкин М.Л. СССР и шведский нейтралитет. 1945 г. — середина 1950-х гг. // Россия в мире: образы и грани взаимодействия: Сборник статей. М.: Весь мир, 2019. С. 338–380.

21. Корунова Е.В. Конференции министров иностранных дел стран Северной Европы в 1930-е годы. Поиски гарантий безопасности // Северная Европа: проблемы истории. 2011. Вып. 7. С. 128–146.

22. Корунова Е.В. Ослабление позиций Германии на северном фланге европейской подсистемы // Вторая мировая война и трансформация международных отношений. От многополярности к биполярному миру / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. М., 2020. С. 107–123.

23. Корунова Е.В. Проект создания Северного оборонительного союза: скандинавский ответ на кризис Версальско-Вашингтонской системы международных отношений // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. — XXI в.): Материалы IV Международной научно-практической конференции. Витебск, 2019. С. 90–94.

24. Корунова Е.В. Скандинавские страны накануне и в первые годы Второй мировой войны. В поисках формулы безопасности // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 4 (58). Доступ: <https://history.jes.su/s207987840001816-6-1/> (дата обращения: 17.11.2019). DOI: 10.18254/S0001816-6-1.

25. Корунова Е.В. Скандинавские экс-нейтралы после Первой мировой войны: место и роль в новой Версальско-Вашингтонской системе международных отношений // Итоги и последствия Первой мировой войны: взгляд через столетие. Воронеж, 2018. С. 170–179.

26. Мейнандер Х. Финляндия, 1944: война, общество, настроения. М.: Весь мир, 2014.

27. Носков А.М. Скандинавский плацдарм во Второй мировой войне. М.: Наука, 1977.

28. Прусаков Ю.М. Нейтралитет в современном международном праве. М.: Знание, 1972.

29. Рупасов А.И. «Сползающая маска нейтральности». Советско-шведские отношения в конце 1940-х — начале 1950-х годов // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 157–180.

30. Рупасов А.И., Самуэльсон Л. Советско-шведские отношения: вторая половина 1940-х — начало 1960-х гг. М.: РОССПЭН, 2014.

31. Тиунов О.И. Нейтралитет в международном праве. Пермь, 1968.

32. Чернышева О.В. Швеция в годы Второй мировой войны. Экономика, политика, рабочее движение. М.: Наука, 1980.

33. Andreen P. De mörka åren. Perspektiv på svensk neutralitetspolitik våren 1940 — året 1942. Lund, 1972.

34. Andrén N. Maktbalans och alliansfrihet: svensk utrikespolitik under 1900-talet. Stockholm: Norstedts juridik, 1996.

35. Andrén N. Power-balance and non-alignment. A perspective on Swedish foreign policy. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1967.

36. Andrén N., Landqvist Å. Svensk utrikespolitik efter 1945. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1965.

37. Bring O. Neutralitetens uppgång och fall — Eller den gemensamma säkerhetens historia. Stockholm: Atlantis, 2008.

38. Carlgren W.M. Swedish foreign policy during the Second World War. London, Tonbridge: Ernest Benn, 1977.
39. Danmark, Norden og NATO 1948–1962 / Red. af C. Due-Nielsen, N. Petersen. København: Jurist — og Økonomforbundets Forlag, 1991.
40. Häikiö M. The race for the Northern Europe, September 1939 — June 1940 // Scandinavia during the Second World War / Ed. by H.S. Hissen. Oslo: Universitetsforlaget, 1983. S. 53–98.
41. Harrison D. Jag har ingen vilja till makt. Biografi över Tage Erlander. Stockholm: Ordfront, 2017.
42. Haskel B.G. The Scandinavian option. Opportunities and opportunity costs in postwar Scandinavian foreign policies. Oslo: Universitetsforlaget, 1976.
43. Hirschfeldt L. Scandinavien och Atlantpakten. De skandinaviska alliansförhandlingarna 1948–1949. Stockholm: Utrikespolitiska Inst., 1949.
44. Holtsmark S.G. Norge og Sovietunionen — bilaterisering og fellestyre // NATO 50 år. Norsk sikkerhetspolitikk med NATO gjennom 50 år. Oslo: Den norske atlantehavskomiteé, 1999. Available at: <https://www.atlantehavskomiteen.no/files/dnak/Documents/Publikasjoner/Sven%20G.%20Holtsmark%20-%20Norge%20og%20Sovjetunionen%20-%20bilaterisering%20og%20fellesstyre.pdf> (accessed: 24.08.2020).
45. Karlsson R. Så stoppades tysktågen. Den tyska transiteringstrafiken i svensk politik 1942–1943. Stockholm: Allmänna Förlaget, 1974.
46. Karsh E. Neutrality and small states. New York: Routledge, 1988.
47. Komarov A. The Soviet view // Cold War views on Sweden / Ed. by G. Arteus, K. Zetterberg. Falun: Scandbook AB, 2018. P. 81–98.
48. Linder J. Svår neutralitet. Sverige under två sekel. Enske: TPB, 2005.
49. Lindholm R. Sveriges neutralitet: Swedish neutrality. Lund: Juridiska Föreningen, 1987.
50. Lunde O. Hitler's pre-emptive war. The battle for Norway. Havertown: Casemate Publishing, 2009.
51. Manninen O. The Soviet plans for the North Western theatre of operations in 1939–1944. Helsinki: National Defense College, 2004.
52. Molin K., Olesen T.B. Security policy and domestic politics in Scandinavia 1948–49 // Independence versus integration. Denmark, Scandinavia and Western Europe, 1945–1960. Odense University Press, 1995. P. 62–81.
53. Neutrality: Its history, economics and law / Ed. by P.C. Jessup. Vol. IV. Today and tomorrow. New York: Columbia University Press, 1936.
54. Nøkleby B. Hitlers Norge: okkupasjonsmakten 1940–1945. Oslo: Cappelen Damm, 2016.
55. Noreen E. Brobygge eller blockbildning? De norska och svenska utrikesledningarnas säkerhetspolitiska föreställningar 1945–1948. Doctoral Thesis. Stockholm, 1994.
56. Noreen E. The Nordic balance: A security policy concept in theory and practice // Cooperation and conflict. 1983. Vol. 18. No. 1. P. 43–65.
57. Ottosson S. Den (o)moraliska neutraliteten: tre politikere och tre tidningars moraliska värdering av svensk utrikespolitik 1945–1952. Stockholm: Santérus, 2000.

58. Polvinen T., Kirby D.G., Herring P. *Between East and West: Finland in international politics. 1944–1947.* Helsinki: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1986.
59. Rådehed J.-E. *Swedish forces to aid Norway? The Nordic security question 1948–1949.* Oslo: National Defense College Norway, Research Centre for Defense History, 1985.
60. Rentola K. The Finnish view // *Cold War views on Sweden* / Ed. by G. Arteus, K. Zetterberg. Falun: Scandbook AB, 2018. P. 33–43.
61. *Scandinavia during the Second World War* / Ed. by H.S. Nissen. Oslo: Universitetsforlaget, 1983.
62. Skodvin M. *Norden eller NATO? Utenriksdepartementet og alliansespørsmålet, 1947–1949.* Oslo: Universitetsforlaget, 1971.
63. *Sverige inför en ny världsordning, 1945–50. Formativa år för svensk utrikespolitik?* / Red. C. Silva, T. Jonter. Stockholm: Stockholm Utrikespolitiska institutet, 1995.
64. Sönsteby G. *Oslogänget: norskt motstånd mot tysk ockupation.* Stockholm: Svenskt militärhistoriskt bibliotek, 2015.
65. Thulstrup Å. *Svensk utrikespolitik under andra världskriget.* Stockholm: Bonnier, 1950.
66. Wahlbäck K. *Försvarsförbundsförhandlingarna 1948–49 // Norden i sicksack. Tre spårbyten inom norskt samarbete.* Stockholm. 2000. P. 31–45.
67. Wahlbäck K. *Neutralitet och solidaritet: ett dilemma i svensk säkerhetspolitik 1920–1996.* Stockholm, 1997.
68. Zetterberg K. *Sweden in the shadow of Nazi Germany and Hitler 1939–1945.* London: Bloomsbury Academic, 2012.

E.V. Korunova

**NEUTRALITY OR INVOLVEMENT?
WORLD WAR II AND EVOLUTION
OF FOREIGN POLICY CONCEPTS
OF THE NORDIC COUNTRIES**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

In the middle of the 20th century a unique subsystem of international relations emerged in the Northern Europe, which has turned it into one of the stablest and most peaceful regions during the Cold War period. Nowadays, rising international tensions bring new relevance to the history lessons of World War II, its origins and aftermaths. The paper examines the evolution of the Nordic countries' views on the issue of neutrality from mid-1930s to the end of 1940s. The first section considers the approaches of the Scandinavian countries to the establishment of a collective security system in the region in

the interwar period. In that regard, the paper focuses on the Swedish project of the Northern defense alliance, which was aimed at deepening military cooperation between the states of the region and strengthening their ability to jointly deter any aggression as the best way to guarantee their neutrality. However, this project had not been implemented, because it faced both cool reactions from the leaders of Norway and Denmark and suspicion from the leading powers. According to the author, the fundamental reason for the failure of that project was that Sweden, Norway, Denmark, and Finland sought support and protection from different, opposing great powers. The latter circumstance had also to a large extent predetermined the fate of the Scandinavian countries during the war years, when almost all of them were in one form or another involved in the conflict. The victory of the anti-Hitler coalition both opened new opportunities and posed new challenges for the states of the region: in the emerging bipolar world they rapidly turned into the subject matter of dispute of the superpowers. In these conditions, Sweden once again put forward the idea that in order to preserve peace in the region, the Nordic countries should be able to defend their neutrality and proposed the establishment of a Scandinavian Defense Union. In the final section, the paper examines the reaction to this project of the Scandinavian countries, the Soviet Union, the United States, and Great Britain. The author shows that although this reaction was more than restrained, and the project was not implemented, Sweden's initiatives contributed to the creation of a unique security architecture in Northern Europe, where each state of the region had its own role with the neutral Sweden serving as a balancing force.

Keywords: World War II, neutrality, the Nordic countries, Denmark, Sweden, Norway, Northern Defense Alliance, Scandinavian Defense Union, declaration of neutrality, defense, security.

About the author: *Evgeniya V. Korunova* — PhD (History), Associate Professor, Deputy Head of the Chair of Modern and Contemporary History, School of History, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ekorunova@yandex.ru).

REFERENCES

1. Baryshnikov V.N. 2016. K voprosu o vykhode Finlyandii iz Vtoroi mirovoi voyny: vizit finskoi pravitel'stvennoi delegatsii v Moskvu v marte 1944 goda I ego znachenie (po materialam arkhiva Ministerstva inostrannykh del Finlyandii) [Finland's withdrawal from World War II: The visit of the Finnish governmental delegation to Moscow in March 1944, and its importance (On the archival materials of the Ministry of Foreign Affairs of Finland)]. *Trudy kafedry istorii novogo i noveishego vremeni*, iss. 16, pp. 140–156. (In Russ.)
2. Baryshnikov V.N. 2015. K voprosu ob ob"ektivnosti vykhoda Finlyandii iz Vtoroi mirovoi voyny na storone Germanii v 1944 g.: ekonomicheskii aspekt

[The question of objectivity Finland's withdrawal on the side of Germany from the Second World War in 1944: The economic aspect]. *Sankt-Peterburg i strany Severnoi Evropy*, no. 16, pp. 73–87. (In Russ.)

3. Baryshnikov V.N. 2000. O popytke sozdaniya v nachale 1940 g. troistvennogo oboronitel'nogo soyuza severnykh stran [On the attempt to create a tripartite defense alliance of the Northern countries in the beginning of 1940]. *Vestnik SPbGU*, ser. 2, iss. 2, pp. 18–29. (In Russ.)

4. Baryshnikov N.I. 2006. Povорот v politike Finlyandii v otnoshenii SSSR v 1944–1948 gg. [A turnaround in the Finland's policy towards the Soviet Union in 1944–1948]. *Skandinavskie chteniya 2004 goda*. Saint Petersburg, Kunstkamera Publ., pp. 172–175. (In Russ.)

5. Baryshnikov N.I., Baryshnikov V.N., Fedorov V.G. 1989. *Finlyandiya vo Vtoroi mirovoi voine* [Finland in the Second World War]. Leningrad, Lenizdat Publ. (In Russ.)

6. Ishchenko V.V. (ed.). 2020. *Bitva za Sever. 1944–1945* [Battle for the North. 1944–1945]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)

7. Verigin S.G. 2016. Sovetsko-finlyandskie diskussii po voprosu demarkatsii granitsy po Moskovskomu mirnomu dogovoru 12 marta 1940 g. [Soviet-Finnish discussions on the question of demarcation of the border under the Peace Treaty of March 12, 1940]. *Trudy kafedry istorii novogo i noveishego vremeni*, no. 16, pp. 130–139. (In Russ.)

8. Vekhvilyainen O. 1999. Mir ili peremirie? [Peace or armistice?]. In *Zimnyaya voina 1939–1940. Kniga pervaya. Politicheskaya istoriya* [The Winter war, 1939–1940. Book one. Political history]. Moscow, Nauka Publ., pp. 362–374. (In Russ.)

9. Belousov L.S., Manykin A.S. (eds.). 2020. *Vtoraya mirovaya voina i transformatsiya mezhdunarodnykh otnoshenii: ot mnogopolyarnosti k bipolyarnomu miru* [The Second World War and the transformation of international relations: From multipolarity to a bipolar world]. Moscow, Moscow University Press Publ. (In Russ.)

10. Ganyushkin B.V. 1958. *Sovremennyi neitralitet* [Contemporary neutrality]. Moscow. (In Russ.)

11. Komarov A.A. (ed.). 2020. *Zapolyar'e 1944–1945: Voyna, povsednevnost', pamyat'* [The circumpolar North 1944–1945: War, everyday life, memory]. Moscow. (In Russ.)

12. Zaretskaya O.V. 2008. *Regionalizm vo vneshnei politike Norvegii i Shvetsii (1945–2000 gg.)* [Regionalism in foreign policy of Norway and Sweden (1945–2000)]. PhD Thesis. Arkhangelsk. (In Russ.)

13. Zaretskaya O.V. 2005. Sozdanie Severnogo oboronitel'nogo soyuza: norvezhsкая i shvedskaya politiki v kontse 40-kh godov XX veka [The creation of the Northern defense alliance: Norwegian and Swedish policies in the end of the 1940s]. *Skandinavskie chteniya 2005 goda*. Saint Petersburg, pp. 81–87. (In Russ.)

14. Kudrina Yu.V., Roginskii V.V. (eds.). 1998. *Istoriya Danii* [A history of Denmark]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

15. Ken O.N., Rupasov A.I., Samuel'son L. 2005. *Shvetsiya v politike Moskvy 1930–1950-e gg.* [Sweden in the policy of Moscow, 1930–1950s]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)
16. Komarov A.A. 1999. Okonchanie Vtoroi mirovoi voiny i sovetskie interesy v Finlyandii i Norvegii (1944–1947) [The end of the Second World War and the Soviet interests in Finland and Norway (1944–1947)]. *Severnaya Evropa i Norvegiya: problemy istorii*, iss. 3., pp. 220–232. (In Russ.)
17. Komarov A.A. 2011. Severnaya Norvegiya v sovetskoj vneshnei politike [Northern Norway in the Soviet foreign policy]. *Severnaya Evropa: problemy istorii*, iss. 7, pp. 196–206. (In Russ.)
18. Komarov A.A. 2009. Sovetsko-finlyandskie otnosheniya v 1944–1948 gg. [The Soviet-Finland relations, 1944–1948]. In *Rossiya i Finlyandiya v mnogopolyarnom mire: 1809–2009. Materialy Mezhdunarodnoi rossiisko-finlyandskoj nauchnoi konferentsii* [Russia and Finland in a multipolar world (1809–2009). Proceedings of the Russian-Finland academic conference]. Petrozavodsk, pp. 70–81. (In Russ.)
19. Komarov A.A. 2003. SSSR i Skandinavskii oboronitel'nyi soyuz (1948–1949) [The Soviet Union and The Scandinavian defense union (1948–1949)]. *Severnaya Evropa: problemy istorii*, iss. 4, pp. 90–105. (In Russ.)
20. Komarov A.A., Korobochkin M.L. 2019. SSSR i shvedskii neitralitet. 1945 g. — seredina 1950-kh gg. [The Soviet Union and the Swedish neutrality. 1945 — mid 1950s]. In *Rossiya v mire: obrazy i grani vzaimodeistviya. Sbornik statei* [Russia in the world: images and lines of interaction. Collection of research articles]. Moscow, Ves' mir Publ., pp. 338–380. (In Russ.)
21. Korunova E.V. 2011. Konferentsii ministrov inostrannykh del stran Severnoi Evropy v 1930-e gody. Poiski garantii bezopasnosti [Conferences of Foreign Ministers of the Nordic states in the 1930s. In search of security assurances]. *Severnaya Evropa: problemy istorii*, iss. 7, pp. 128–146. (In Russ.)
22. Korunova E.V. 2020. Oslablenie pozitsii Germanii na severnom flange evropeiskoi podsistemy [Weakening of Germany's positions in the Northern flank of the European subsystem]. In Belousov L.S., Manykin A.S. (eds.). 2020. *Vtoraya mirovaya voyna i transformatsiya mezhdunarodnykh otnoshenii: ot mnogopolyarnosti k bipolyarnomu miru* [The Second World War and the transformation of international relations: From multipolarity to a bipolar world]. Moscow, Moscow University Press Publ., pp. 107–123. (In Russ.)
23. Korunova E.V. 2019. Proekt sozdaniya Severnogo oboronitel'nogo soyuza: skandinavskii otvet na krizis Versal'sko-Vashingtonskoi sistemy mezhdunarodnykh otnoshenii [The Northern defense alliance project: The Scandinavian response to the crisis of the Versailles-Washington system of international relations]. In *Aktual'nye problemy mezhdunarodnykh otnoshenii i diplomatii (1918 g. — XXI v.): Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Current issues of international relations and diplomacy (1918 — 21st century). Proceedings of IV international academic and practical conference]. Vitebsk, pp. 90–94. (In Russ.)

24. Korunova E.V. 2017. Skandinavskie strany nakanune i v pervye gody Vtoroi mirovoi voyny. V poiskakh formuly bezopasnosti [Nordic countries on the eve and in the first years of the Second World War. In search of a safety formula]. *Istoriya*, vol. 8, iss. 4 (58). Available at: <https://history.jes.su/s207987840001816-6-1/> (accessed: 17.11.2019). DOI: 10.18254/S0001816-6-1. (In Russ.)
25. Korunova E.V. 2018. Skandinavskie eks-neitrally posle Pervoi mirovoi voyny: mesto i rol' v novoi Versal'skogo-Vashingtonskoi sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii [The Nordic ex-neutrals after the First World War: Place and role in the new Versailles-Washington system of international relations]. In *Itogi i posledstviya Pervoi mirovoi voyny* [The outcomes and consequences of the First World War]. Voronezh, pp. 170–179. (In Russ.)
26. Meinander H. 2009. *Finland 1944: krig, samhälle, känslolandskap*. Stockholm, Atlantis [Russ. ed.: Meinander Kh. 2014. *Finlyandiya, 1944: voina, obshchestvo, nastroyeniya*. Moscow, Ves' mir Publ.]
27. Noskov A.M. 1977. *Skandinavskii platsdarm vo Vtoroi mirovoi voine* [The Nordic staging ground in the Second World War]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
28. Prusakov Yu.M. 1972. *Neitralitet v sovremennom mezhdunarodnom prave* [Neutrality in contemporary international law]. Moscow, Znanie Publ. (In Russ.)
29. Rupasov A.I. 2014. 'Spolzayushchaya maska neutral'nosti'. Sovetsko-shvedskie otnosheniya v kontse 1940-kh — nachale 1950-kh godov ['The mask of neutrality slips away'. Soviet-Swedish relations in the late 1940s — early 1950s]. *Noveishaya istoriya Rossii*, no. 1, pp. 157–180. (In Russ.)
30. Rupasov A.I., Samuel'son L. 2014. *Sovetsko-shvedskie otnosheniya: vtoraya polovina 1940-kh — nachalo 1960-kh gg.* [The Soviet-Swedish relations: The second half of 1940s — beginning of 1960s]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)
31. Tiunov O.I. 1968. *Neitralitet v mezhdunarodnom prave* [Neutrality in the international law]. Perm'. (In Russ.)
32. Chernysheva O.V. 1980. *Shvetsiya v gody Vtoroi mirovoi voyny. Ekonomika, politika, rabochee dvizhenie* [Sweden during the Second World War. Economy, politics, labor movement]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
33. Andreen P. 1972. *De mörka åren. Perspektiv på svensk neutralitetspolitik våren 1940 — nyåret 1942*. Lund.
34. Andrén N. 1996. *Maktbalans och alliansfrihet: svensk utrikespolitik under 1900-talet*. Stockholm, Norstedts juridik.
35. Andrén N. 1967. *Power-balance and non-alignment. A perspective on Swedish foreign policy*. Stockholm, Almqvist & Wiksell.
36. Andrén N., Landqvist Å. 1965. *Svensk utrikespolitik efter 1945*. Stockholm, Almqvist & Wiksell.
37. Bring O. 2008. *Neutralitetens uppgång och fall — Eller den gemensamma säkerhetens historia*. Stockholm, Atlantis.
38. Carlgren W.M. 1977. *Swedish foreign policy during the Second World War*. London, Tonbridge, Ernest Benn.
39. Due-Nielsen C., Petersen N. (eds.). 1991. *Danmark, Norden og NATO 1948–1962*. København, Jurist — og Økonomforbundets Forlag.

40. Häikiö M. 1983. The race for the Northern Europe, September 1939 — June 1940. In Hissen H.S. (ed.). *Scandinavia during the Second World War*. Oslo, Universitetsforlaget. S. 53–98.
41. Harrison D. 2017. *Jag har ingen vilja till makt. Biografi över Tage Erlander*. Stockholm, Ordfront.
42. Haskel B.G. 1976. *The Scandinavian option. Opportunities and opportunity costs in postwar Scandinavian foreign policies*. Oslo, Universitetsforlaget.
43. Hirschfeldt L. 1949. *Scandinavien och Atlantpakten. De skandinaviska alliansförhandlingarna 1948–1949*. Stockholm, Utrikespolitiska Inst.
44. Holtsmark S.G. 1999. Norge og Sovietunionen — bilaterisering og fellestyre. In *NATO 50 år. Norsk sikkerhetspolitikk med NATO gjennom 50 år*. Oslo, Den norske atlantterhavskomité. Available at: <https://www.atlantterhavskomiteen.no/files/dnak/Documents/Publikasjoner/Sven%20G.%20Holtsmark%20-%20Norge%20og%20Sovjetunionen%20-%20bilaterisering%20og%20fellesstyre.pdf> (accessed: 24.08.2020).
45. Karlsson R. 1974. *Så stoppades tysktågen. Den tyska transiteringstrafiken i svensk politik 1942–1943*. Stockholm, Allmänna Förlaget.
46. Karsh E. 1988. *Neutrality and small states*. New York, Routledge.
47. Komarov A. 2018. The Soviet view. In Arteus G., Zetterberg K. (eds.). *Cold War views on Sweden*. Falun, Scandbook AB. P. 81–98.
48. Linder J. 2005. *Svår neutralitet. Sverige under två sekel*. Enskede, TPB.
49. Lindholm R. 1987. *Sveriges neutralitet: Swedish neutrality*. Lund, Juridiska Föreningen.
50. Lunde O. 2009. *Hitler's pre-emptive war. The battle for Norway*. Havertown, Casemate Publishing.
51. Manninen O. 2004. *The Soviet plans for the North Western theatre of operations in 1939–1944*. Helsinki, National Defense College.
52. Molin K., Olesen T.B. 1995. Security policy and domestic politics in Scandinavia 1948–49. In *Independence versus integration. Denmark, Scandinavia and Western Europe, 1945–1960*. Odense University Press, pp. 62–81.
53. Jessup P.C. (ed.). 1936. *Neutrality: Its history, economics and law. Vol. IV. Today and tomorrow*. New York, Columbia University Press.
54. Nøkleby B. 2016. *Hitlers Norge: okkupasjonsmakten 1940–1945*. Oslo, Cappelen Damm.
55. Noreen E. 1994. *Brobygge eller blockbildning? De norska och svenska utrikesledningarnas säkerhetspolitiska föreställningar 1945–1948*. Doctoral Thesis. Stockholm.
56. Noreen E. 1983. The Nordic balance: A security policy concept in theory and practice. *Cooperation and conflict*, vol. 18, no. 1, pp. 43–65.
57. Ottosson S. 2000. *Den (o)moraliska neutraliteten: tre politikere och tre tidningars moraliska värdering av svensk utrikespolitik 1945–1952*. Stockholm, Santérus.
58. Polvinen T., Kirby D.G., Herring P. 1986. *Between East and West: Finland in international politics. 1944–1947*. Helsinki, Werner Söderström Osakeyhtiö.

59. Rådehed J.-E. 1985. *Swedish forces to aid Norway? The Nordic security question 1948–1949*. Oslo, National Defense College Norway, Research Centre for Defense History.
60. Rentola K. 2018. The Finnish view. In Arteus G., Zetterberg K. (eds.). *Cold War views on Sweden*. Falun, Scandbook AB. P. 33–43.
61. Nissen H.S. (ed.). 1983. *Scandinavia during the Second World War*. Oslo, Universitetsforlaget.
62. Skodvin M. 1971. *Norden eller NATO? Utenriksdepartementet og alliansespørsmålet, 1947–1949*. Oslo, Universitetsforlaget.
63. Silva C., Jonter T. (eds.). 1995. *Sverige inför en ny världsordning, 1945–50. Formativa år för svensk utrikespolitik?* Stockholm, Stockholm Utrikespolitiska institutet.
64. Sönsteby G. 2015. *Oslogänget: norskt motstånd mot tysk ockupation*. Stockholm, Svenskt militärhistoriskt bibliotek.
65. Thulstrup Å. 1950. *Svensk utrikespolitik under andra världskriget*. Stockholm, Bonnier.
66. Wahlbäck K. 2000. Försvarsförbundsförhandlingarna 1948–49. In *Norden i sicksack. Tre spårbyten inom norskt samarbete*. Stockholm, pp. 31–45.
67. Wahlbäck K. 1997. *Neutralitet och solidaritet: ett dilemma i svensk säkerhetspolitik 1920–1996*. Stockholm.
68. Zetterberg K. 2012. *Sweden in the shadow of Nazi Germany and Hitler 1939–1945*. London, Bloomsbury Academic.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

КОКОШИН А.А.

Заместитель главного редактора

ЮДИН Н.В.

Члены редколлегии:

БАБЫНИНА Л.О.

ПРОХОРЕНКО И.Л.

БАРСЕНКОВ А.С.

РЫХТИК М.И.

БАРТЕНЕВ В.И.

СЕРГУНИН А.А.

БЕЛОКРЕНИЦКИЙ В.Я.

СИДОРОВ А.А.

ГЛАЗУНОВА Е.Н.

СТЕПАНОВА Е.А.

ЗВЯГЕЛЬСКАЯ И.Д.

ФЕНЕНКО А.В.

КУЗНЕЦОВ В.А.

ХАХАЛКИНА Е.В.

ПАНОВ А.Н.

ЯКОВЛЕВ А.И.

ПОТЕМКИНА О.Ю.

Редактор

МАЛЕВАННАЯ Е.А.

Адрес редакции:

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1-й учеб. корпус гуманитарных факультетов, факультет мировой политики, к. 601.

Тел. 8 (495) 939-52-71.

E-mail: vestnik.fmp@gmail.com

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-35059 от 23 января 2009 г.

Подписано в печать 03.09.2020. Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага офс. № 1.

Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 16,0. Уч.-изд. л. 15,2. Тираж экз.

Изд. № 11569. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11)

Тел.: (495) 939-32-91. E-mail: secretary-msu-press@yandex.ru

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано: Публичное акционерное общество «Т8 Издательские Технологии».

109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5.

ИНДЕКС 88513 (каталог «Пресса России»)

ISSN 0201-7385. ISSN 2076-7404

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 25. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА. 2020. Т. 12. № 3. 1–256.